

В. В. Седов

**У истоков
восточнославянской
государственности**

УРСС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

В. В. Седов

**У истоков
восточнославянской
государственности**

УРСС
Москва, 1999

Валентин Васильевич Седов
У истоков восточнославянской государственности

М.: УРСС, 1999. — 144 с.

ISBN 5-88417-209-5

В книге известного археолога-слависта обобщаются его изыскания последних лет, касающиеся предпосылок и процессов формирования двух древнейших государств у восточных славян. Выстроена во многом обновленная концепция, в которой особое место отводится археологическим культурам дописьменного периода, летописным славянским племенам, хазарам, варягам, другим соседним народам и государствам. Книга адресована не только специалистам-историкам, но и всем, кто интересуется древней историей Руси.

Оригинал-макет — Н. В. Лопатин

Издательство «УРСС». 111672, г. Москва, ул. Новокасинская, д. 27/174.

Лицензия ЛР № 063377 от 23.05.96 г. Подписано к печати 01.07.99 г.

Формат 60×84/16. Печ. л. 9. Зак. № 93

Отпечатано в ТОО «Типография ПЭМ». 121471, г. Москва, Можайское шоссе, 25.

ISBN 5-88417-209-5

© В. В. Седов, 1999

© Издание: УРСС, 1999

Издательство УРСС научная и учебная литература

Тел: 135-44-23, 135-42-46. E-mail: urss@urss.isa.ac.ru

Каталог изданий в Internet: <http://urss.isa.ac.ru>

ВВЕДЕНИЕ

Первые раннегосударственные образования в славянском мире зарождаются в VII в. Хроника Фредегарда сообщает, что в 623/624 г. славяне одного из регионов Среднего Подунавья взбунтовались против своих поработителей, отказались подчиняться аварам и победили их в военном сражении. В составе славянского войска участвовал франк Само, прибывший к славянам с большой группой купцов ради торговых целей. Само был избран славянами королем и возглавлял первое славянское государство в течение 35 лет [1].

История этого раннегосударственного образования не отражена в исторических источниках, даже вопрос об его конкретном местонахождении остается открытым. Можно лишь догадываться, что становление государства было обусловлено в значительной степени развитием торговли между славянами и франками, в которой были заинтересованы обе стороны. Аварское завоевание славянских земель Среднего Подунавья, сопровождаемое грабежами и унижениями, нарушило нормальное развитие торговых операций. В этих условиях и было образовано государство Само. Под его водительством славяне много раз успешно сражались и с аварами, и с франками, отстаивая свою независимость.

К последним десятилетиям VII в. относится становление Болгарского государства в Северо-Западном Причерноморье. Это было военно-политическое объединение, высшая власть в котором принадлежала пришлым болгарам-тюрьками, а основу населения образовывали славяне-земледельцы. Возникновение этого государства было не результатом процесса социально-экономического развития общества. Наоборот, укрепление государственности стало мощным импульсом в развитии производительных сил и формировании болгарского этноса [2].

История этих государственных образований — яркий показатель того, что государственность не есть непременно продукт классового общества. Государства в раннесредневековом славянском мире, как, впрочем, и в других регионах Европы, зарождались в самых различных исторических условиях, их становление и развитие зависело от многих факторов — экономических, политических, военных и других. Процесс становления государственности протекал в разных регионах обширного славянского мира крайне неравномерно в течении не одного столетия.

Говоря о первых славянских государственных образованиях, нельзя не упомянуть Великоморавскую державу, становление которой относится к 20-м годам IX в., а наибольший расцвет приходится на вторую половину этого столетия [3].

Проблема зарождения государственности в восточнославянской среде обсуждается учеными около двух столетий. Данных исторических источников по этой теме очень и очень мало, что создает почву для самых различных интерпретаций и гипотетических построений [4].

Современные историки считают, что названные в древнерусских летописях образования — поляне, древляне, словене, вятичи и другие представляли собой союзы славянских племен, заселивших широкие пространства Восточно-Европейской равнины. Это были политические формирования, предшествовавшие становлению Древнерусского государства, начало которому определяется обычно 882 годом, когда Олег стал княжить в Киеве, подчинив себе и днепровские и словенско-кривичские земли.

Племенные союзы или племенные княжения восточного славянства рассматриваются как ранняя и примитивная форма зарождающейся государственности. Властными институтами их были племенные собрания, князья с дружиной, осуществлявшие сбор дани и выполнявшие военные и судебные функции. Основную массу населения племенных союзов составляли свободные мужи-общинники [5].

Процесс формирования ранних государств в славянском мире шел по линии подчинения одними племенными княжениями других. Результатом такой политической интеграции и ста-

ло образование более крупного организма — Древнерусского государства, включившего в свою территории области близко родственных союзов племен.

Эпоха племенных княжений в восточнославянском ареале датируется обычно от VII до X в.

Согласно Х. Ловмянському, проанализировавшему древнерусские и польские источники, общественный строй племенных союзов в славянском мире сохранял демократические черты, управлялись они племенными собраниями (вече). Из среды племенной знати, которая уже выделялась в социальном и имущественном отношениях и располагала какими-то земельными владениями, на вечевых собраниях избирались старейшины, власть которых не была индивидуально наследственной. Историк полагал, что славянские государства слагались из нескольких союзов племен, связанных между собой этноязыковым родством. Так, основой Древнерусского государства стали восточнославянские племена, вступившие в данническую зависимость по отношению к его центру, но сохранившие политическую самостоятельность [6].

Материалы археологии позволяют более или менее основательно охарактеризовать жизнь, быт, экономику и этнографическую специфику каждого из летописных племенных образований восточного славянства и очертить территории их расселения. Труднее проникнуть в общественно-политическую суть этих образований. Попытка Б. А. Рыбакова привлечь для воссоздания истории племенного союза вятичей VIII—IX вв. восточные источники безусловно весьма интересна [7]. Однако вопрос об отождествлении упоминаемого восточными авторами города Вантита с вятичами нельзя считать решенным.

К более раннему времени, по мнению Б. А. Рыбакова, относится сложение в Среднем Поднепровье с центром в Киеве славянского (антского) племенного союза русов. Его территория очерчивается исследователем на основании комплексов вещевых находок мартыновского типа, датируемых V—VII вв. и включающих поясные наборы, пальчатые фибулы, подвески, бусы и предметы вооружения. Область расселения русов совпадает с термином «Русская земля», употребляемым в XII в. летописцами в узком смысле для обозначения только территории

Киевского, Черниговского и Переяславского княжеств. В VIII—IX вв. племенной союз русов, согласно построениям Б. А. Рыбакова, трансформируется в суперсоюз, в его пределы вошли и некоторые другие славянские племена [8]. Подтвердить эту мысль ни археологическими средствами, ни историческими данными, однако, не представляется возможным.

В связи с отчетливо выявляемом в летописях узком значении термина «Русская земля», прилагаемом к области Киева, Чернигова и Переяславля, А. Н. Насонов еще в 50-х годах XX в. предполагал, что это было политико-территориальное образование, предшествующее сложению Древнерусского государства. Русская земля представляла раннегосударственное образование, возникшее в IX в. в период упадка Хазарского каганата. В X в. оно стало основой становления Древнерусского государства [9].

В исторических источниках обнаруживается также некоторое слабое отражение функционирования накануне становления Древнерусского государства политического образования и на севере восточнославянского ареала. Оно оценивается или как территориально-политическое предгосударственное образование («союз племен») или как раннее государство дружинного типа, но исследовать его обстоятельно без широкого привлечения данных археологии было затруднительно [10].

В предлагаемой читателю книге предпринята попытка конкретизировать наши знания о раннегосударственных образованиях восточного славянства, непосредственно предшествующих становлению единого Древнерусского государства. Для изучения поставленных в исследовании проблем были проанализированы и синтезированы данные исторических источников совместно с новейшими материалами археологии. Взгляды предшественников рассмотрены в процессе освещения тех или иных вопросов. Дискуссионность отдельных положений исследования неизбежна, она в значительной степени обусловлена неполнотой источникового фонда.

1. Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 132–134.
2. Там же. С. 256–273.
3. Das Grossmährische reich. Praha, 1966; Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М., 1985; Grossmähren und die Anfänge der tschechoslowakischen Staatlichkeit. Praha, 1986.

4. Историографию вопроса см.: Шаскольский И.П. Образование Древнерусского государства // Советская историография Киевской Руси. Л., 1978. С. 128–141.
5. Бахрушин С.В. «Держава Рюриковичей» // Историк-марксист. 1938. № 2. С. 90–91; Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. Л., 1971. С. 99–107; Шаскольский И.П. О начальных этапах формирования Древнерусского государства // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972. С. 56–57; Корольюк В.Д. Основные проблемы формирования раннефеодальной государственности и народностей славян Восточной и Центральной Европы // Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья. Киевская Русь и ее славянские соседи. М., 1972. С. 17–19; Котляр Н.Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998. С. 31–40.
6. Ловмянский Г. Основные черты позднеплеменного и раннегосударственного строя славян // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972. С. 4–16.
7. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 258–141.
8. Там же. С. 55–90. Ранее концепция возникновения Древнерусского государства на основе русских, византийских и восточных источников с привлечением данных археологии наиболее полно была изложена Б.А.Рыбаковым в кн.: «Очерки истории СССР III–IX вв.». М., 1958. С. 733–878. Русской земле в узком значении в исторических построениях исследователя уделяется много внимания, и она рассматривается как первоначальное ядро Древнерусского государства.
9. Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 25–28.
10. Покровский В.С. Древнейшее княжество «Славия» (К вопросу о значении Севера в образовании Древнерусского государства) // Ученые записки Саратовского юридического института. Вып. IX. 1960. С. 148–186; Пашуто В.Т. Летописная традиция о «племенных княжениях» и варяжский вопрос // Летописи и хроники. 1973. М., 1974. С. 103–114; Мельникова Е.А. Предпосылки возникновения и характер «Северной конфедерации племен» // Восточная Европа в древности и средневековье. Спорные проблемы истории. Чтения памяти В.Т.Пашуто. Тезисы докладов. М., 1983. С. 53–55; Она же. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (Постановка проблемы) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992–1993. М., 1995. С. 24–31.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА ЮГЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ IX ВЕКА И СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВА РУСОВ

Хазарский каганат

В истории Юго-Восточной Европы ведущая роль в VIII—X вв. принадлежала Хазарскому каганату, занимавшему обширный приазовско-каспийский регион [1].

Хазары — тюркское этнообразование, в языковом отношении близкое к болгарам. Появились они в прикаспийских степях или в конце IV в. в составе конгломерата племен во главе с гуннами, или проникли вслед за ними среди новых волн азиатских кочевников совместно с аварами, савирами и болгарами. Вместе с другими тюркскими племенами хазары проникли в Северный Дагестан и создали угрозу для сасанидского Ирана и его закавказских владений. Чтобы обезопасить последние и сдерживать натиск кочевых орд в регионе между Кавказскими горами и Каспийским морем, а также в предгорьях к северу от Дербента правителям Ирана пришлось выстроить целую систему фортификационных сооружений.

До миграции хазар в Прикаспийском Дагестане обитало оседло-земледельческое население. Пришлые кочевые племена на первых порах грабили и истребляли обитателей завоеванных территорий, но вскоре ситуация изменилась. Пришельцы постепенно смешивались с коренными жителями, что привело к изменению их экономического уклада — приспособляясь к местным условиям кочевники переходят к оседлости и скотовод-

ческо-земледельческим формам хозяйствования. В сирийской хронике VI в. при перечислении кочевых племен, обитавших севернее Дербента, говорится о наличии у некоторых из них городов. Очевидно это были города коренного населения, которыми завладели кочевники.

Первые достоверные сведения о хазарах относятся к началу VI в. В то время они составляли часть населения военно-политического образования во главе савиров, сложившегося в степной части Северного Кавказа. Но после того, как часть савиров ушла в Закавказье, а оставшаяся была разгромлена аварами, главенствующую роль в Северном Дагестане стали играть хазары. Во второй половине VI и начале VII вв. они входили в состав могущественного Западнотюркского каганата и свыше ста лет действительно участвовали в его политической жизни. В 30-х годах VII в. в результате междоусобных войн этот каганат прекратил свое существование. В Западном Прикаспии прямым наследником и продолжателем политики Тюркской державы стало вновь сформировавшееся государственное образование — Хазарский каганат.

Тогда же в Приазовском регионе на месте рухнувшего Западнотюркского каганата сложилось военно-политическое образование болгарских племен во главе с ханом Кубратом, именуемое в византийских источниках Великой Болгарией. После смерти Кубрата это объединение распалось на отдельные орды, которые не могли противостоять набиравшему силу Хазарскому каганату. Наиболее крупная орда приазавских болгар, возглавляемая ханом Аспарухом, откочевала на Дунай и положила начало нового государства — Дунайской Болгарии. Оставшиеся в Приазовье болгары вынуждены были подчиниться хазарам. Их земли вошли в состав территории Хазарского каганата.

Арабы, завоевав Иран, начали подчинять себе Среднюю Азию, Сирию и Кавказ. В Закавказье они столкнулись с хазарами, господствовавшими в ряде мест этого региона. В конце VII — первых десятилетиях VIII в. военные столкновения между Халифатом и Хазарским каганатом шли с переменным успехом. Постепенно арабы увеличивали натиск и около 732—735 гг. Грузия и Армения были покорены Халифатом. К началу

737 г. наместник Закавказья Мерван ибн Мухаммед окончательно замирил этот край и вторгся с 150-тысячным войском на территорию Хазарского каганата. Арабы захватили Семендер, Итиль и достигли Славянской реки (одни исследователи полагают, что по этим названием скрывается Дон, другие — Волга). Арабы опустошили страну, захватили множество конских табунов, взяли в плен 20 тысяч семей славян и ушли за пределы Хазарии. Однако Хазарское государство не стало вассалом Арабского халифата. Лишь хазарский хакан, по-видимому, вынужден был принять магометанство.

По всей вероятности, арабским военным проникновением в земли Хазарии был вызван отток населения из Предкавказского региона на север. В частности, в это время большая группа северокавказских аланов, подвластных Хазарии, мигрировала в Донские земли, в области, где, скорее всего, сохранились ираноязычные потомки сарматов догуннской поры [2].

Поход войска Мервана ибн Мухамеда 30-х годов VIII в. был единственным крупным поражением Хазарского государства. Каганат сравнительно быстро восстановил силы, ситуация стабилизировалась. Арабо-хазарское противостояние теперь ограничивалось отдельными стычками или военными походами отдельных отрядов.

Во второй половине VIII — IX в. Хазарское государство достигло наивысшего развития и мощи. Каганат превращается в политическое образование с развитой экономикой. Темпы процесса оседания кочевников ускорились. Хазария подчинила ряд воинственных племен степей и становится мощной военной силой на юго-востоке Европы. В письменных источниках содержатся данные о занятиях населения Хазарии развитым земледелием, о кочевиях богатой верхушки общества, о торговле каганата с Багдадским халифатом, Средней Азии и Византией. Арабские авторы сообщают о десятке городов-крепостей Хазарии с мощными каменными фортификационными сооружениями. Эти сведения в полной мере находят подтверждение и детализацию в археологических материалах.

В Прикаспии, на юго-востоке Хазарского государства выявлено и археологически обследовано полтора десятка поселений, защищенных мощными оборонительными укреплениями,

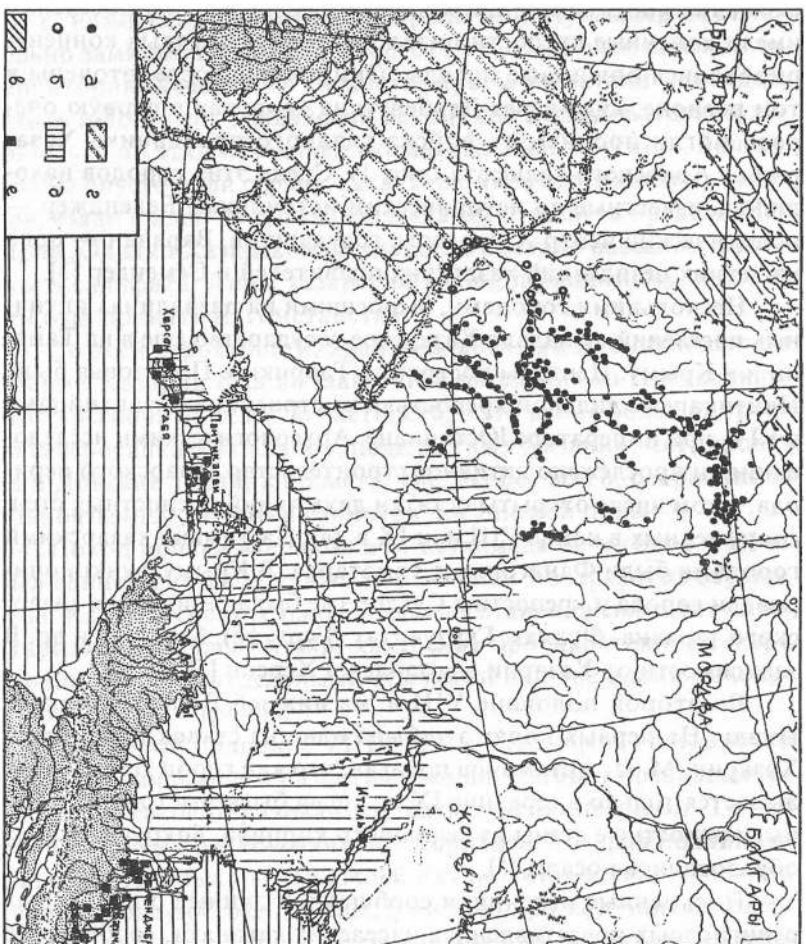
сложенными из камня или кирпича. Еще несколько поселений имели каменные крепости-цитадели, вокруг которых концентрировались обширные посады. Они плотно сосредоточены в том регионе, куда через Дербентские «ворота» в первую очередь могли проникнуть войска главного противника Хазарии — Арабского халифата (рис. 1). Среди этих городов находились известные по историческим источникам Беленджер — политический центр Хазарского государства, Варачан — одна из летних резиденций хазарских правителей и Семендер [3].

Несколькими городами, выросшими на развалинах античных поселений, обладало Хазарское государство еще в на Тамани и в Крыму. Центром восточной Таврики и Приазовья была Пантикапея с сильной крепостью, выстроенной византийцами в VI в. при императоре Юстиниане. Археологическими исследованиями прослежено активное строительство хазарского периода, в том числе открыты остатки двух линий крепостных стен, сооруженных в конце VIII или IX в. [4]. На Тамани хазарскими городами были Фанагория и Таматарха. В Крыму функционировали города и крепости в Сугдее, где была резиденция хазарского тархана, Фуллах, Гурзувитах (Гурзуфе), Мангупе и др. В зависимости от Хазарии находился и Херсон [5].

Во второй половине VIII в. на нижней Волге возникает Итиль. На первых порах это была одна из ставок правителей Хазарии. М. И. Артамонов полагал, что как город Итиль складывается только в середине IX в., когда были выстроены мощные крепостные стены из сырцового кирпича, вокруг которых образовались посады [6].

Письменные источники сообщают и данные о некоторых религиозных представлениях населения каганата, сообщают о языческой вере в бога неба Тенгри-хана. При кагане Обадии на рубеже VIII и IX столетий часть хазарской верхушки приняла иудейскую религию.

В это время Хазария занимала обширную территорию, включавшую на юге Кубань и предгорья Кавказа вплоть до берегов Каспийского моря, на севере — среднее течение Дона и весь бассейн Северского Донца, на западе — Северо-Восточное Приазовье и часть Крыма. Население Хазарского каганата было полиэтническим. В его составе, как свидетельствуют письменные

Рис. 1. Южная часть Восточной Европы в VIII - начале IX в.

а - поселения волынецской, роменской и боршевской культур и родственных им древностей Оки; **б** - поселения волынецской культуры вне территории роменской культуры; **в** - ареал северных групп восточного славянства; **г** - юго-западных (дубовской и антской) групп восточных славян; **д** - салтовско-мапской культуры (территория Хазарского государства); **е** - города и крупные селения Хазарии с каменными фортификациями VIII - начала IX в.

источники, были хазары, болгары, аланы, угры, славяне, а также мелкие племенные группы.

В VIII—IX вв. на всей очерченной территории Хазарской державы (рис. 1) получила распространение салтово-маяцкая культура. Это, как показал М. И. Артамонов, была культура всего населения Хазарского каганата [7]. По отдельным особенностям погребальной обрядности, керамическим материалам и деталям домостроительства в салтово-маяцком ареале выявляются места проживания различных племенных групп, входивших в состав населения Хазарии. Впрочем, крупные поселения, как правило, имели пестрое в этническом отношении население.

С севера и северо-востока к территории Хазарского каганата вплотную примыкала обширнейшая область расселения славянских племен, представленных несколькими археологическими культурами, о которых речь пойдет ниже.

На средней Волге в это время формировалась область волжских болгар. Первые болгары появились в этом регионе, по всей вероятности, в VII в., когда после распада Великой Болгарии одна из орд болгар откочевала на Волгу. Согласно В. Ф. Генингу и А. Х. Халикову, предки волжских болгар первоначально кочевали где-то в северо-восточной части Великой Болгарии и продвинулись на среднюю Волгу сразу же после распада этого политического объединения, однако византийскими авторами эта миграция осталась незамеченной [8].

Видимо, с появлением воинственных орд болгарских кочевников связано запустение многих сотен поселений и прекращение функционирования большинства могильников именьковской культуры Среднего Поволжья, принадлежавших земледельческому населению — одной из крупных групп раннесредневековых славян. Земледельцы вынуждены были в основной массе покинуть эту область. Археологически памятники кочевников-болгар второй половины VII — VIII вв. исследованы пока лишь в Самарском Поволжье [9]. Севернее, в Казанском Поволжье они пока не выявлены, что однако не может служить основанием для отрицания ранней миграции сюда болгарских орд. Известно немало случаев, когда древности кочевых племен, достоверно известных по историческим источникам, не обнаруживаются при археологических обследованиях.

В Волго-Камье первые погребальные памятники болгар датируются серединой или концом VIII в. и, по всей вероятности, отражают новую волну их переселения с территории Хазарского каганата. Древности этой группы болгар известны по материалам Кайбельского, Первого Большеатарханского и других могильников. Они имеют уже салтово-маяцкий культурный облик [10].

В левобережных степях Нижнего Поволжья с Хазарией содействовали кочевые племена, которые связываются исследователями с потомками сармато-аланов, испытывающим заметное тюрко-угорское влияние [11].

Регион между Северо-Восточным Причерноморьем и Каспийским морем, составляющий территорию Хазарского государства, для Византии был областью стратегических интересов. Через проход между Каспием и Уральскими горами из Азии в раннем средневековье имел место почти постоянный наплыв кочевых племен, несший угрозу северным границам Византийской империи. Хазария сдерживала натиск азиатских кочевников с востока до конца IX в. (Угры-мадьяры переселились из Приуральских земель в Поднепровье в 30-х годах IX в., очевидно, с ведома хазарских правителей и были подвластны им). Государственные деятели Византии кровно были заинтересованы в сильном союзнике, который мог бы обеспечить политическую стабильность в Северном Причерноморье и на юго-востоке Европы в целом. Таковым в VIII—IX вв. и был Хазарский каганат, который в этой связи в течение двух столетий пользовался поддержкой Византии. Большую роль сыграла Хазария и в сдерживании арабского натиска на Византийскую империю. Хазарское государство препятствовало проникновению арабов на север через Кавказ. Если бы этого не было, то войска халифата могли бы обойти систему фортификаций, воздвигнутую Византийской империей на своих малоазийских рубежах, и, беспрепятственно пройдя северокавказские земли и севернопричерноморские степи, появиться на нижнем Дунае, создав угрозу Константинополю с севера. Сильная Хазарская держава помогала сохранять Византии необходимый стабилизационный баланс сил.

В господстве над Северным Причерноморьем и Азовско-Каспийским регионом до IX в. никаких соперников у Хазарии

не было. Каганат был полным хозяином всей южной половины Восточной Европы. Только в 20—30-х годах IX в., как можно судить по византийским историческим сочинениям, у Хазарского государства появился мощный соперник. В начале 30-х годов IX в., очевидно, испытывая крепкое давление со стороны враждебно настроенного соседа, властители Хазарии, не имея возможности своими силами сдерживать его натиск, вынуждены были направить послов в Константинополь с просьбой о помощи в крепостном строительстве. Византийский император Феофил (829—842 гг.) благожелательно отнесся к этой просьбе.

Константин Багрянородный сообщает, что «Василевс, склоняясь к их просьбе, послал им... спафарокандидата Петрону с хеландиями из царских судов и хеландии катепана Пафлагонии» [12]. В Константинополе миссии Петроны Каматира в Хазарию, очевидно, придавали большое значение. Каматиры принадлежали к знатым фамилиям Византии, а сам Петрона был братом жены императора Феодоры.

Византийская экспедиция в Хазарию была составлена из двух частей. На царских судах, вышедших из Константинополя, видимо, находились сам Петрона, сопровождающие его лица и охрана. По распоряжению императора другую группу экспедиции образовали люди из Пафлагонии — византийской фемы, расположенной на южном побережье Черного моря. Пафлагонцы прибыли в Херсон отдельной флотилией. Источники не объясняют, для каких целей они были включены в состав экспедиции Петроны. Есть все основания полагать, что на Петрону с константинопольцами были возложены дипломатические функции, а пафлагонцы составили основную часть военных инженеров и строителей, которым предстояло заниматься в Хазарии фортификационным делом. Петрона, как и его сестра-императрица, происходил из Пафлагонии; именно этим, по-видимому, и было обусловлено использование для выполнения военно-инженерных работ мастеров из этой фемы. Среди высшей правительственной администрации Константинополя и императорского двора еще со времен исаврийской династии было много выходцев из восточных провинций Византийской империи. В период правления Феофила они имели большое влияние на решение государственных дел и это даже сказалось на выборе

невесты для императора. Дядя Феодоры Мануил и братья Варда и Петрона имели и раньше высокое положение в придворной службе. В этой связи поручение императором производства военно-фортификационных работ в Хазарии пафлагонским мастерам представляется закономерным.

Константин Багрянородный далее рассказывает о строительстве экспедицией Петроны Саркела — мощной крепости на левом берегу Дона (в устье р. Цимла). Поскольку на этом месте не было камня, строители соорудили обжигательные печи для кирпича и возвели кирпичные крепостные сооружения. Раскопными исследованиями Саркела установлено, что крепость имела в плане форму четырехугольника размерами 193,5 x 133,5 м, ее кирпичные стены — толщину 3,75 м, по углам возвышались массивные четырехугольные башни. Кроме того, башни были сооружены вдоль стен крепости. С западной и северной сторон имелись въездные ворота. Внутренней кирпичной стеной Саркел был поделен на две части. Одна из них (юго-восточная), не имевшая выхода наружу, служила цитаделью, внутри которой возвышался квадратный донжон [13]. Крепостные сооружения Саркела своей точной разметкой и исключительной геометрической правильностью, а также высококачественной техникой кладки свидетельствуют о том, что их строители имели богатый опыт возведения кирпичных фортификаций. Вместе с тем, результаты раскопок показывают, что крепость была сооружена не константинопольскими мастерами, а, скорее всего, строителями из малоазийских провинций Византийской империи, к каковым принадлежала и Пафлагония. Формат кирпича, технология кладки, как и исключительно геометрический план крепости, — подчеркивал ее исследователь П. А. Раппопорт, — не обнаруживают большого сходства с собственно византийской строительной традицией. Крепостные сооружения Саркела имеют особенности, сближающие их с раннесредневековой строительной техникой Кавказского региона при наличии отдельных элементов, сопоставимых с иранским строительством [14]. Такое сочетание строительных приемов свойственно было восточным провинциям Византийской империи.

Константин Багрянородный не называет точной даты возведения крепостных сооружений Саркела. Но о строительстве

Саркела сообщается еще в византийских трудах, так называемом «Продолжателе Феофана», и сочинении Георгия Кедрина (исследователи считают, что их информация восходят к единому несохранившемуся источнику IX в.). Кедрин определяет экспедицию Петроны и постройку Саркела 834 годом. В «Продолжателе Феофана» сообщение об этом событии помещено перед известием о начале военных действий императора Феофила против арабов в 837 г. [15].

Безусловно прав М. И. Артамонов, утверждавший, что Саркел возник не для контроля за плаванием по Дону или за переправой из этой реки в Волгу. В первых десятилетиях IX в. эти реки еще не были крупными транспортными магистралями, связывавшими Северную Европу со странами Востока. Саркел был сооружен на сухопутной дороге, шедшей из лесных и лесостепных областей Восточной Европы к Итилю на нижней Волге и далее на юг или непосредственно на Северный Кавказ. Располагаясь при переправе через Дон крепость контролировала этот путь и защищена была от противника, который появлялся с севера, с этой стороны крепость защищалась не только крепостными стенами и башнями, но и широкой рекой [16].

Ранее, до 30-х годов IX в. контроль за переправой через Дон на той же сухопутной дороге осуществляла небольшая хазарская крепость, стоявшая поблизости на противоположном берегу Дона. Это Правобережное Цимлянское городище [17]. Оно занимает мыс подтреугольной формы и имеет крутые, местами обрывистые склоны. Внутри городища раскопками выявлены следы юртообразных жилищ, располагавшихся по кругу, в центре находилась юрта больших размеров. М. И. Артамонов рассматривал это поселение как укрепленный пункт, основанный в конце VIII в. и разрушенный в первой трети IX в.

В последнее время С. А. Плетнёва выделяет два этапа в истории этого памятника. Ранний определяется первой половиной IX в. Устанавливается, что жизнь на этом этапе оборвалась в результате вражеского разгрома. При раскопках открылись скелеты погибших, в том числе женщин и детей, перебитых врагами, ворвавшимися на городище, и разграбившими жилища и хозяйственные строения. Какое-то время погибшие лежали открытыми, их останки были потревожены дикими зверями.

В первой публикации результатов раскопок Правобережного Цимлянского городища С. А. Плетнёва связывала его разрушение с набегом передового отряда печенегов. Но печenegов в середине IX в., когда было разгромлено поселение, на Дону явно не могло быть. В последующих работах этой исследовательницы враг, разрушивший жизнь на городище, остается неопределенным. Так же остается неясным, имело ли поселение на первой этапе крепостные укрепления. Согласно М. И. Артамонову, на городище до его разгрома имелись каменные фортификации. К такому выводу первоначально склонялась и С. А. Плетнёва, а ныне отстаивает В. С. Флёров. С. А. Плетнёва же теперь утверждает, что поселение тогда было неукрепленным.

Время гибели жизни на рассматриваемом этапе истории Правобережного Цимлянского поселения, по-видимому, следует определять промежутком между 813 г. (найден дирхем, чеканенный не позднее этого года) и началом возведения Саркела, когда появившиеся здесь люди засыпали останки погибших, что документировано раскопками, и пользовались для своего быта кирпичами, принесенными из строящейся крепости Саркел. Судя по материалам раскопок, жизнь на поселении в это время едва теплилась и, вероятно, прекратилась с завершением фортификационного строительства в Саркеле. Красноглиняные кувшины с плоскими ручками, характерные для ранних горизонтов культурных напластований Саркела, единичны на Правобережном Цимлянском городище. Возможно, это на Правобережном городище селились люди, выполнявшие вспомогательные работы при строительстве крепости в Саркеле.

Следующий период жизни на Правобережном Цимлянском городище начинается в 60-х годах IX в. Это был поселок рыбаков. Чуть позже на поселении были возведены белокаменные крепостные сооружения. Но этот этап уже не имеет уже отношения к рассматриваемому здесь вопросу.

М. И. Артамонов утверждал, что разгром Правобережного Цимлянского поселения не могли осуществить печенеги, которые появились в этих краях значительно позже, только в конце IX в. Не связывал исследователь гибель поселения и с продвижением в Причерноморские степи венгров-мадьяр [18]. Все

соседние поселения при этом не пострадали, отмечал он, свидетельствуя о том, что разрушение городища было не результатом действия кочевых орд, обычно сметающих все на своем пути, а целенаправленной боевой операцией. Вряд ли можно согласиться с высказанной М. И. Артамоновым догадкой о разгроме Правобережного Цимлянского городища самими хазарами в период имевших место вражды между правящими кланами в их государстве. Смуты в Хазарском каганате в первой трети IX в., как отмечает А. П. Новосельцев, действительно были, но связывать с ними штурм укрепленного пункта и уничтожение его мирных жителей никак нельзя [19]. Скорее всего, гибель Правобережного Цимлянского поселения обусловлена активизацией в 20—30-х годах IX в. какого-то враждебного соседа Хазарского каганата, что и побудило кагана и пеха обратиться за помощью к Византии.

По возвращении из Хазарии Петрона Каматир заявил Феофилу: «Если ты хочешь всецело и самовластно повелевать крепостью Херсоном и местностями в нем и не упускать их из своих рук, избери собственного стратига и не доверяй их протевонам и архонтам» [20]. Как известно, Крымская Готия до 30-х годов IX в. находилась в подчинении Хазарии, при этом Херсон с округой пользовался самоуправлением и возглавлялся местным должностным лицом — протевоном. В церковном отношении Готия была подведомственна Византии. В связи с оказанной Византией военно-фортификационной помощью Хазарский каганат вынужден был уступить Константинополю почти все земли Крыма и они стали новой византийской фемой. Первым стратигом ее император Византии назначил Петрона Каматира и направил в Херсон, «повелев тогдашнему протевону и всем (прочим) повиноваться ему. С той поры до сего дня стало правилом избирать для Херсона стратигов из здешних» [21], то есть стала применяться обычная практика назначения в фему стратига из столицы империи [22].

Исторические документы не объясняют, что за враги вынудили Хазарское государство просить помощи у византийского императора в строительстве крепостных сооружений. Это позволило историкам высказать весьма различные предположения и догадки. Это, как уже говорилось, не могли быть ни пе-

ченеги, ни венгры. Врагами хазар в это время могли быть только русы. Эта мысль была высказана еще в прошлом столетии Д. И. Иловайским [23], к ней склонялся в начале XX в. также Дж. В. Бери [24]. Позднее о постройке Саркела в связи с растущей опасностью со стороны руси писали А. А. Васильев, В. Пархоменко, М. И. Артамонов, А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, А. Н. Сахаров и другие. Строительство этой крепости, отмечали они, имело целью затормозить наступление русов [25].

При этом Дж. В. Бери и А. А. Васильев полагали, что русами были новгородские варяги. Г. В. Вернадский возражая им, отмечал, что крепость Саркел никак не могла быть выстроена против варягов Новгородчины. По его мнению врагами хазаров в 30-х годах IX в. были азовские русы (русы — выходцы из Скандинавии появились в Приазовье, по представлению этого историка, в середине VIII в.) и Саркел должен преграждать им путь от к нижней Волге. Согласно А. П. Новосельцеву, где-то в северной части восточнославянского ареала, в котором властвовали варяги-русы, сложился Русский каганат, сфера влияния которого постепенно распространилась на юг до Среднего Поднепровья и в 30-х годах IX в. пришла в противоречие с интересами Хазарского государства. М. И. Артамонов полагал, что русами в это время именовались славяне лесостепного Поднепровья, которые в VIII—IX вв. заселили области, ранее принадлежавшие неславянскому племени росов. Оно под именем «Hros» зафиксировано сирийским автором VI в. Захарием Ритором и восходит к сарматским или аланским роксоланам первых веков нашей эры. Славяне, обосновавшиеся в земле русов, восприняли их этноним. В. Пархоменко, Х. Ловмянский, В. Т. Пашуто и А. Н. Сахаров рассматривали русов как славянских жителей Среднего Поднепровья.

Современные археологические материалы отчетливо свидетельствуют, что скандинавы-варяги в первой половине IX в. никак не могли представлять угрозу Хазарскому каганату. Их следы фиксируются археологией только в низовьях Волхова. В Ладоге выходцы из Скандинавии появились около 750 г., но до 860-х годов она была сравнительно небольшим поселением, в котором проживали также славяне и местные приладожские финны. Судя по вещевым и керамическим находкам, Ладога в

это время являлась не военным, а торговым или торгово-ремесленным поселением [26].

К началу IX в. относятся три находки скандинавского происхождения на Сарском городище близ Ростова Ярославского [27]. Это поселение было основано местными жителями в VII—VIII вв. и постепенно выросло в относительно крупный торгово-ремесленный и, скорее всего, административный центр мери. Первые скандинавские находки отражают зарождающиеся контакты населения Верхнего Поволжья с Балтикой, но никак не проживание норманнов среди мери.

Появление скандинавских культурных и этнических элементов в других местностях Восточно-Европейской равнины, в том числе на таких широко известных памятниках, как Новгородское (Рюриково) городище, Гнёздовский курганно-поселенческий комплекс под Смоленском, Тимеревский, Михайловский и Петровский курганные могильники в округе Ярославля, курганы Юго-Восточного Приладожья, относятся к более позднему времени — ко второй половине IX в. или к рубежу IX и X вв. Первые захоронения со скандинавскими комплексами в курганах Шестовицкого могильника датируются также не ранее третьей четверти IX в. Волжский и Днепровский водные пути, как показывают данные археологии и нумизматики, в первой половине IX в. еще не функционировали как международные магистрали.

Исследователи не раз обращали внимание на то, что строительство крепости Саркел было действием отнюдь не равноценным уступке хазарами Византийской империи Херсона с округой. Современные материалы археологии дают все основания утверждать, что возведение Саркела не было единственной задачей экспедиции Петроны в Хазарию — византийское военное фортификационное строительство 30-х годов IX в. не ограничивалось постройкой одной крепости, параллельно мастерами из Византии были выполнены весьма обширные работы по укреплению северо-западных рубежей Хазарского каганата.

Система обороны северо-западного хазарского пограничья недавно была обстоятельно проанализирована Г. Е. Афанасьевым [28]. Известные здесь укрепленные пункты распределены им по четырем типам. Первый тип образуют мысовые городи-

ща, основанные еще в скифское время и использованные населением салтово-маяцкой культуры без дополнительных фортификационных работ. Очевидно, что раннесредневековые обитатели этих городищ воспринимали их как естественно защищенные участки местности, достаточные для безопасного проживания. Ко второму типу отнесены также расположенные на мысах коренных берегов рек городища, но основанные салтово-маяцким населением в VIII—IX вв. При выборе мест для создания этих укрепленных поселений максимально учитывались природные факторы, склоны обычно эскарпировались для придания большей крутизны, а с напольных сторон устраивались рвы и валы с конструкциями из дерева, предохраняющими наружные стороны их от расползания.

Третий тип салтово-маяцких укрепленных пунктов рассматриваемого региона образуют также мысовые городища, которые были защищены валами и рвами по всему периметру. Основаны эти поселения были еще в раннем железном веке и после некоторого перерыва вновь заселены в VIII—IX вв., при этом в одних случаях древние валы и рвы просто использовались как готовые оборонительные сооружения, в других — валы надстраивались и реконструировались, а рвы углублялись.

До 30-х годов IX в. на северо-западных рубежах Хазарско-го каганата существовали исключительно укрепления этих трех типов. Очевидно, это городища обеспечивали безопасную жизнь как их обитателей, так и жителей близлежащих селений салтово-маяцкой культуры.

В 830—840-х годах на северо-западной границе Хазарии, по берегам р. Тихая Сосна (правый приток Дона) и в верховьях Северского Донца были сооружены крепости совершенно нового (четвертого, согласно классификации Г. Е. Афанасьева) типа. Природные факторы в их обороне играли второстепенную роль, естественную защиту имела лишь одна, выходящая к реке сторона крепости. Они имели отчетливую геометрическую планировку и по периметру — стены, сложенные из обработанного камня или кирпича. По углам были устроены башенные выступы или башни, была и широкая берма. Создание некоторого наклона стен вовнутрь ликвидировало «мертвую зону» и их подножий. Крепости ориентированы были, прежде всего, про-

тив штурма их противником. Таких крепостей на северо-западном пограничье Хазарского каганата (рис. 2) было выстроено семь — городища Алексеевское, Верхнеольшанское, Верхнесалтовское, Колтуновское, Красное, Маяцкое и Мухоудеровское.

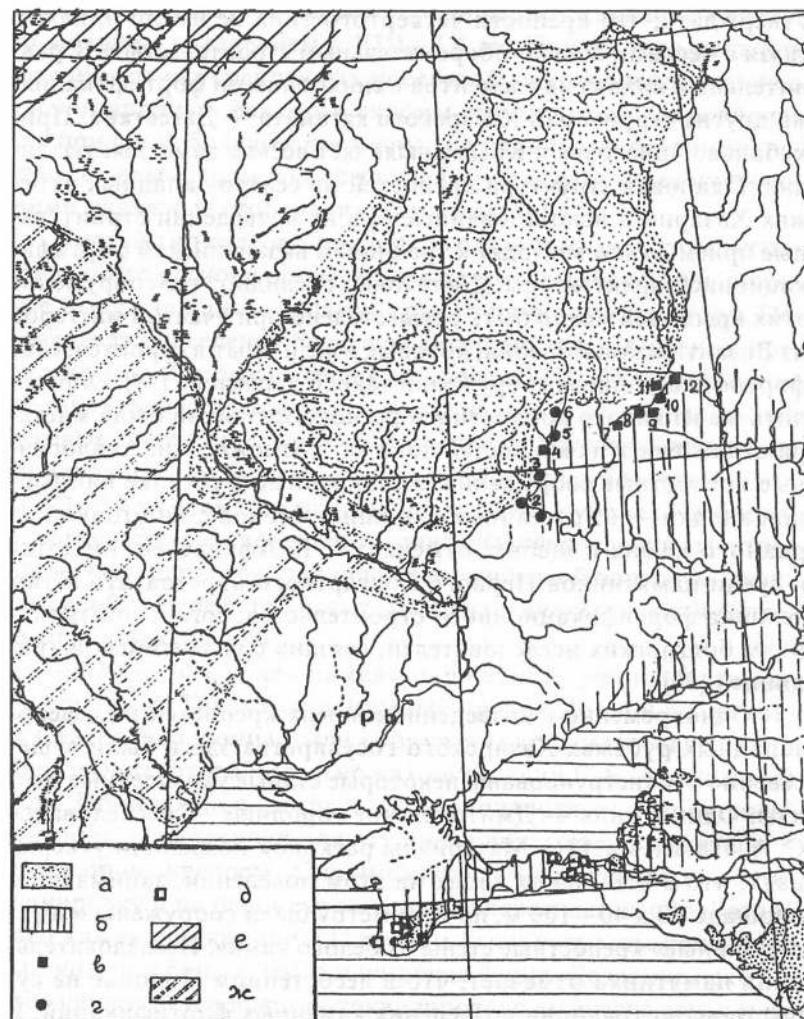
Анализ данных по укрепленным поселениям Донского региона салтово-маяцкой культуры позволил Г. Е. Афанасьеву утверждать, что крепости четвертого типа не имели никакой связи с местным военно-оборонительным строительством. Сравнительный анализ их элементов с синхронными фортификациями других территорий Хазарского каганата — Дагестана, Прикубанья, Приазовья и Крыма выявляет весьма заметные различия. Плановая структура крепостей на северо-западных рубежах Хазарии и использованные при их возведении строительные приемы явно восходят к традициям византийской фортификационной архитектуры. Достаточно очевидно, что сооружение этих крепостей могло быть осуществлено при участии мастеров из Византийской империи, которые имели опыт в строительстве фортификационных сооружений такого характера [29]. Определить же из какого конкретного региона Византии были мастера-строители этих крепостей пока нет возможности. Аналогичные крепостные сооружения, выполненные в технике панцирной кладки — из отесанных каменных блоков с забутовкой из рваного камня и щебня, отмечает Г. Е. Афанасьев, имеются и среди памятников Первого Болгарского царства. Но и там техника фортификационного строительства, согласно изысканиям болгарских исследователей, связана с византийской традицией [30].

Одновременно с возведением новых крепостей на северо-западных рубежах Хазарского государства здесь были существенно реконструированы некоторые старые укрепленные пункты. Один из них — Дмитриевское городище — исследовался С. А. Плетнёвой [31]. Материалы раскопок позволили утверждать, что в 830—840-х годах на этом поселении, занимавшем площадь 20 x 40—100 м, по периметру были сооружены «двухпанцирные» крепостные стены из белого камня. Исследовательница памятника отмечает, что в лесостепном Подонье не существовало традиции возведения каменных фортификаций. В строительстве крепости на Дмитриевском городище, несомнен-

Рис. 2. Южная часть Восточной Европы в 30–40-х годах IX в.

а – ареал волынцевской, роменской, боршевской культур и родственных им древностей Оки; *б* – территория Хазарского государства; *в* – каменные крепости, заново выстроенные Хазарией с помощью Византии в 30–40-х годах IX в.; *г* – городища Хазарии.

дополнительно укрепленные каменными фортификациями в 30–40-х годах IX в.; *д* – города и крупные поселения с каменными оборонительными сооружениями Хазарии VIII – начала IX в.; *е* – ареал смоленско-полоцких кривичей; *ж* – ареал юго-западных групп восточного славянства.

но, участвовали пришлые мастера: в руинах каменной стены при раскопках найден был глиняный горшок, не свойственный лесостепному региону салтово-маяцкой культуры и имеющий аналогии в напластованиях VIII—IX вв. в городах и сопутствующих им поселениях Причерноморья (Фанагории, Тмутаракани и др.). Правда, С. А. Плетнёвой высказано предположение, что традиция сооружения каменных крепостных стен в бассейне Дона привнесена была в 30-х годах IX в. из Дунайской Болгарии. Однако, эта мысль не находит подтверждения в конкретных данных археологии.

Следы каменных крепостных стен, подобных укреплениям Дмитриевского городища, зафиксированы археологами еще на четырех пограничных хазарских поселениях того же региона: Кабаново, Коробовы хутора, Мохнач и Сухая Гомольша. Публикуя материалы салтово-маяцких городищ Донского региона И. И. Ляпушкин писал, что укреплениями их были белокаменные стены, сложенные в технике двухпанцирной кладки с забутовкой [32]. Г. Е. Афанасьев не согласился с этим, полагая, что на городищах Мохнач, Коробовы хутора и Дмитриевском были выявлены не остатки крепостных стен, а кладки из камня, сложенные у подошвы валов для создания большей крутизны их склонов [33]. Однако, раскопочные исследования на Дмитриевском городище надежно подтвердили вывод И. И. Ляпушкина.

Местоположение всех вышеназванных каменных крепостей, выстроенных в византийской фортификационной традиции, свидетельствует, что они предназначались для обороны северо-западных рубежей Хазарского государства. Если прежде Хазария имела мощные города-крепости преимущественно на юго-востоке, там, где ее потенциальным противником был Арабский халифат, то в 30-х годах IX в. Хазарский каганат вынужден был ценою территориальных уступок создать на своих северо-западных рубежах с помощью византийских военных инженеров и строителей достаточно крепкую для того времени систему оборону, способную сдерживать натиск крепнущего соседа.

Все эти крепости были отстроены там, где территория Хазарского каганата вплотную соприкасалась с ареалом волынецкой культуры и эволюционно связанными с ней роменской и боршевской. Вполне очевидно, что носители этих древнес-

тей — крупное племенное образование славян, расселившихся в междуречье Днепра и Дона — к 30-м годам IX в. и могли создать серьезную угрозу Хазарскому каганату. Другого крупного соперника Хазарии в Восточной Европе в это время не могло быть.

Русы

Впервые русы-росы (*Hros*) названы среди племен, живших к северу от Кавказа, в сирийском произведении середины VI в. — «Церковной истории» Псевдо-Захария [34]. Согласно А. П. Дьяконову, этноним *Hros* — сирийская транскрипция его греческого написания *рос* [35]. Характеристика этого народа Псевдо-Захарием носит облик явно литературного сочинительства — люди, наделенные огромными членами тела; оружия нет у них, и кони не могут их носить из-за их размеров.

Историки — сторонники скандинавского происхождения этнонима *росы-руссы* считали его носителей норманнами и полагали на этом основании, что выходцы из Скандинавии появились в землях Юго-Восточной Европы уже в VI в. [36]. Г. В. Вернадский рассматривал росов Псевдо-Захария как группу восточных антов, проживавших к северу от Азовского моря [37]. Согласно представлениям этого историка, анты — это группа славян, смешавшаяся с аланами и управляемая аланскими (асскими) родами. Отмечая, что народ рос проживал на юге Восточной Европы задолго до появления здесь норманнов-варягов, М. И. Артамонов считал росов Псевдо-Захария сармато-аланским племенем Среднего Поднепровья. С росами он связывал среднеднепровские древности, в частностиклады вещей VI—VII вв. и полагал, что они были разгромлены Хазарией в период ее экспансии в западном направлении. За освободившимися областями лесостепного Поднепровья сохранилось название «Русской земли», а освоившее ее славянское население унаследовало имя *русь* [38].

А. П. Дьяконов и Н. В. Пигулевская сопоставляли росов сирийского источника с антами-славянами, известными по описаниям византийских авторов VI в. [39].

Б. А. Рыбаков для локализации русов Псевдо-Захария в Среднем Поднепровье привлек археологические материалы. Известные в этом регионе древности V—VII вв., представленные вещевыми кладами и случайными находками, которые А. А. Спицын условно назвал антскими, исследователь предложил отнести к русам. Основанием для этого стало соответствие распространения этих древностей с летописной «Русской землей» в узком значении. Наибольшая концентрация их, отмечал Б. А. Рыбаков, наблюдается в регионе с топонимами, связанными с рассматриваемым этнонимом: р. Рось, р. Россава, Русская Поляна и др. Ученый отождествлял росов Псевдо-Захария с росомонами, упоминаемыми в «Гетике» Иордана в рассказе о событиях, имевших место в Северном Причерноморье в IV в. [40].

Древности V—VII в. представлены поясными наборами, оружием, пальчатыми фибулами, височными кольцами, бусами и подвесками. Последующие исследования среднеднепровских кладов и отдельных предметов, входивших в их состав, показали, что кроме пальчатых фибул все эти вещи не несут какой-либо этнографической нагрузки и встречены широко в памятниках многих племен [41]. Пальчатые же фибулы с маскообразными основаниями или их дериваты распространены на весьма широкой территории от Адриатики до Днепровского левобережья, что соответствует расселению антских племен [42].

Росов в Среднем Поднепровье локализовали многие исследователи. К сожалению, сирийский источник VI в. не сообщает каких-либо географических координат проживания этого племени. Поэтому связь их с конкретной территорией остается весьма и весьма проблематичной. Польский историк Г. Ловмянский, признавая этноним *Hros/Hrus* в сочинении Псевдо-Захария «первым подлинным упоминанием о руси, не вызывающим оговорки», полагал, что это племенное название попало в труд сирийского автора из армянского источника, где *Hros* значится в списке кавказских народов [43].

В научной литературе высказана еще мысль о заимствовании Псевдо-Захарием народа рос из греческого перевода Книги Иезекииля, при этом еврейский титул «наси-рош» (верховный глава) был переведен как архонт Рос [44].

Достоверные исторические сведения о русах/росах относятся лишь к IX в. Уже в первой половине этого столетия народ *рос/рус* был, по-видимому, известен не только на Востоке и в Византии, но и в Средней Европе.

К настоящему времени археология накопила достаточно данных для конкретного освещения истории этого племенного образования. При этом необходимо отметить, что информация о русах, содержащаяся в произведениях византийских и восточных авторов IX—XII вв., не может рассматриваться суммарно. Фрагментарность и некоторая противоречивость данных о русах в раннесредневековых источниках дают возможность историкам высказывать различные предположения и догадки, которые обычно распространяются как на IX, так и на X столетия. Между тем, этнокультурные карты, основанные на конкретных археогических материалах, достаточно определенно свидетельствуют, что историческая ситуация IX в. в Восточной Европе самым существенным образом отличалась от той, которая наблюдается в следующем столетии. Поэтому прямой перенос исторических сведений, относящихся к X или XI вв., на предшествующий период восточноевропейской истории представляется абсолютно неправомерным.

В этой связи представляется необходимым обстоятельно рассмотреть этноисторическую ситуацию, имевшую место в южной части Восточной Европы в IX в. — до 882 г., когда, как сообщают русские летописи, Олег, собрав войско в Новгороде, направился в Среднее Поднепровье, овладел Киевом и, таким образом, объединил северные и южные восточнославянские земли в едином государстве.

В начале средневековья в южной части Восточно-Европейской равнины выделяются два крупных диалектно-племенных образования славянства. Лесостепные земли Северного Причерноморья между нижним Дунаем и Северским Донцом заселяли анты, упоминаемые в исторических документах VI—VII вв. Их древности V—VII вв. характеризуются керамикой пеньковских типов и полуземляночными жилищами. Умерших хоронили в бескурганных могильниках. Курганы на территории славян пеньковской культуры не получили распространения, неизвестны они в этом ареале и позднее, в VIII—XII вв. Наряду с обря-

дом трупосожжения здесь бытовал и ритуал ингумации — по-видимому, наследие римского времени. Одним из этнографических маркеров антов стали пальчатые фибулы с маскообразными окончаниями, которые в большом количестве встречены на коренной территории антов и нередко в других местностях, освоенных ими. Анты составляли особый диалект праславянского языка, сформировавшийся в условиях славяно-иранского симбиоза [45]. Поздний этап пеньковской культуры в археологической литературе называется сахновской стадией (или культурой).

Волынь и южные районы Припятского полесья (до правобережной Киевщины) составляли часть обширного ареала другого славянского племенного образования начала средневековой поры. Его характерными элементами являются глиняная посуда пражско-корчакского облика и подквадратные в плане жилища-полуземлянки. На первых порах умерших хоронили на бескурганных могильниках по обряду кремации, а начиная с VI—VII вв. постепенно распространялся курганный ритуал. Зарождение этой обрядности было обусловлено эволюцией местных языческих представлений о мироздании, по-видимому, под влиянием культуры карпатских курганов.

Носители пражско-корчакской культуры расселились в VI—VII вв. широко. Их территория простиралась от верхнего и среднего течения Эльбы через Северное Прикарпатье и Волынь до Киева. Это было устойчивое диалектно-племенное образование поздней фазы праславянского языкового развития. Его этнографическое своеобразие проявляется и позднее в археологических материалах VIII—XII вв. На рубеже VII и VIII столетий пражско-корчакская культура эволюционно трансформируется в луки-райковецкую культуру [46].

Северные области Днепровского левобережья (поречье Сейма и Подесенье) принадлежали племенам колочинской культуры (днепровские балты). В конце VII — начале VIII вв. в Левобережье и в смежных областях Донского региона получают распространение древности волынцевского типа, заметно отличные и от пеньковско-сахновских и от колочинских. Достаточно очевидно, что их появление не было результатом эволюции местных культур. Развитие последних явно прервалось, что объяс-

нимо только появлением в Днепровском левобережье большой массы нового населения. Эта миграция затронула части ареалов пеньковской и колочинской культур, а также небольшой район луки-райковецкой культуры на правобережье Киевского Поднепровья. Пришлое население постепенно ассимилировало прежнее, восприняв его отдельные культурные элементы. Исключительно мирные взаимоотношения между пришлым и пеньковско-сахновским населением и скорая аккультурация аборигенов обусловлена их этноязыковым единством. И те и другие принадлежали к славянскому этносу, к различным его культурно-диалектным подразделениям [47].

Поиски истоков волынцевских древностей приводят исследователей к именьковской культуре конца IV — VII в., локализуемой в Среднем Поволжье [48]. Сравнительное сопоставление волынцевских и именьковских древностей выявляет их идентичность почти во всех деталях. Так, по всем показателям тождественными оказываются поселения именьковской и волынцевской культур; вполне сопоставимы жилища и их отопительные устройства; однотипными являются и погребальные памятники и похоронная обрядность; наблюдается полная однородность экономики и быта. Волынцевская глиняная посуда явно формировалась не местными традициями Днепровского левобережья; по своим формам и фактуре теста она сопоставима с именьковской керамикой, и, очевидно, в значительной части производна от нее [49].

Совокупность данных позволяет рассматривать именьковскую и волынцевскую культуры как близкородственные и взаимосвязанные. Как уже отмечалось, около рубежа VII и VIII столетий основная масса именьковских поселений и могильников в Среднем Поволжье перестают функционировать. При этом поселения не были разгромлены или сожжены. Все говорит о том, что носители именьковской культуры под давлением воинственных тюркоязычных кочевников покинули Среднее Поволжье и переселились на какую-то иную территорию.

Именно в это время в междуречье Днепра и Дона появляется большой массив нового населения со своей вполне сложившейся (волынцевской) культурой, по всем параметрам сопоставимой с именьковской.

Есть достаточные основания считать носителей именьковской культуры славянами. Славянская атрибуция волынцевской культуры левобережноднепровско-донского ареала, трансформировавшейся из именьковской, не вызывает сомнений. В пользу славянства именьковского населения говорят и материалы Среднего Поволжья. Можно полагать, что какая-то часть носителей именьковской культуры не покинула поволжские земли и сосредоточилась в глухих местностях. В керамических материалах региона р. Черемшан, на Суварском, Танкеевском, Муромском городищах, Бelyмерском, Кайбельском, Криушском, Малопальцевском, Хулашском и некоторых других селищах Волжской Болгарии проявляются особенности посуды именьковской культуры и даже обнаруживается типично славянская керамика X—XI вв. [50]. На поселении Криуши кроме того открыты жилища-полуземлянки славянского облика.

Из описания Ибн-Фадлана, посетившего Волжскую Болгарию в 922 г. в составе посольства багдадского халифа, достаточно очевидно, что население этой страны в ранний период было в этническом отношении разнородным. Называются племена болгар, эскель, сиван, баранджары и сакалиба. Последним термином восточные историки и географы именовали славян, которые, по-видимому, составляли немалую долю населения Волжской Болгарии X в. Ибн-Фадлан называет ее «страной Сакалиба», то есть страной славян, а хана Алмуша — царем сакалиба [51]. В восточных источниках IX—X вв. неоднократно упоминается «Славянская река». Ал-Бируни достаточно определенно свидетельствует, что этой рекой в то время была Волга [52].

Славянская атрибуция населения именьковской культуры находит подтверждение в материалах лингвистики. Так, В. Н. Напольских описал ряд праславянских лексем, проникших в пермские языки до распада пермской этноязыковой общности, то есть не позднее середины I тыс. н.э. [53]. Рассматриваемые исследователем праславянские лексические заимствования могли быть только результатом контактов именьковского населения с племенами прапермской общности. Интересно, что среди проникновений в прапермский язык имеется лексема «рожь». Как известно, в лесной полосе Восточной Европы до славянского

освоения рожь не культивировалась. Как и в Средней Европе, эта культура здесь распространялась в процессах расселения славян [54]. В материалах именьковской культуры рожь представлена, ранее в Среднем Поволжье она не была известна.

Становление именьковской культуры было результатом миграции большой группы антов из ареала черняховских древностей в конце IV в., вызванной нашествием гуннов [55]. Это дополнительный показатель принадлежности носителей именьковской культуры к славянскому этносу.

Основной территорией волынцевской культурой было междуречье Днепра и Дона. Крайние западные поселения локализуются в округах Киева и Канева на правом берегу Днепра. В верховьях Северского Донца волынцевский ареал вплотную соприкасался с территорией салтово-маяцкой культуры.

В бассейне воронежского течения Дона памятники с собственно волынцевскими напластованиями пока не открыты. Однако, о расселении в этом регионе носителей волынцевской культуры говорят материалы поселений и могильников боршевской культуры. С волынцевским населением в Среднем Подонье связываются две группы керамики, обнаруживаемой на боршевских памятниках. Это гончарные горшки с пролощенным орнаментом и горшки, по форме очень близкие к типично волынцевским, но покрытые в отличие от них некачественным лощением [56].

Аналогичная ситуация наблюдается и в бассейне верхней Оки. Здесь поселений исключительно с отложениями волынцевской культуры также пока не найдено, но о расселении ее носителей в этом регионе определенно свидетельствуют материалы исследованных памятников VIII—IX вв. Культура этого времени здесь по всем показателям идентична роменской. Весьма характерны полуземляночные жилища с глинобитными печами, аналогичные роменским. Керамика представлена горшками, мисками и сковородками тех же форм, что и в памятниках роменской культуры. При систематизации керамических материалов VIII—IX вв. Верхнего Поочья Т. Н. Никольская выделила большую группу горшкообразных сосудов с прямым, вертикальным горлом и выпуклыми плечиками, очень сходных с характерными волынцевскими. Они встречены при раскопках по-

селений Воротынцево на Зуше, Синюково, Зайцево, Федящево и других, в насыпях курганов Лебедкинского, Западненского и Воротынцевского могильников [57].

В бассейне верхнего течения Оки до носителей волынцевской культуры проживали племена мощинской культуры, принадлежавшие к балтскому этническому массиву. В сочинении Иордана они зафиксированы под именем *Coldas*, в котором видится племя голядь, зафиксированное летописью под 1147 годом на притоке Оки реке Протве [58]. Первые сравнительно небольшие группы славян появились в Верхнем Поочье, как можно судить по отдельным находкам, в том числе фибул черняховских типов, еще на рубеже IV и V вв. Судьба этих переселенцев остается неясной. Может быть, они небольшими островами проживали среди балтоязычного населения, но не исключено, что они растворились в аборигенной среде.

Время миграции волынцевского населения на верхнюю Оку следует определять не позднее конца VII в., поскольку в VIII в. здесь широкое распространение получил курганный обряд погребения, чуждый волынцевским переселенцам и, очевидно, унаследованный ими от мощинских племен, которые постепенно были ассимилированы.

В развитии волынцевской культуры выделяются три этапа. Ее ранние комплексы, в которых наличествует небольшая доля глиняной посуды пеньковского и колочинского обликов, датируются от рубежа VII—VIII вв. (может быть, и от последних десятилетий VII в.) до середины VIII в. Средний этап характеризуется исчезновением форм сосудов, продолжавших традиции пеньковской и колочинской керамики, и широким распространением типично волынцевской гончарной и лепной посуды с лощеной, подлощенной или заглаженной поверхностью. Он определяется VIII столетием [59].

На следующем этапе (вторая половина VIII и первая половина IX в.) происходит эволюционная трансформация волынцевской культуры в Днепровском левобережье в роменскую, на Дону в боршевскую, на верхней Оке в окскую [60]. Эти культуры, датируемые в основном IX—X вв., очень близки между собой по всем своим параметрам. Различия между ними носят частный характер.

Славяне — носители роменско-боршевских (может быть, и волынцевских) древностей продвинулись прежде всего в Рязанское Поочье. Культура рязанско-окских могильников, предшествующая славянскому расселению, прекращает свое функционирование в VIII—IX вв. [61]. Этим временем и следует датировать оседание здесь славянского населения.

В Рязанском Поочье известно немало памятников с находками лепной керамики, сопоставимой с роменско-боршевской. Это поселение Дубровичи, городища Вышгородское, Старорязанское и Луховицкое-1. Фрагменты боршевской посуды обнаружены еще в насыпях Палецких курганов, насыпанных из культурного слоя предшествующего им селища. Волынцевско-боршевские традиции более или менее отчетливо проявляются в ранней гончарной керамике ряда памятников Среднего Поочья. Так, на поселении Шумош найдены сосуды с высоким прямым венчиком, очень близкие к характерным волынцевским горшкам, а веревочная орнаментация по их плечикам и по краям венчиков напоминает роменско-боршевскую посуду. Аналогичные сосуды также встречены на Старорязанском городище и в Дубровичах [62].

Лепная керамика, сопоставимая с волынцевско-боршевской, как можно полагать по фрагментарным материалам, полученным при разведывательных обследованиях, имела в Рязанском Поочье весьма широкое распространение. Следует отказаться от высказанной рядом исследователей мысли об освоении славянами этого региона только в X в., когда носители боршевской культуры будто бы целиком оставили Донской регион и переселились в области Среднего Поочья, до этого заселенные волжскими финнами [63]. Как заметил А. Л. Монгайт, при допущении этого возникает несуразность: славяне ушли «с Дона с лепной керамикой, а пришли на Оку с гончарным кругом» [64]. Широкое распространение гончарного ремесла в Рязанском Поочье в X в., как теперь выясняется, обусловлено было притоком сюда, в уже освоенный славянским населением край, дополнительных групп славян из Дунайских земель. Они и принесли на Оку гончарный круг.

О проникновении в Рязанское Поочье волынцевского населения свидетельствуют не только горшковидные сосуды, со-

поставимые с типично волынцевскими, но и доминирование в ранних полуземляночных жилищах глиняных печей, что весьма характерно именно для волынцевских древностей Днепроовского левобережья и не свойственно боршевскому населению Донского региона, где в домах обычны печи-каменки.

В IX в. славяне из Верхнеокского региона начали проникать в Москворечье, где имеются памятники с лепной керамикой, сопоставимой с роменско-боршевской [65].

Расселившиеся в междуречье Днепра и Дона славяне (рис. 2) составляли отдельное диалектно-племенное образование. Именьковская группа славян в Среднем Поволжье в течение трех столетий проживала оторванно от остального славянского мира. Их изоляция не могла не привести к зарождению некоторых диалектных особенностей. Выявить таковые в настоящее время затруднительно, но есть все основания полагать, что сформировавшееся в результате переселения носителей именьковской культуры левобережноднепровско-донская группировка славян стала ядром последующего формирования южновеликорусов.

Для диалектной характеристики славян этой группы несомненный интерес представляют гидронимические изыскания О. Н. Трубачёва рассматриваемого ареала. В междуречье Днепра и Дона им выявлена архаическая (реликтовая) серия водных названий. Это преимущественно «гидрографические термины, характеризующие особенности воды, ее течения («продолговатый», «тенистый, грязный», «непроточный», «обтекание» и т.п.)» с элементами специфической семантики, с реконструируемым праславянским причастием от несохранившегося в славянских языках глагола. «По всем признакам это древнейший разряд гидронимов», — отмечает исследователь [66]. Произведенные им сравнения этих гидронимов с большой группой праславянских гидрогеографических терминов, собранных и проанализированных Ю. Удольфом, демонстрируют обособленность (диалектность) рассматриваемой водной номенклатуры междуречья Днепра и Дона.

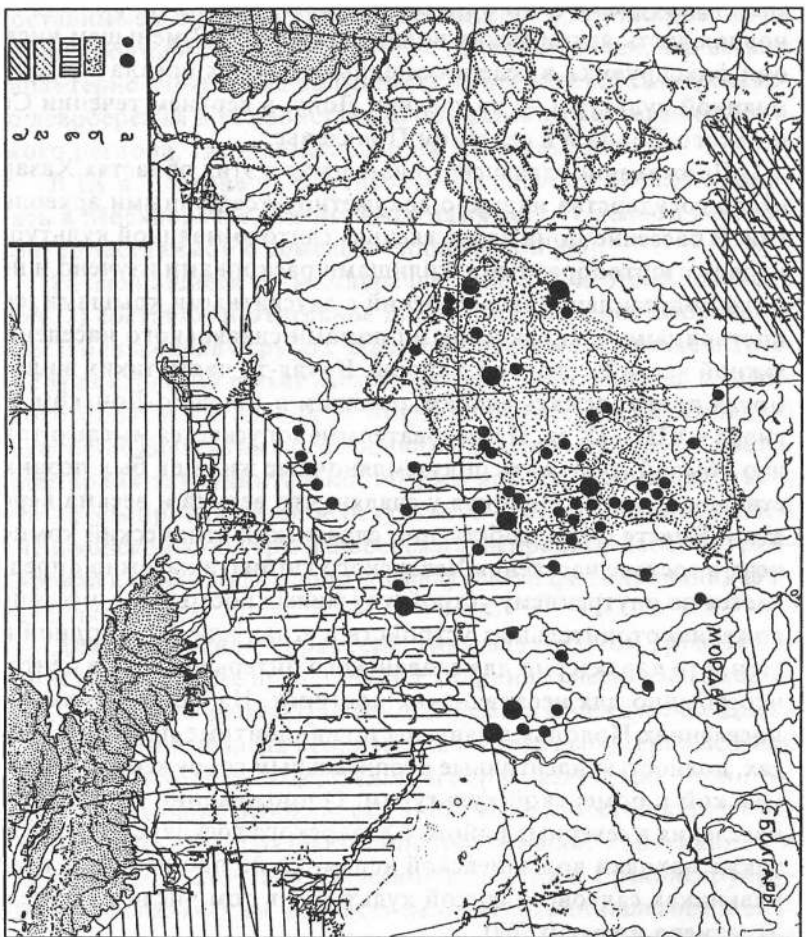
Картографирование гидронимов, описанных О. Н. Трубачёвым, выявляет отчетливую связь их с ареалом волынцевской и эволюционно сменившими ее роменской, боршевской и ок-

ской культурами (рис. 3). В этот ареале сконцентрирована основная часть архаических водных названий. В меньшем числе они фиксируются в северо-западных районах ареала салтово-маяцкой культуры — на среднем Дону, в верхнем течении Северского Донца и в северном Приазовье.

Проживание славянского населения в этих областях Хазарского государства надежно документируется данными археологии. В бассейне Дона на поселениях салтово-маяцкой культуры наряду с юртообразными жилищами раскопками изучено и немало полуземляночных строений с двускатными крышами, сопоставимыми с характерными домами славянского населения южной части Восточной Европы. Какая-то часть таких жилищ могла принадлежать аланам, осевшим в Донецко-Донском регионе в VIII—IX вв. Исследователями допускается мысль о том, что обычай сооружать полуземляночные жилища был позаимствован аланами Подонья у славян, что весьма и весьма вероятно. Вместе с тем, собственно славянский этнический компонент в составе населения Хазарского каганата надежно определяется по внутреннему устройству жилых построек — местоположению отопительных устройств в углах или около одной из стен, что характерно для славянского интерьера, а не в центре, что обычно для неславянских построек. На салтово-маяцких поселениях Подонья выявлены и глинобитные печи на каркасах, полностью идентичные отопительным сооружениям волынцевской и роменской культурам. О проживании славянского населения в северных районах Хазарского государства говорят также находки волынцевской керамики на поселениях и в могильниках салтово-маяцкой культуры, в том числе в Саркеле, Жовтнево и других [67].

Имеются и другие топонимические материалы, отражающие диалектное оформление именниковско-волынцевской группы славян. Так, в в том же левобережнодонецком и донском ареале концентрируются гидронимы, образованные от апеллятива «колодезь», суждения об ареальных показателях которых отмечалось лингвистами неоднократно [68].

Характеризуя регион архаических славянских водных названий, О. Н. Трубачёв высказал мысль о том, что «... именно здесь начал шириться этноним Рус, Русь» [69].

Рис. 3. Этнокультурная карта юга Восточной Европы первой половины IX в. и распространение архаических славянских гидронимов.

а – архаические гидронимы днепро-донецкого и левобережноднепровского типа, выявленные

О.Н.Трубачёвым (значки больших размеров соответствуют более крупным рекам); **б** – ареал волынской, роменской и боршевской культур и родственных им древностей Оки; **в** – территория Хазарского государства; **г** – юго-западные группы восточного славянства; **д** – ареал кривичей

Одно из первых упоминаний этого этнонима (*Ruzzi*) содержится в раннесредневековом документе, озаглавленном «Описание городов и областей к северу от Дуная», условно именуемом «Баварским географом» [70].

По палеографическим особенностям рукопись этого произведения исследователи (Р. Новы, Э. Херрманн) отнесли к первой половине IX в. По историческим реалиям, характеризующим племена Моравского Подунавья, Л. Гавлик определял написание «Баварского географа» временем около 817 г., В. Фритце по описаниям, связанным с ободритами, — 40-ми годами IX в., а Л. Дралле — к периоду «вскоре после 745 г. А. В. Назаренко, недавно заново прокомментировавший это исторический источник, склонен датировать дошедшую до нас рукопись второй половиной IX в., отметив при этом, что определить является ли она оригиналом документа или копией с более раннего оригинала не представляется возможным [71]. Написание этнонима *русь* в «Баварском географе», как утверждает А. В. Назаренко, свидетельствует о проникновении его в древневерхне-немецкую диалектную среду не позднее IX в. [72].

Таким образом, устанавливается, что «Баварский географ» вполне определенно является памятником IX в. и, следовательно, содержащаяся в нем информация синхронна волынцевской и эволюционно связанным с ней культурам роменской, боршевской и окской.

В основной части источника говорится о племенах и народах, проживавших вдоль славяно-германского пограничья. Описание их ведется с севера на юг по Эльбе, Заале, Чешскому лесу и Дунаю (до Сремской области). Эти племена известны по другим франкским документам VIII—IX вв. Во второй, меньшей части «Баварского географа» называются народы Средней и Восточной Европы, разбросанные от Силезии до Хазарии. Структура географического построения памятника в этой части остается неясной. Исследователям удается вычленить только отдельные компактные группы племен. Такова силезско-лужицкая группа, в которой племена перечислены географически упорядоченно: верхняя Висла — верхний и средний Одер — Лужица — Верхняя Силезия. Возможно, две отдельные группы составляют и этнонимы племен, с достаточной определенно-

стью локализуемые на юге Восточной Европы и предположительно отражающую этническую ситуацию на торговых путях, связываемых Среднедунайские области с Севернопричерноморско-Каспийским регионом [73]. Одна из них называет племена в направлении с востока на запад от хазар до вислян: «...Caziri. civitates C. Ruzzi. Forsderer liudi. Fresiti. Seravici. Lucolane. Ungare. Vuislane...» («...Кациры, 100 городов. Руссы. Форшдерен лиуды. Фрешиты. Шеравицы. Луколане. Унгаре. Вишлане...») [74].

Тождество этнонима *Caziri* с хазарами, то есть населением Хазарского каганата, не подлежит сомнению. У Равеннского Анонима наблюдается двоякое написание этого этнонима — *Chazari/Chaziri*. Ближайшими (западными, судя по дальнейшему перечислению племен) соседями Хазарии оказываются русы (*Ruzzi*). Как полагает ряд исследователей, «Forsderer liudi» — ошибочно переданное древневерхненемецкое «Foristari liudi», то есть «лесные жители» (от *Forist* «лес») [75]. Если это так, то это древляне, называемые в русской летописи также лесными жителями («зане седоша в лесех»). Согласно догадке Й. Херрманна, этноним «Fresiti» аналогичен древневерхненемецкому *Freisassen* «свободные жители» [76]. Если это так, то под именем «Fresiti» могли быть названы поляне — «жители поля», то есть незалесенной (свободной от леса) местности.

Некоторые трудности связаны с идентификацией племен *Seravici* и *Lucolane*. Этноним *Seravici* несомненно славянский. М. Рудницкий полагал, что он восходит к славянской лексеме **zerav(l)ь* [77]. П. И. Шафарик высказал догадку о локализации этого племени на р. Жерев, притоке Ужа [78], что представляется вполне допустимым. Это могло быть сравнительно небольшое племя, входившее в крупное племенное образование (только такие и упоминаются в русских летописях), подобно тому, как в составе ободритов фиксируются вагры, варны, травяне, линияне, полабы, древане, а велеты включали в себя племена редарей, укрян, речан, черзепнян и толленцев.

Согласно М. Рудницкому и Т. Лер-Сплавинскому, *Lucolane* — славянское племя, имя которому образовано от славянского **Lok-ol-ъje* (**loca* “лука, луговое пространство в излучине реки”). М. Рудницкий высказал догадку, что *Lucolane* — иное

название улицей. Есть предположение о связи *Licolane* с древнерусским Лукоморьем на побережье Черного моря в районе Днепровско-Бужского лимана. С. Роспонт возводил рассматриваемый этноним к славянской основе **loka*, в таком случае *Licolane* тождественны «лучанам» [79]. Область расселения этого племени определить пока не удастся.

Ungare — несомненно кочевые племена венгров-мадьяр. В начале средневековья они проживали в Юго-Западном Приуралье и Нижнем Прикамье, где сформировались древности кушнареновского, большетиганского и бахмутинского облика, датируемые V — началом IX вв. Это, очевидно, была область Великой Венгрии — *Magna Hungaria*, известная по свидетельствам XIII в. венгерского монаха-доминиканца Юлиана, а также Платона Карпини и Рубрука [80]. Из этого региона и началось движение венгерских племен на запад, по всей вероятности, уже в VII в. Какая-то часть венгров поселилась на Дону в пределах Хазарского государства. Археологические следы пребывания их здесь трудноуловимы. Таковыми, в частности, являются находки в памятниках VII—IX вв. Нижнего Подонья и Северного Приазовья керамических котлов с внутренними ушками, являющиеся характерной чертой культуры древних венгров. В 1900 г. близ с. Буйловка в Воронежской губ. была найдена коллекция вещей, которую с большой долей вероятности следует связывать с пребыванием в этой местности венгров. В составе коллекции имеются орнаментированные роговые пластины, имеющих прямые аналогии в древностях венгров Паннонии конца IX — X вв. Близ с. Воробьево было открыто погребение древневенгерского воина. К этому времени относится проникновение в венгерский язык аланских лексем (предположительно от донских алан). В свою очередь аланами же были восприняты некоторые венгерские слова. Венгры, проживавшие в Донском регионе, контактировали и со славянами. Венгерские вещи были обнаружены при раскопках поселений боршевской культуры — Большого Боршевского и Архангельского городищ [81].

По-видимому, сравнительно небольшая группа венгров поселилась в то же время в Предкавказье, где была ассимилирована аборигенами. Расселение здесь венгров запечатлелось в

названии города ал-Маджар на р. Кума, который упоминается арабскими авторами XIV в.

Согласно информации Константина Багрянородного, венгры до освоения Карпатского бассейна в 90-х годах IX в. кочевали также в Севернопричерноморских степях, где позднее поселились пачинакиты (печенег), — сначала в местности, называемой Леведия, а затем в Ателкузу — Этелькёзе [82].

О конкретной локализации этих земель высказаны различные мнения. Страна Ателкузу определенно находилась в степных районах Северо-Западного Причерноморья, где протекали реки Варух, Куву, Трулл, Брут и Серет, которые обычно отождествляются соответственно с Днестром, Южным Бугом, Днестром, Прутом и Серетом. Область Леведия, получившая название, как это следует из сочинения Константина Багрянородного, от антропонима — предводителя венгров или воеводы Леведия, связана с рекой Хидмас (Хингилус), в которой Ф. Браун, Г. И. Ильинский, М. И. Артамонов и другие историки видят приток нижнего Днепра — Ингул. Согласно изысканиям И. Эрдели, Леведия находилась между нижними течениями Днепра и Дона, составляя окраину Ателкузу.

Никаких сведений о мадьярах-венграх в Причерноморье ранее IX в. нет. Леведия встал во главе союза венгерских племен в 30-е годы этого столетия [83]. Видимо, следует согласиться с теми исследователями, которые определяют появление венгров в степях Причерноморья 20-ми годами IX в. [84].

Археологических памятников венгров в Севернопричерноморских степях пока не выявлено. Известны лишь отдельные находки, связываемые с венгерскими древностями. Таковыми, в частности, являются около 100 бляшек от поясных наборов с орнаментами из трилистников и ягодок, литые пуговицы и иные вещи, обнаруженные в бассейне р. Ингул близ Кировограда и попавшие в коллекцию Б. И. и В. Н. Ханенко [85].

Вслед за уграми в «Баварском географе» называются *Viu-slane* — славянское племя висляне, локализуемое в верхнем течении Вислы с племенным центром в Кракове [86].

Вторую менее отчетливую группу образуют племена верхних течений Вислы, Днестра, Западного и Южного Буга — Свираны (*Zuireani. habent civitates CCC.XXV*), Бушаны (*Busane*).

habent civitates CC.XXX.I), Унлицы (Unlizi. populus mulltus. civitates CCCCXVIII), лендзяне (Lendizi. habent civitates. XC.VIII), которые, по предположению Г. Ловмянського, отражают также ситуацию вдоль торгового пути (видимо, его более южный участок) из Немецкого Подунавья в Хазарию [87].

Zuireani, как считают исследователи, восходят к славянскому оригиналу — *Svir-jane, предположительно от гидронима Свирь — левого притока верхнего Днестра, близ устья которого находится Галич. В пользу такой локализации, кажется, говорит и соседство этого этнонима с бужанами [88]. Busane — несомненно бужане, известные по Повести временных лет «Бужане зане седоша по Бугу» (*Bus-jane от речного названия *Bugъ*). Unlizi тождественны улицам Повести временных лет, которые около рубежа IX и X вв. переселились с нижнего Днестра в Поднестровье [89]. Lendizi — лендзяне, известные по другим источникам IX—X вв. Предложены различные локализации этого славянского племени, из которых наиболее правдоподобной является регион правобережья среднего течения Западного Буга [90]. Если же лендзяне тождественны лендзанинам Константина Багрянородного, то их следует размещать где-то в бассейне Днестра, поскольку они участвовали в сплаве однодеревков по этой реке [91].

К этой группе племен, по-видимому, следует присоединить племя атурецаны («Aturezani. habent civitates CCXII»). А. В. Назаренко видит в нем славянизированный вариант этнонима Attorozi (Атторосы), названный также в «Баварском географе». Единой идентификации их нет. Кажется предпочтительной связь этих этнонимов с тиверцами русских летописей, на что обратил внимание еще Л. Нидерле [92].

В настоящее время археологическая карта Восточной Европы первой половины IX в. разработана детально. Большинство названных выше племенных образований «Баварского географа» могут быть с большей или меньшей достоверностью отождествлены с археологическими регионами (рис. 4). На Волини и правобережье Среднего Поднепровья отчетливо выделяются локальные группировки луки-райковецкой культуры VIII—IX вв., некоторое этнографическое своеобразие которых проступает в древнерусское время по курганным материалам [93]. Таким

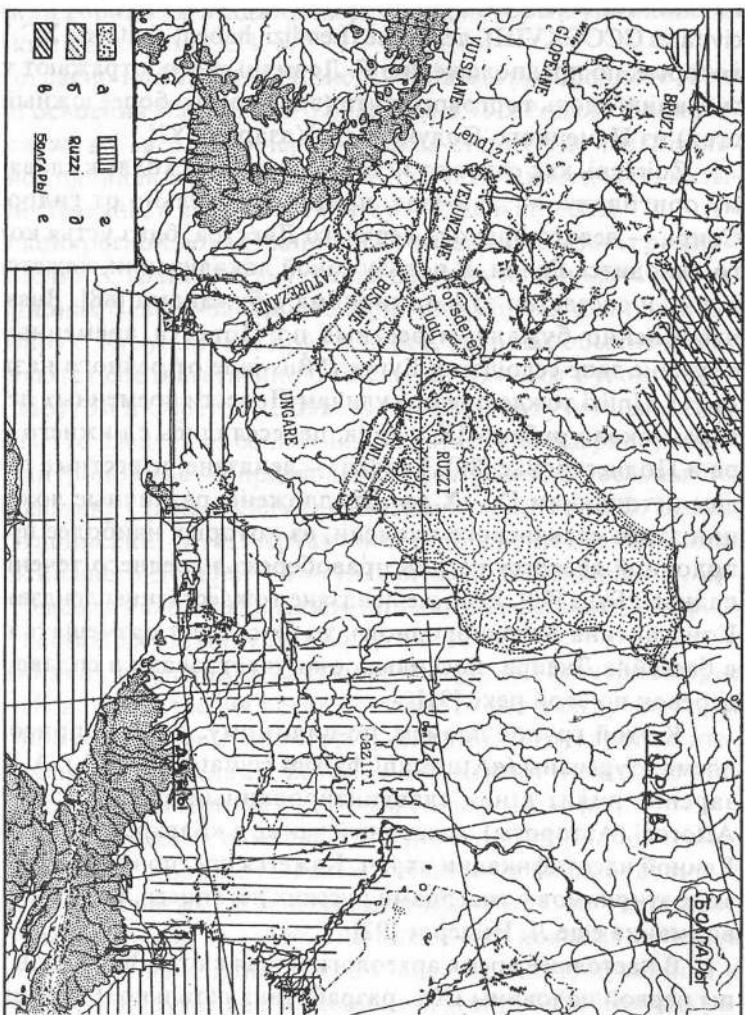

Рис. 4. Этнокультурная карта юга Восточной Европы первой половины IX в. и племена «Баварского географ».

а – ареал волынской, роменской и боршевской культур и родственных им древностей Оки; б – археологические регионы юго-западных групп восточного славянства; в – ареал кривичей; 2 – салтово-маяцкая культура; 3 – этнонимы «Баварского географа»; 4 – другие племенные группы

образом, определяются регионы бужан — волынян («бужане... послеже велыняне») на правобережье Западного Буга с верховьями Стыри и Горыни (Busane), древлян в бассейнах Тетерева и Ужа (Forsderer liudi), полян в Киевском поречье Днестра с Ирпенью (Fresiti). На запад от волынян-бужан выделяется группа памятников, сопоставимая с лендицами (Lendizi).

Аналогичные археологические регионы выявляются и в антской части севернопричерноморского славянства, представленной древностями, продолжавшимися традиции пеньковской культуры. Памятники VIII — начала IX вв. образуют пять географических групп [94]. В нижнем течении Днестра крупное скопление памятников этого времени надежно отождествляется с тиверцами (Aturezani). Две группы древностей на нижнем Днестре идентифицируются с уличами (Unlizi). В конце IX — начале X в. под натиском печенегов уличи из Поднепровья переместились на запад, их поселения на Днестре были заброшены. Племенная принадлежность славянской группировки, занимавшей в VIII—IX вв. среднее течение Южного Буга (до миграции улличей из Нижнего Поднепровья в западном направлении), остается невыясненной. Верхнеднестровская группа древностей VIII—IX вв. отождествляется с восточнославянскими хорватами, которые в «Баварском географе» не фигурируют. Нужно полагать, что вместо этого крупного этноплеменного образования, начало которого уходит вглубь веков, в этом документе названы составляющие его племенные группы меньшего масштаба. Одной из таких групп, очевидно, были свирыяне (Zuirezani).

Русам «Баварского географа» остается только ареал волынцевской и сменивших ее роменской, боршевской и окской культур VIII—IX вв., который находится как раз между Хазарией и регионами древлян и полян.

О том, что русы IX в., названные в «Баварском географе», принадлежали к славянскому этносу, можно судить и по свидетельствам восточных авторов. Так, ученый первой половины IX в. Абдаллах Ибн Хордадбех в географическом сочинении «Книга путей и стран, написанном около 847 г., сообщает: «Что касается русских купцов — а они вид славян — то они вывозят бобровый мех и мех черной лисицы и мечи из самых отдаленных (частей) страны славян к Румскому (Черному) морю, а с

них (купцов) десятину взимает царь Рума (Византии) и, если они хотят, то отправляются по реке славян, и проезжают проливом столицы хазар, и десятину с них взимает их (хазар) правитель» [95]. Передавая идентичную информацию, восходящую, как считают востоковеды, к единому источнику 30—40-х годов IX в., Ибн ал-Факих в произведении «Книга стран», написанном около 903 г., там, где Ибн Хордадбех говорит о русах, прямо пишет о славянских купцах («Что касается славянских купцов, то они везут шкурки лисиц и бобров из славянских стран и приходят к морю Румийскому...») [96].

Вполне очевидно, что восточные авторы IX в. в русах видели какое-то племенное образование славян, проживавших на Восточно-Европейской равнине. Это корреспондируется и с синхронными данными западноевропейских источников.

Согласно изысканиям А. В. Назаренко, народ *русь*, о котором уже в IX в. имели вполне определенное представление в Баварии, проживал на юге Восточной Европы. С этим регионом Восточную Баварию в это время связывал торговый путь, проходивший сначала вдоль правого берега Дуная, затем через Верецкий перевал пересекал Карпаты и далее шел по восточнославянским землям [97]. Древневерхненемецкие источники позволяют утверждать, что *русь* принадлежала к славянскому этносу — «...носители самоназвания «Русь», с которыми с IX в. имели дело в Баварской восточной марке, говорили по славянски» и «...не позднее середины IX в. в древнебаварский была заимствована славяноязычная форма *русь*» [98].

С областью расселения русов, создавшем в Днепровско-Донском междуречье раннегосударственное образование, о чем речь пойдет ниже, идентифицируется с фиксируемой летописями Русской землей «в узком смысле». Еще Н. М. Карамзин обратил внимание на то, что в XII—XIII вв. в летописях Русью именовалась преимущественно Южная, Киевская область Древнерусского государства. Анализ летописных данных об этой Русской земле, находившейся в южной части Древнерусского государства, был выполнен М. Н. Тихомировым [99].

Начиная с С. М. Соловьёва историки пытались выяснить суть этой, предположительно первоначальной Руси. Были высказаны весьма различные догадки. Так, В. О. Ключевский, ис-

ходя из того, что русь — это скандинавы, Русской землей в узком значении считал те Киевские земли, где будто бы плотнее всего оседали варяги. Интересна мысль С. А. Геденова, согласно которой первоначальной Русской землей именовалась та территория Среднего Поднепровья, которая была заселена славянским племенем *русь*. После образования Древнерусского государства название его было распространено на все восточное славянство [100].

Историками прошлого столетия была начата работа по определению географических пределов Русской земли в узком значении. В середине XX в. работу по выборке и интерпретации летописных известий об этой Руси продолжил А. Н. Насонов. Определив города, относимые летописями к Русской земле в узком смысле, и выделив города и местности, которые не включались в нее, исследователь наметил пределы этой области. Это Киевская область (без правобережных территорий древлян и дреговичей) и Черниговщина (без северных окраин, но с Переяславской волостью). В правобережной части Поднепровья к югу от ареала древлян территория этой Русской земли нешироким клином простиралась до верховьев Горыни. А. Н. Насонов считал Русскую землю в узком значении территориальным ядром позднейшего Древнерусского государства [101].

Более обширный летописный материал привлек к определению границ первоначальной Русской земли Б. А. Рыбаков. Согласно выводам этого исследователя, она занимала всю левобережную часть Среднего Поднепровья, а на правобережье включала сравнительно небольшой регион в округе Киева и нижнего течения р. Роси [102].

Позднее на тех же летописных материалах вопрос о географии Русской земли в узком значении анализировался В. А. Кучкиным. Он не согласился с Б. А. Рыбаковым в принадлежности к этой земле некоторых городов Днепровского левобережья и пограничья Киевской земли со степным миром. Вместе с тем, исследователь счел возможным отнести к первоначальной Русской земле некоторые города на водоразделе Припяти с Южным Бугом и Днестром, расширив таким образом исследуемую территорию до пограничья Киевской и Галицкой земель [103], что весьма сомнительно.

Отнесение В. А. Кучкиным к Русской земле в узком значении городов Бужеска в верховьях Западного Буга, Шумеска, Тихомля, Выгожева и Гнойницы в бассейне верхнего течения Горыни, Божеского и Межибожья в бассейне Южного Буга, Котельницы в междуречье Южного Буга и Тетерева не представляется документированным. Оно покоится на достаточно спорных интерпретациях летописей.

Основанием для причисления названных городов к Русской земле в узком значении послужила информация летописей о событиях имевших место в Киевско-Галицком пограничье около середины XII в. В 1148 г. сын Юрия Долгорукого Ростислав, которому отец не давал волостей получил от киевского князя Изяслава Мстиславича «Божьскыи, Межибожие, Котелницу и на два города» [104]. Вскоре отправляясь в военный поход против Юрия Долгорукого киевский князь повелел Ростиславу идти «в Божьскыи» с наказом «постережи земле Роуской оттоле». Через год подозревая Ростислава в заговоре Изяслав Мстиславич отобрал у него свои пожалования и отослал его к отцу в Суздаль. В этой связи Юрий Долгорукий заявил: «Тако ли мне части нетоу в Роуской земли и моимь детямъ» [105]. В этих сообщениях В. А. Кучкин видит возможность отнести города Божьский, Межибожье и Котельницу к Русской земле в узком значении.

В 1149 г. княживший в то время в Киеве Юрий Долгорукий передал галицкому князю Владимиру Володарьевичу несколько не поименованных летописью городов [106]. В 1152 г. войска киевского князя Изяслава Мстиславича совместно с венгерским королем осадили Перемышль, в котором укрылся галицкий князь Владимир Володарьевич. Последний вынужден был просить мира и принял требование о возврате Киеву «Руских городовъ». Однако, когда по заключению мира Изяслав Мстиславич направил посадников в Бужск, Шумеск, Тихомль, Выгожев и Гнойницу, галицкий князь не отдал эти города. Киевский князь настаивал на их возвращении, мотивируя тем, что это «Руской волости» [107]. Эта летописная информация послужила В. А. Кучкину основанием для причисления названных городов к Русской земле в узком значении.

Между тем, все перечисленные города Волыни, Погорынья и верховьев Южного Буга никак нельзя идентифицировать с

областью первоначальной Русской земли. Они были городами, находившимися на юго-западной окраине территории Древнерусского государства, — Русской земли в широком значении и только поэтому называются в летописи русскими. Достаточно очевидно, что в XI и в первых десятилетиях XII в. Галицкое княжество вело вполне самостоятельную политическую жизнь по отношению к Киеву и, таким образом, оставалось вне пределов Русской земли в широком значении того времени. Ведь Изяслав Мстиславич направлял Ростислава в Божский для охраны юго-западного рубежа Древнерусского государства (Русской земли того времени). События 1152 г. также имели место на пограничье Русской земли в широком значении с Галицкой землей.

Для определения территории Русской земли в узком значении наиболее надежным оказывается метод исключения, поскольку области и города, не входившие в регион первоначальной Руси, называются в летописях вполне определенно. Такowymi являются Новгород и его земля, Ростово-Суздальская, Рязанская, Муромская, Полоцкая, Смоленская и Галицкая земли. Достоверно не входили в состав Русской земли в узком значении также ареалы древлян, волынян, дреговичей, хорватов и тиверцев. Для первоначальной Русской земли остается территория расселения руси — племенного образования, представленного волынецкой культурой, и области, освоенные населением роменской, боршевской и окской культур IX в. (рис. 4). Только в этом ареале находятся все города, принадлежность которых к Русской земле в узком значении не вызывает никаких сомнений.

Рассматриваемое племя *русь* зафиксировано русскими летописями под 904 годом: «... Игорь же совкупивъ во многи, варяги, русь, и поляны, словени, и кривичи, и теврьце, и печенеги наа, и тали у них поя, поиде на Греки в лодьях и на конихъ...» [108]. Здесь *русь* — такое же племенное образование, как кривичи, новгородские словене, тиверцы, варяги-норманны или печенеги.

О происхождении этнонима *русь* в литературе высказано множество предположений [109]. Содержащиеся в русских летописях сведения противоречивы и позволяют разные толкова-

ния. Составленная в начале XII в. Повесть временных лет сообщает, что в 862 г. «русь, чюдь, словени и кривичи и вси» решили пригласить князей из-за моря и обратились «к варягам, к руси». «И отъ техъ варягъ прозвася Руская земля» [110]. Это послужило основой для мнения о скандинавском происхождении этнонима *русь*, длительное время доминировавшем в научной литературе и бытующем поныне. Однако, под 882 годом Повесть временных лет сообщает, что Олег, организуя поход из Новгорода в Среднее Поднепровье, берет в свое войско «много варяги, чюдь, словени, мерю, весь, кривичи». Руси в составе дружины не было и только после утверждения Олега в Киеве «варязи и словени и прочи прозвася русью» [111]. Здесь утверждается южное начало рассматриваемого этнонима. К этому можно добавить, что, племени *русь* в Скандинавии никогда не было, а цитированное выше написание «к руси» в Повести временных лет, согласно изысканиям А.А.Шахматова, является вставкой.

Исследователи, отстаивавшие мнение о скандинавском происхождении рассматриваемого этнонима, исходным для его становления считали западнофинский термин *Ruotsi/Rootsi*, прилагаемый к Швеции. В славянской среде он будто бы перешел в этноним *русь*, что с филологической точки зрения представляется достаточно оправданным, поэтому ее придерживались и такие крупные научные авторитеты, как А. А. Шахматов и М. Фасмер [112].

Однако сам термин *Ruotsi/Rootsi* не является собственно финским, это — западнофинское заимствование из древнегерманского. В этой связи в литературе высказана догадка, что основой этого термина послужила древнегерманская лексема *gors* “гребцы”, ставшая самоназванием скандинавов, которые нередко приплывали в земли западнофинских племен. Отсюда будто бы и прибалтийско-финское название шведов *Ruotsi/Rootsi*. В Восточной Европе оно трансформировалось в термин *русь*, имевший на первых порах этносоциальное содержание — так звались представители дружинного сословия независимо от этноязыкового происхождения. Постепенно, как полагают сторонники гипотезы о скандинавском начале этнонима *русь*, шел процесс размывания ранее четко выраженной приуроченности по-

нения *русь* к скандинавам и оно было перенесено на всех жителей Древнерусского государства [113].

Археологу трудно согласиться с такими построениями. Если действительно термин *Ruotsi/Rootsi* является заимствованием из древнегерманского, то его проникновение в западнофинскую среду должно быть отнесено не к вендельско-викингскому времени, а к более раннему периоду — до распада общезападнофинской общности, то есть до середины I тыс. н.э. Известно, что в VII—VIII вв. уже началось становление отдельных прибалтийско-финских языков [114]. Однако в западнофинском ареале заметных проникновений скандинавов в первой половине I тыс. н.э. археология не фиксирует [115].

Начало именниковской культуры, как отмечалось выше, восходит к провинциально-римскому (антскому) ареалу, сложившемуся во II—IV вв. на пространствах Северного Причерноморья. Во время нашествия гуннов значительные массы земледельческого населения вынуждены были покинуть свои обжитые земли, и тогда одна из крупных групп переселенцев освоила местности Среднего Поволжья (носители именниковской культуры).

В этой связи не исключено, что начало этнонима русы может восходить к поздне-римскому времени, когда в ареале черняховской культуры имел место славяно-иранский симбиоз и ряд этнонимов иранского происхождения был воспринят славянами. Таковы, в частности, анты, сербы, хорваты [116].

Еще в XIX в. было высказано предположение об иранском начале и этнонима *русы* (от иранского *ors*, *uors* “белый”) [117]. В этой связи Г. В. Вернадский считал росами (а также *роксолан* и *Hros* Псевдо-Захарии) восточную группу антов, проживавшую к северу от Азовского моря [118]. В наше время известный иранист В. И. Абаев аргументированно показал соответствие этнонима *русь* с основной иранского происхождения **gauka-/ *ruk-* “свет, белый, блеснуть” (осетин. *ruxs/roxs* “светлый”, персид. *ruhs* “сияние”) [119].

Недавно лингво-топонимические изыскания О. Н. Трубачёва показали, что в Причерноморских землях наряду с иранским этническим элементом длительное время сохранялся индоарийский компонент [120]. В этой связи исследователь склонен выводить этноним *русь* от местной индоарийской основы **ruksa/*

**ru(s)sa* “светлый, белый”. В связи с написанием этнонима *русь* в византийских исторических произведениях через -о- и двойственной огласовкой *Русь/Россия* О. Н. Трубачёв отмечает, что в севернопричерноморских топонимических материалах изначально представлены оба варианта — на -о- и на -у- и, следовательно, в греческом написании имеются давние северопонтийские корни [121].

Положения лингвистов об иранском (или индоарийском) происхождении этнонима *русь* приобретает надежную историко-археологическую подоснову. *Русь* — ославяненный, первоначально неславянский этноним, вошедший в обиход в славянском мире в поздеримский период, когда в условиях славяно-иранского симбиоза формировались анты. В период гуннского нашествия носители этого этнонима (или какая-то часть их) продвинулись в Среднее Поволжье, а через три столетия возвратились в левобережноднепровско-донской регион. Место их проживания здесь закрепилось и фиксируется в летописях как Русская земля (в узком значении).

В Раффельштеттенском таможенном уставе, относящемся к 904/906 г. и регламентирующим торговлю Франкского королевства при Каролингах, названы две племенные группы — руги и богемы, связываемые со славянским этносом [122]. Богемы — это бесспорно чехи. Относительно ругов в научной литературе высказано несколько различных мнений. А. В. Назаренко, проанализировав историографию этого вопроса, показал, что под термином *Rugi* в западноевропейских письменных памятниках X—XI вв. обычно имеется в виду Русь. Поэтому имя *руги* и в названном таможенном уставе следует идентифицировать с русью. По мнению А. В. Назаренко, это были купцы из Киевской Руси [123].

С археологической точки зрения, более вероятно, что руги Раффельштеттского устава были не торговыми людьми из далекого Поднепровья, а из ближайших славянских земель. Мне уже приходилось писать, что в округе Линца выявлено большое число славянских поселений и могильников, указывающих на бесспорное проживание здесь славян. Данные топонимики и антропонимики Австрийского Подунавья позволяют говорить о том, что это были русы-руги, а согласно археологическим материалам — потомки группы антского населения, оторвавшей-

ся от севернопричерноморских русов и продвинувшейся в миграционных потоках гуннов и аваров далеко на запад [124].

Из состава праславянской руси, заселившей Днепро-Донское междуречье и часть Окского бассейна, вышли летописные племена северян, вятичей, полян, а также донских славян, этническое имя которых остается неизвестным.

Северяне/север локализируются летописью в Днепровском левобережье: «сесоша по Десне, и по Семи, по Суле...» [125]. Они надежно идентифицируются с носителями роменской культуры, а позднее их памятники определяются по спиральным височным кольцам и некоторым другим украшениям, которые и очерчивают область их расселения в XI—XII вв. [126]. Выше говорилось об иранском происхождении этнонима *север/северяне*. В ареале северян известно несколько гидронимов, образованных от того же апеллятива (реки Сев, Сава и др.), скифо-сарматское начало которых представляется бесспорным [127]. Можно допустить, что этноним *север/северяне* восходит к позднеиримскому времени, к периоду славяно-иранского внутрирегионального взаимодействия. В начале средневековья северяне — одно из племенных образований антов — носителей пеньковской культуры левобережной части Среднего Поднепровья. Их территорию в VIII в. следует определять областью смещения и взаимодействия населения пеньковской культуры с пришлыми славянами из Поволжья.

Верхнеокская группировка руси VIII—IX вв. стала ядром летописных вятичей. Сообщение Повести временных лет: «...вятичи от ляхов» не находит подтверждения в археологических материалах и, по-видимому, носит какой-то легендарный характер. Археология свидетельствует о том, что это племенное образование вятичей формировалось на верхней Оке в условиях взаимодействия расселившейся здесь руси с местным населением, представленным мощинскими древностями. Последующая история вятичей связана с их расселением в северном и восточном направлениях. Этнографическое своеобразие вятичей XI—XIII вв. достаточно хорошо документируется курганными древностями [128].

Поляне первоначально были территориальным образованием дулебской племенной группировки славян, представлен-

ной пражско-корчакской и луки-райковецкой культурой. Заселяли они сравнительно небольшой регион киевского поречья Днестра с Ирпенью и нижней Десной [129]. На рубеже VII и VIII вв. регион полян был поглощен миграцией средневожских славян — русью. В результате полянская земля вошла в ареал волынецкой культуры, а поляне стали русами. Летописная фраза «поляне ныне зовомая русь», таким образом, находит подтверждение в археологических материалах.

Государство русов

О создании русами государственности имеются независимые свидетельства восточных и западноевропейского источников. Так, в сочинении «Книга дорогих ценностей» арабский ученый Ибн Русте сообщает, что у русов «есть царь, называемый хакан русов» [130]. Книга была написана в самом начале X в., однако, содержащаяся в ней информация о хазарах, мадьярах, болгарях, буртасах, славянах и русах восходит к так называемой «Анонимной записке», которая была использована еще в труде одного из арабских писателей середины IX в. (Ибн Хордадбеха или ал-Джайхани), и, следовательно, должна быть отнесена к первой половине IX в. О таком же титуле правителя русов («и падишаха русов зовут хакан русов») писал и автор произведения «Маджмал ат-таварих» [131]. Согласно «Бертинским анналам» — произведению IX в., принадлежащему перу официального историографа Франкской империи Пруденция, — в составе византийской миссии, прибывшей в 839 г. к императору Людовику Благочестивому, находились послы кагана русов [132]. Таким образом, каких-либо сомнений в существовании в первой половине IX в. русского каганата, думается, быть не может.

Располагая скудными данными письменных источников об этом государственном образовании, исследователи высказывали весьма различные мнения об его сути и местонахождении. Одни из них (А. А. Шахматов, А. А. Васильев, Дж. Бери и другие) полагали, что Русский каганат находился в Новгородской земле и его создателями были норманны-русы [133]. Столицей

этого государства исследователи обычно считали Новгород, а А. А. Шахматов — Старую Руссу, в то время, по его мнению, бывшей поселением-колонией скандинавов. Согласно представлениям П. П. Смирнова, этот каганат следует локализовать в Волго-Окском междуречье. Этноним *русь* этот исследователь связывал с Волгой, которая в трудах Птолемея известна как река Ра, и была торговой магисталью, связывавшей Северную Европу с Арабским Востоком. П. П. Смирнов, следовательно, считал Русский каганат тождественным Волжскому каганату [134]. Современные археологические данные указывают на невероятность такого построения. Во время существования Русского каганата (до последних десятилетий IX в.) Волжский торговый путь явно не функционировал. Тем не менее, гипотеза о местоположении этого каганата в Верхнем Поволжье встречается и в современных исторических трудах. Так, О. Прицак пытается утверждать, что каганат русов находился в бассейне верхней Волги, в районе Ростова-Ярославля и он будто бы контролировал путь от Балтики по Оке к Северскому Донцу и далее к Черному морю. Это был регион финской мери, которая платила дань осевшим здесь завоевателям русам-норманнам [135]. Археологическими данными это никак не оправдано, что отмечено комментатором при издании книги этого исследователя на русском языке [136].

К аналогичным представлениям относится и мнение А. Спендер-Петерсена. Исследователь полагал, что Русский каганат — локальное полугосударственное образование где-то на севере или северо-востоке Восточной Европы [137].

Критикуя положения исследователей, связывавших Русский каганат с Севером, Г. В. Вернадский отмечал два обстоятельства, препятствующих этому: 1) невозможность руководства активными торговыми и военными действиями русов в Причерноморье и Прикаспии, а тем более на Среднем Востоке; 2) титул правителя государства русов указывает на его соседство с хазарами, у которых он, несомненно, и был заимствован. Историк считал, что Русский каганат первой половины IX в. находился в Приазовье и его основателями были русы — потомки местного аланского населения и скандинавы, будто бы появившиеся в этом регионе уже в середине VIII в. [138].

Согласно А. П. Новосельцеву, каганат русов первоначально возник в северной части восточнославянской территории, в том его регионе, где властвовали варяги-скандинавы. Позднее сфера его влияния распространилась на юг до Среднего Поднепровья [139]. Г. С. Лебедев высказал догадку, впрочем, никак не аргументированную, о том, что территория Русского каганата распространялась от Балтики до Среднего Поднепровья и его столицей был Киев [140].

Большинство же исследователей связывали Русский каганат со Средним Поднепровьем, и эта точка зрения более всего близка к истине. Для обоснования этого высказывались положения о связи местожительства русов со среднеднепровскими реками Росью, Росавой и др., с роксаланами и росомонамами и т.п. Думается, ныне эти догадки уже представляют чисто историографический интерес. Много внимания для обоснования проживания русов-славян в Среднем Поднепровье уделил Б. А. Рыбаков. Как говорилось выше, для обоснования этого исследователь использовал археологические материалы более раннего времени (VI—VII вв.) [141]. Где-то в Среднем Поднепровье помещал русов и М. И. Артамонов, однако он отрицал их славянскую атрибуцию [142]. Среднеднепровскую локализацию Русского каганата предполагали в своих исследованиях В. Т. Пашуто, А. Н. Сахаров, И. П. Шаскольский и некоторые другие историки [143].

На основе рассмотренных выше материалов можно вполне определенно утверждать, что создателями Русского каганата в первой половине IX в. могли быть только русы — носители волынцевской культуры и эволюционировавших на ее основе роменской, боршевской и окской. Это государство имело определенное этническое содержание. Территории его были лесные и лесотепные области между Днестром и Доном.

Строительство Саркелской крепости и возведение крепостей на северо-западном пограничье Хазарского государства с помощью византийских мастеров свидетельствует о возрастающей мощи каганата русов и, очевидно, имело целью затормозить экспансию русов в южных направлениях.

Титул кагана (тюрк. хакана) был несомненно заимствован русами у своих соседей хазар. В среде кочевых племен и в госу-

дарственных образованиях с оседло-кочевым населением, каковым была Хазария, этот титул означал правителя весьма высокого ранга и, как показал А. П. Новосельцев, приравнивается с европейскому титулу императора. Этот титул был унаследован великими князьями Киевской Руси. В «Слове о законе и благодати», написанном в 30—40-е годы XI в. священником церкви в Берестове Илларионом (позднее — митрополит), киевский князь Владимир Святославич — креститель Руси — назван «великим каганом нашей земли» [144]. Этот титул государя в древнерусском обществе был вытеснен термином *князь*, который, как утверждает исследователь летописной лексики А. С. Львов, был устным заимствованием из моравско-паннонских диалектов славян Подунавья [145]. Судя по данным археологии, заметные массы славян из Дунайского региона появились в Восточной Европе после краха Великоморавской державы.

Применение титула *каган* для главы политического образования русов определенно свидетельствует о становлении к 30-м годам IX в. в их земле ранней государственности и о крепнущей мощи этого политического образования, вступившего в соперничество с Хазарским каганатом.

Исторические материалы не дают ответа на вопрос о времени оформления Русского каганата. Г. В. Вернадский, локализуя его, как уже отмечалось, в Азовском регионе, датировал это событие предположительно временем около 825 г., когда Хазарское государство испытывало некоторые затруднения в связи с военной активизацией Арабского халифата [146]. Нумизматические находки, о которых речь пойдет ниже, позволяют предполагать, что время становления каганата русов относится к началу IX в.

Каменные крепости, выстроенные в Саркеле и особенно на хазарско-русском порубежье на берегах Тихой Сосны и Северского Донца, в военном отношении создали заметное преимущество для Хазарского каганата. Эти фортификационные сооружения могли использоваться хазарами не только для защиты своих северных земель, но и для грабительско-захватнических вылазок вглубь территории русов. Складывавшаяся неблагоприятная для русов ситуация, по-видимому, побудила правите-

лей Русского каганата в 838 г. (вскоре по окончании крепостного строительства на хазарско-славянских рубежах или, может быть, когда оно еще не было завершено) отправить посольскую миссию в Византию. В собственно византийских источниках никакой информации о таковой, правда, нет. Однако «Бертинские анналы» достаточно определенно свидетельствуют, что весной 839 г. к императору Людовику Благочестивому в Ингельгейм — столицу Франкского государства — прибыло византийское посольство, к которому были присоединены лица, утверждавшие, что их в Константинополь послал каган — правитель росов с целью установления дружбы [147].

Миссия Русского каганата 838 г. в Константинополь, вероятно, не была успешной. В это время шла война с арабами. В 837—838 гг. византийские войска потерпели ряд поражений в Малой Азии, возникла угроза арабского похода на столицу империи. В такой ситуации Византия была заинтересована в добрых отношениях с Хазарским каганатом и, естественно, не пожелала завязывать дружеские контакты с его врагом — русами — и разрушать отношения, установившиеся в результате экспедиции Петроны Каматира. Нужно думать, что к посланникам кагана русов в Константинополе отнеслись прохладно, и им пришлось возвращаться ни с чем.

Византийский император Феофил в послании Людовику Благочестивому, как сообщают «Бертинские анналы», просил предоставить послам русов возможность вернуться на родину, так как земли, которыми они следовали в Константинополь, были заняты «дикими и бесчеловечными племенами». Во Франкском государстве, по-видимому, знали о Русском каганате и интересовались появлением послов в стороне от путей, связывавших его с Константинополем. Людовик распросил послов кагана росов и установил, что в действительности они не являются росами, а принадлежат к «народу свеонов». Император, воевавший с норманнами, по-видимому, заподозрил послов в шпионаже и задержал до выяснения истинных целей прибытия в Ингельгейм. Если при расследовании послы окажутся невиновными, сообщал Людовик в ответном письме Феофилу, то он отпустит их или вернет обратно в Византию. О дальнейшей судьбе этих послов русского кагана «Бертинские анналы»

ничего не сообщают. Из этой информации очевидно, что Людовик Благочестивый никакой связи между народом *рос* и Скандинавией, куда направлялись послы, не видел. Нет ничего удивительного в том, что послы назвались русами/росами. Позднее, как свидетельствуют русские летописи, скандинавы-варяги представляли от имени Киевской Руси, объявляя: «мы от рода Рускаго послы...».

Можно полагать, что в составе миссии Русского каганата 838 г. в Византию были выходцы из Скандинавии, состоявшие на службе у кагана. Были среди посланников, по-видимому, и славяне-русы, они смогли вернуться в Днепро-Донской регион. Скандинавы-наемники в силу каких-то обстоятельств, может быть, боясь гнева кагана, решили не возвращаться [148].

Направление посольства 838 г. к византийскому императору — безусловное свидетельство становления государственности в славянской среде Днепро-Донецкого региона. Нужно согласиться с Г. Г. Литавриным, оценивающим эту миссию как начало непосредственных контактов Руси с Константинополем, как попытку установить первые дипломатические отношения Руси с Византией [149].

Вслед за безуспешной попыткой установить контакты с Византией последовала военная акция Русского каганата. Об этом рассказывает «Житие святого Георгия Амастридского». В то время русы, видимо, еще не осмеливались нападать на Константинополь и пошли военным походом на малоазиатское побережье Черного моря, разорив ряд византийских городов. Главной же целью русов была Амастрида — главный город Пафлагонии. Он был избран русами не случайно. Из этого города происходили строители Саркела и хазарских крепостей на северо-западном пограничье. Эту акцию русов следует рассматривать как ответный шаг, как своеобразную месть за возведение преграды в торговых сношениях со странами Востока.

Амастрида подверглась русами разграблению, особенно пострадали православные церкви и монастыри, множество людей было взято в плен. Но все завершилось, согласно названному житию, миром. Источник объясняет покладистость «варваров» вмешательством чудодейственных сил. «Житие святого Георгия Амастридского», сохранившееся в греческой рукописи

Х в., было исследовано В. Г. Васильевским [150], установившим, что создана она не позднее IX в. Отсутствие же в ней упоминаний икон указывает на «иконоборческий период» его создания, который завершился со смертью императора-«иконоборца» Феофила в 842 г. Согласно В. Г. Васильевскому, «Житие» написано автором ряда известных церковных сочинений той поры — Игнатием (митрополит в Никее с 830 г.). Время описываемого в «Житие» похода русов на Амастриду историк определяет до 842 г. Имя руси в это время, утверждал он, было не только известным, но и широко распространенным в Причерноморском регионе.

Выводы В. Г. Васильевского были поддержаны многими историками, в том числе Ф. И. Успенским, Е. Е. Голубинским, В. А. Пархоменко, М. Д. Присёлковым, Г. В. Вернадским (определял поход русов на Амастриду 840 г.), Г. Ловмянским и другими [151]. Проанализировав построения исследователей, считавших известие об этом походе недостоверным, М. В. Левченко показал несостоятельность таких взглядов [152]. Еще раз «Житие Георгия Амастридского» на фоне всей церковной византийской литературы первой половины IX в. было изучено Е. Э. Лившиц, которая пришла к заключению, что памятник создан Игнатием ранее 842 г. [153]. И. Шевченко стилистическим анализом рукописи подкрепил мысль об авторстве Игнатия, а поход русов ограничил временем 825 (смерть Георгия) и 842 г. [154]. Рассмотренная выше ситуация позволяет датировать это событие между 839 и 842 г. [155].

Следующее нападение было совершено русами в 860 г. уже на византийскую столицу. Империя в это время находилась в затруднительном положении. В 859 г. ее войска в сражениях с Арабским халифатом потерпели сокрушительное поражение. Едва избежав пленения император Михаил III в спешном порядке провел подготовку к новой кампании и в начале 860 г. повел войска против арабов. Непокойной была ситуация и внутри Византии. В конце 50-х годов обострилась борьба с павликианами, которые обосновавшись в западной части Армении, поддерживали военные действия арабов. Этим и воспользовались русы и ранним утром 18 июня появились у стен Константинополя. Несомненно, русы были информированы о

ситуации в Византии и Малой Азии и подготовились к походу. М. Д. Присёлков высказал в этой связи догадку о возможной договоренности Руси с арабами о синхронности их боевых действий.

Русы подошли к Константинополю со стороны моря, высадились и стали грабить окрестные монастыри и дворцы. Вероятно, что если бы они стали штурмовать город, то, могли взять его. Но разразился шторм, нанесящий большой урон русской флотилии, они вынуждены были отступить. Присланный императором на помощь столице византийский флот довершил разгром флота русов. 25 июня они стали отходить от города [156].

Это нападение на Константинополь стало масштабным событием в византийской истории. Оно оставило заметный след среди современников, было зафиксировано видными деятелями империи, да и позднее к нему не раз обращались византийские историки X—XII вв.

Сведения о нападении русов на Константинополь содержатся в двух проповедях патриарха Фотия, видного церковного и государственного деятеля, непосредственного участника этого события [157]. В первой проповеди «На нашествие русов» говорится о неожиданности появления русов, полной неподготовленности византийцев к отражению набега, об отсутствии необходимого воинства, оружия и припасов. В «Окружном послании» восточным патриархам 867 г. Фотий говорил о «нечаянности нашествия» и «необычайной быстроте» его. «Город едва... не был поднят на копье», растерянные горожане молились о спасении, поскольку одолеть «варваров» силой не было возможности. Нападавших же Фотий характеризовал так: «Народ..., ставший у многих предметом частых толков, превосходящий всех жестокостью и склонностью к убийствам, так называемый народ рос» [158]. Краткую картину нашествия русов на византийскую столицу нарисовал также Никита Пафлагонский в «Житии святого Игнатия-патриарха», написанном вскоре после смерти Игнатия в 877 г. [159]. Осенью 860 г. в Константинополь, переживавший нашествие русов, римским папой Николаем I для участия в соборе по делу Игнатия были направлены легаты, от которых Риму стало известно об июньских событиях. В письме папы императору Михаилу III, датированном 28

сентября 865 г., содержится упрек за то, что враги, дойдя до стен Константинополя, натворили множество бед, погубили немало людей и ушли неотомщенными [160].

Сведения о нападении русов на Константинополь в 860 г. содержатся еще в хронике Симеона Логофета и «Продолжителе Феофана». Событие отражено также в византийских хрониках XI—XII вв. — Льва Грамматика, Михаила Глики: Иоанна Зонары и Иоанна Скилицы.

Нападение русов 860 г. было ярким неординарным событием как в византийской, так и в русской истории. Оно оповестило мир, что на исторической арене появилось новое мощное военно-политическое образование. В Повести временных лет в этой связи (под 852 г., но известно, что первые даты в летописях не достоверны) записано: «Наченшю Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля. О семь бо уведахомъ, яко при семь цари приходиша Русь на Царьгородъ, яко же пишется в летописаньи гречъстемь. Тем же отселе почнем и числа положимъ...» [161]. Летописец здесь ставит в связь нападение русов на Царьград-Константинополь при императоре Михаиле III и вхождение Русской земли на историческую арену.

Каганат русов в середине IX в. был достаточно известным и вполне оформленным раннегосударственным образованием. Как известно, в 40—50 годах IX в. Арабский халифат усилил репрессии в Закавказском регионе. После гибели арабского наместника в борьбе с армянами халиф распорядился сформировать крупное войско во главе с полководцем Бугой Старшим. Последний сначала учинил резню среди армян, а затем захватил Тбилиси, убил эмира, разорил окрестности города и горцев Грузии. Далее Буга Старший разбил абхазского царя Феодосия, и его войска обрушились на ценар (санарийцев), проживавших в землях, прилегающих к Дарьяльскому ущелью. Санарийцы упорно защищались, но силы были неравными и они, как рассказывается в «Книге стран», написанной в 853—854-х годах арабским историком и географом ал-Йа'куби, обратились за помощью к трем известным властителям того времени, которые могли бы оказать им военную поддержку против халифа. Этими властителями были «сахиб ар-Рум» (то есть император Византии), «сахиб ар-Хазар» (каган Хазарии) и «сахиб ас-Сакалиба»

(государь славян) [162]. Властителем славян в то время мог быть только глава Русского каганата, поскольку в землях Восточной Европы другого мощного политического образования славян тогда не было [163].

Территория Русского каганата, нужно полагать, соответствовала области расселения русов. На западе она охватывала почти целиком бассейн Десны, а ниже её устья — часть правобережья Днепра (округа Киева и Канева). Южные пределы раннегосударственного образования русов составляли верхние течения Сулы, Псла и Ворсклы, на юго-востоке граница проходила по рекам Северский Донец и Тихая Сосна. В состав территории каганата русов на востоке включались области воронежского и верхнего Дона, на севере — Верхнее Поочье и правобережные районы среднего течения Оки.

Основой хозяйства населения Русского каганата было пашенное земледелие. Использовались не только легкие почвы приречных участков, но и тяжелые плодородные черноземы на плато. Раскопками поселений обнаружены железные наральники двух типов — широколопастные и иного вида, которые обычно использовались на старопахотных землях. Мотыгами и мотыжками возделывались приусадебные участки. Железные серпы имели совершенную форму, приближаясь к орудиям уборки урожая времени расцвета Древней Руси. Сроки пребывания участков под перелогом постепенно сокращались, что приводило к двуполью. На последнее указывают находки на памятниках роменской и боршевской культур разнообразных сортов пшеницы, ржи, проса, ячменя и овса, а также обнаружение среди зерновых злаков озимых сорняков [164]. Засвидетельствованы еще выращивание гороха, бобов, репы, а также льна и конопли. На большинстве исследованных поселений открыто множество зерновых ям, известны также специальные хозяйственные сооружения, состоящие из зерновых ям и ручных мельниц.

Земледелие дополнялось животноводством. Анализ костных остатков, полученных при раскопках поселений, показывает, что первое место в составе стада домашних животных принадлежало крупному рогатому скоту, затем свинье и мелкому рогатому скоту.

Земледелие и животноводство составляли основу экономики славянского общества. Немаловажную роль играли и промыслы. От охотничьего снаряжения на поселениях сохранились многочисленные наконечники стрел и дротиков. Многочисленны также железные рыболовные крючки, остроги, пешни, глиняные грузила.

Повсеместное распространение железных орудий труда, предметов вооружения и быта, находки шлаков, остатков горнов и сопел определенно свидетельствуют об активном развитии железоделания и железообрабатывающего ремесла. Технологическое изучение продукции кузнецов роменской культуры указывает на поступательное развитие железообработки. Около половины исследованных изделий было отковано из кричного железа и мягкой сырцової стали. Другая часть выполнена с применением средне- и высокоуглеродной стали (цельнокатанные предметы или сваренные из железа и стали и затем термообработанные, встречены и инструменты с наварными стальными лезвиями).

Следы обработки цветных металлов наиболее изучены на Новотроицком городище, а орудия этого ремесла (лячки, тигли и литейные формочки) обнаружены на многих поселениях. На боршевских поселениях, кроме того, было широко развито костерезное ремесло.

Если на поселениях южных районов рассматриваемой территории среди остеологического материала заметно доминируют кости домашних животных, то в лесной полосе известно немало селений, где кости диких животных в остеологических коллекциях составляют более или менее значительный процент. Так, на памятниках боршевской культуры доля костей диких животных в целом достигает 50%, а на отдельных поселениях свыше 60% [165]. Это — бесспорное свидетельство большого значения охоты на лесных животных. При этом следует иметь в виду, что на поселениях сосредотачиваются в основном костные остатки мясных животных, используемых населением в пищу (заяц, кабан, лось, косуля, благородный олень и др.), а следы охоты на пушных зверей остаются археологически слабо документированными, ведь шкурки с этих зверей снимались охотниками вне поселений. На поселениях боршевской культу-

ры среди остеологических материалов все же имеются кости бобра, лисицы, выдры.

Охота на пушного зверя в экономике Русского каганата, как можно полагать, играла весьма и весьма значительную роль. Восточные авторы вполне определенно сообщают, основным товаром, вывозившем из земли русов и славян, была пушнина. Большое количество серебряных изделий и монет, найденных на территории каганата русов, могло быть получено преимущественно за пушнину [166].

Особо следует остановиться на нумизматических находках IX в. Их картография (рис. 5) показывает, что абсолютное большинство кладов куфических монет начального периода их обращения [167] в южной половине Восточной Европы приходится на территорию Русского каганата. Подобных кладов вовсе нет в обширном славянском ареале к западу от Днепра; в областях, входящих в Хазарский каганат, они единичны. О денежном обращении здесь говорить не приходится.

Аналогичная картина наблюдается и при картографировании монетных кладов следующих десятилетий.

В Днепро-Донском регионе сконцентрированы и находки отдельных куфических монет первого периода их обращения в Восточной Европе. Они встречены на городищах Донецком, Дуна, Новотроицком, Федяшево, на памятниках с напластованиями роменско-боршевской культуры в Басовке, Великой Чугуевке, Городище, Гнздилове, Змееве, Карачевке, Купянске, Райгородке, Урыв, Федянино, а также на салтово-маяцком поселении Верхнем Салтове, на славяно-хазарском пограничье [168].

Это дает основание утверждать, что на юге Восточно-Европейской равнины ведущая роль в распространении восточной монеты и, следовательно, в торговых операциях со странами Востока до последних десятилетий IX в. принадлежала населению Русского каганата, а отнюдь не Хазарии. Через территорию последней пролегли лишь караванные пути, связывавшие Русь с Востоком.

Как известно, в кладах дирхемов первой трети IX в. преобладают монеты, чеканенные в африканских центрах Арабского халифата, которые поступали в Восточную Европу через Кавказ караванными путями. Волжский и Днепровский водные ма-

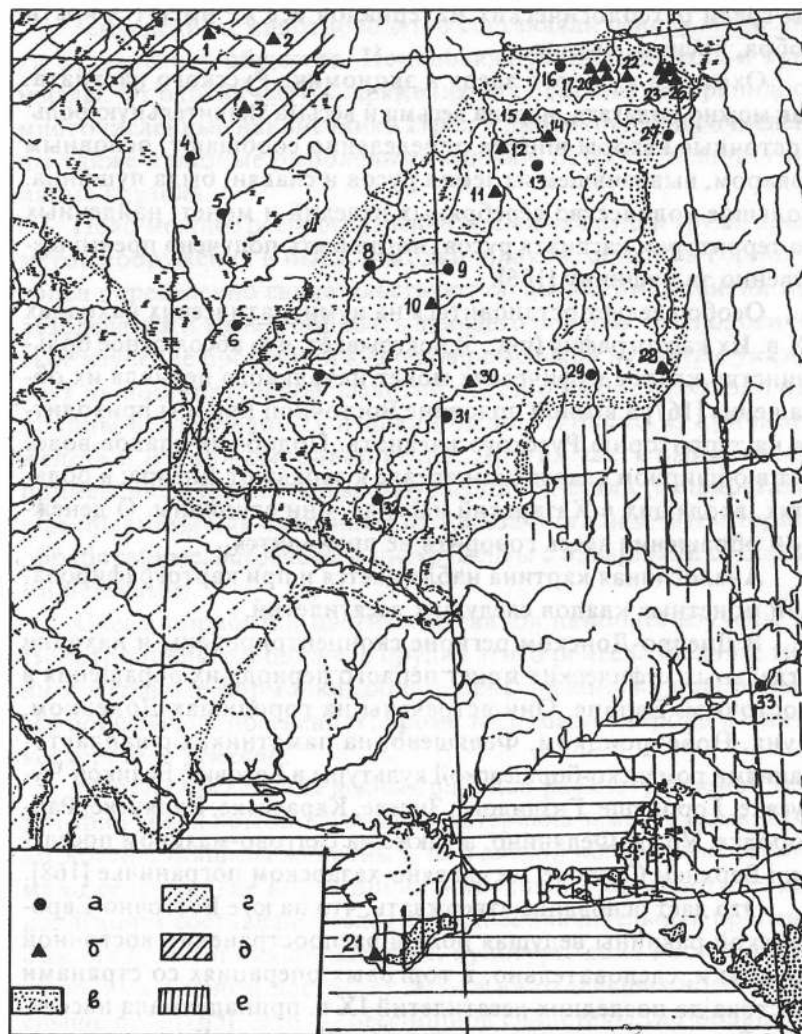
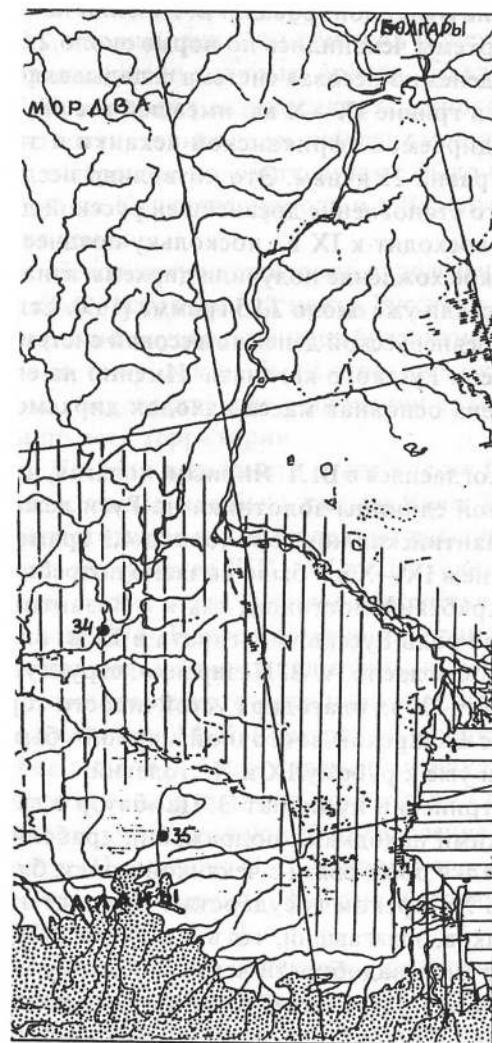

Рис. 5. Распространение дирхема на юге Восточной Европы в IX в. (до 880 г.).

а – находки кладов куфических монет первого периода их обращения в Восточной Европе (до 833 г.); **б** – клад монет, зарытых в 834–880 годах; ареалы: **в** – русов; **г** – юго-западных групп восточного славянства; **д** – кривичей; **е** – территория Хазарского государства

- 1 – Добрино, 841/2;
- 2 – Кислая, 30-е годы;
- 3 – Соболево (Баево), 862/3;
- 4 – Могилев, 814/5;
- 5 – Литвиновичи, 823/4;
- 6 – Яриловичи, 820/1;

- 7 – Новые Млыны (Паристовский хутор), 787/8;
- 8 – Нижние Новоселы, 811/2;
- 9 – Кремлевское, 812/3;
- 10 – Погребное, 875/6;
- 11 – Бобыли, 876;
- 12 – Мишнево, 868/9;
- 13 – Лопотково, 816/7;
- 14 – Супруты, 866;
- 15 – Протасово, 841/2;
- 16 – Баскач, 807/8;
- 17 – Гритчино (гручина), 860/1;
- 18 – Хитровка, 872/3;
- 19 – Остроги, 870;
- 20 – Ростовец, 863/4;
- 21 – Херсонес, 870;
- 22 – Железница, 877/8;
- 23–26 – Борки, 817/8, 867, 869, 875;
- 27 – Скопинский уезд, 818/9;
- 28 – Девица, 837/8;
- 29 – Завалишино, 809/10;
- 30 – Моисеево, 869;
- 31 – Нижняя Сыроватка, 812/3;
- 32 – Новотроицкое, 818/9;
- 33 – Кривлянская, 805/6;
- 34 – Правобережное Цимлянское, 802;
- 35 – Петровское, 804/5

гистрали в то время еще не функционировали. В. Л. Янин показал, что африканские дирхемы чеканились по норме около 2,73 грамма и древнерусская денежно-весовая система складывалась на основе этих монет — в гривне IX—X вв. имевшей вес 68,22 грамма, содержится 25 дирхемов африканской чеканки и эта гривна в то время была равна 25 кунам. Это позволило исследователю утверждать, что становление древнейшей русской денежно-весовой системы восходит к IX в., поскольку позднее в Восточной Европе широкое хождение получили дирхемы азиатской чеканки, которые весили уже около 2,85 грамма [169]. Если это так, то зарождение древнерусской денежно-весовой системы можно отнести ко времени Русского каганата. Именно на его территории сосредоточена основная масса находок дирхемов африканской чеканки.

А. В. Назаренко не согласился с В. Л. Яниным, полагая, что в основе денежно-весовой единицы-золотника на Руси лежат арабский динар или византийская номисма (около 4,3 грамма золота). Ее возникновение в IX—X вв. было вызвано потребностями торговли как с Арабским Востоком, так и с Византией [170]. Но и в этом случае роль Русского каганата в IX в. оказывается определяющей. Согласно А. В. Назаренко, структура русского «денежного счета IX в., благодаря устойчивости торговых контактов Руси с Баварской восточной маркой» была заимствована в Баварии уже к рубежу IX и X столетий.

В начале XX в. австрийский нумизмат Э. Цамбауэр в связи с восточноевропейскими находками подражаний арабским дирхемам высказал догадку об их связи с чеканкой монет, будто бы имевшей место в Хазарском государстве. Позднее эту мысль развивал А. А. Быков, полагавший, что в Хазарии в VIII—IX вв. действительно по мере надобности чеканилась своя монета по образцу дирхемов [171]. С этим мнением согласился В. В. Кропоткин [172]. Более осторожно писал по этому поводу А. П. Новосельцев, отмечая, что вопрос о монетной чеканке в Хазарском государстве пока следует считать открытым [173].

Картография находок подражаний куфическим монетам дает все основания отказаться от таких предположений. Где они изготавливались, определить невозможно, но никак не в Хазарии.

В завершение нумизматического экскурса следует отметить, что находки византийских монет IX в. на юге Восточной Европы (число которых, правда, невелико) также связываются с территорией раннегосударственного образования русов. В частности, только здесь найдены монеты императора Михаила III, в царствие которого русами было совершено первое нападение на Константинополь и в Византии стала известной Русская земля.

Невозможно достаточно определенно сказать, где находился административный центр Русского каганата. Может быть, это раннегосударственное образование не имело такого, подобно тому, как не было стольных пунктов в раннем Франкском государстве, где резиденции властителей были разбросаны по всей территории.

Но если в каганате русов все же был административный центр, то это мог быть только Киев. Древнейшие культурные напластования его, выявленные раскопками на Старокиевской горе, датируются VIII—IX вв. Находки этого времени обнаружены еще на горах Детинке, Киселёвке и Щековице, а также на Подоле [174]. Непосредственно за рвом Старокиевского городища под позднейшими культурными напластованиями открыты остатки языческого могильника. Одно из его погребений (120, по нумерации М. К. Каргера) датируется второй четвертью IX в. Среди находок были наременные накладки конской сбруи, изготовленные в технике инкрустации серебром по бронзовой основе, умело создающей впечатление сочетания серебра с золотом. По мнению С. С. Ширинского, они были изготовлены в киевской мастерской, функционировавшей начиная со второй четверти IX в. [175].

Киев в IX в., очевидно, представлял собой агломерацию крупных поселений торгово-ремесленного характера. Аналогичные поселенческие агломерации были основами становления Праги, Нитравы и других раннесредневековых городов Среднего Подунавья [176].

В 882 г. Олег, подойдя к Киеву, выдал себя за купца и с помощью этой уловки захватил город. Очевидно, Киев в это время был уже значительным торговым центром, пребывание иноземных купцов в котором было ординарным явлением. Вы-

ше говорилось о функционировании в IX в. торгового пути из Поднепровья в Баварию и Киеву в его деятельности должна принадлежать первенствующая роль. А. В. Флоровский допускал существование торговых контактов Киева с Великой Моравией [177]. Другого торгового центра, подобного Киеву, на территории Русского каганата не было [178].

Последний период в истории Русского каганата туманен. Не исключено, что овладение Киевом Олега и последовавшее за этим объединение среднеднепровского региона с северным в единую государственную территорию было и концом рассматриваемого государственного образования. Но, может быть, его финал относится к более раннему времени. Поход 860 г. на Константинополь, как известно, вызвал усиление дипломатической активности Византийской империи. Тогда же в Хазарию было направлено греческое посольство [179]. Его результаты остаются нам неизвестными. Однако русские летописи сообщают о том, что накануне образования Киевской Руси поляне, северяне и вятичи, то есть племена, составляющие племенное образование русов, платили дань хазарам [180]. Под 885 г. говорится и о взимании хазарами дани с радимичей [181]. Когда были установлены эти даннические отношения, сказать нельзя. Может быть, это случилось в 60—70-х годах IX в. Под натиском Хазарского государства и Византии Русский каганат мог разделиться на отдельные племенные части. При этом полянами было создано «племенное» княжение с центром в Киеве, и тогда же в нем появились варяги Аскольда и Дира.

1. О Хазарии см.: Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962; Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. По материалам археологических исследований и письменным данным. М., 1983; Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
2. Бубенок О.Б. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI – начало XIII вв.). Киев, 1997. С. 16–44.
3. Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата... С. 26–60.
4. Якобсон А.Л. Раннесредневековые поселения восточного Крыма // Боспорские города. Т. II (МИА. № 85). М.:Л., 1958. С. 458–466; Макарова Т.И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // Материалы по археологии и этнографии Таврики. Вып. VI. Симферополь, 1997. С. 344–392.

5. Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики (МИА. № 168). Л., 1970. С. 11–29; Он же. Крым в средние века. М., 1973. С. 29–56.
6. Якубовский А.Ю. К вопросу об исторической топографии Итиля и Болгар в IX и X веках // СА. Т. X. 1948. С. 255–264; Артамонов М.И. История хазар... С. 385–399.
7. Плетнёва С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967; Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985; Афанасьев Г.Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М., 1993.
8. Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964. С. 66.
9. Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара, 1998.
10. Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии (Этапы этнокультурной истории). М., 1992.
11. Максимов Е.К. Позднейшие сармато-аланские погребения V–VIII вв. на территории Нижнего Поволжья // Труды Саратовского областного музея краеведения. Археологический сборник. Вып. 1. Саратов, 1956. С. 65–85; Васюткин С.М. К вопросу об исторических судьбах сарматского населения Нижнего Поволжья // Вопросы этнической истории Волго-Донья. Материалы научной конференции. Пенза, 1992. С. 19–20.
12. Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий. М., 1989. С. 171.
13. Артамонов М.И. Саркел – Белая Вежа // МИА. № 62. 1958. С. 7–84. В книге «Саркел и «шелковый» путь» (Воронеж, 1996) С.А.Плетнёва попыталась показать, что кирпичная крепость Саркела, рассматриваемая исследователями традиционно как военное укрепление, была первоначально торговым караван-сараем. Однако, военно-фортификационные сооружения Саркела достаточно определенно свидетельствует, прежде всего, о ее главном военно-оборонительном назначении, что не исключает использования крепости как торгового центра.
14. Раппопорт П.А. Крепостные сооружения Саркела // МИА. № 75. 1959. С. 9–39.
15. Georgius Cedrenus. Bonn, 1839. S. 130; Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. М., 1992. С. 56–57. В.Г.Васильевский определял строительство Саркела временем около 837 г. (Васильевский В.Г. О построении крепости Саркел // ЖМНП. 1889. № 10. С. 273–289). Ф.Вестберг возникновение крепости на Дону датировал 835 г. (Вестберг Ф. К анализу восточных источников о Восточной Европе // ЖМНП. 1908. № 14. С. 51). Основываясь на информации продолжателя Феофана, согласно которому прибытие хазарского посольства в Константинополь и последовавшие после этого события имели место на следующий год по вступлении на патриаршество Иоанна VII Грамматика (832 г.), А.А.Васильев отнес начало строительства Саркела к 833 г. (Васильев А.А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. СПб., 1900. С. 141; Он же. Готы в Крыму // Известия ГАИМК. Т. 5. 1927. С. 220–226). Однако, дата начала церковного правления Иоанна VII Грамматика оказалась спорной. Некоторые исследователи относят ее к 834–837 и 838 гг. Отсюда время хазарского посольства определяется 839 г.

- (Науменко В.Е. К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Т. VI. 1997. С. 689–690).
16. Артамонов М.И. История хазар... С. 299–300.
  17. Там же. С. 317–323; Плетнёва С.А. Правобережное Цимлянское городище // *Сообщения Гос. Эрмитажа*. Вып. XXV. Л., 1964; Она же. История одного хазарского поселения // *РА*. 1993. № 2. С. 46–69; Она же. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Вып. IV. Симферополь, 1995. С. 271–396; Флёров В.С. Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок в 1987–1988, 1990 гг. // Там же. С. 441–516; Он же. Правобережная Цимлянская крепость (проблемы планиграфии и стритиграфии // *РА*. 1996. № 1. С. 100–113.
  18. Некоторые исследователи, впрочем, все же придерживаются мнения, что крепость Саркела была возведена против венгров. См., например, Цукерман К. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 г. // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Вып. VI. Симферополь, 1998. С. 663–679.
  19. Новосельцев А.П. Хазарское государство... С. 132
  20. Константин Багрянородный. Об управлении империей... С. 173.
  21. Там же. С. 173.
  22. Об истории византийской фемы в Крыму см.: Науменко В.Е. К вопросу о названии и дате... С. 689–700; Алексеенко Н.А. Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики IX–XI вв. // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Т. VI. Симферополь, 1997. С. 701–743.
  23. Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси. М., 1876. С. 156.
  24. Bury J.V. A History of the Eastern Roman Empire. London, 1912. P. 418.
  25. Пархоменко В. Начало христианства Руси. Полтава, 1913. С. 61–62; Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge; Mass, 1936. P. 111; Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь. Тверь; М., 1996. С. 310; Артамонов М.И. История хазар... С. 289–295; Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 58; Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси. IX – первая половина X в. М., 1980. С. 35–36; Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1885. С. 146–149; Новосельцев А.П. Хазарское государство... С. 132, 207–208.
  26. Кирпичников А.Н. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // *Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования*. Л., 1985. С. 3–26.
  27. Леонтьев А.Е. Скандинавские вещи в коллекции Сарского городища // *Скандинавский сборник*. Вып. XXVI. Таллин, 1981. С. 141–149.
  28. Афанасьев Г.Е. Донские аланы... С. 123–150.
  29. Мысль о строительстве каменной крепости на Верхнесалтовском городище византийскими мастерами по приглашению Хазарии была высказана еще в начале XX в. В.А.Бабенко, производившем раскопочные изыскания на этом памятнике (Бабенко В.А. Памятники хазарской культуры на Юге России // *Труды XV Археологического съезда*. Т. I. М., 1914. С. 468–470).
  30. Афанасьев Г.Е. Донские аланы... С. 129–141.
  31. Плетнёва С.А. На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989. С. 12–25.

32. Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне Дона // МИА. № 62. 1958. С. 93.
33. Афанасьев Г.Е. Донские аланы... С. 132–133.
34. Die sogenannte Kirchengeschichte des Zacharias Rhetor. Leipzig, 1899. S. 253.
35. Дьяконов А.П. Известия Псевдо-Захарии о древних славянах // Вестник древней истории. 1939. № 4. С. 84–87.
36. Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhundert. Leipzig, 1903. S. 355–357, 383–385.
37. Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь. Тверь; М., 1996. С. 267–269.
38. Артамонов М.И. История хазар... С. 289–294.
39. Дьяконов А.П. Известия Псевдо-Захарии... С. 84–87; Пигулевская Н.В. Имя «рус» в сирийском источнике VI в. н.э. // Академику Б.Д. Грекову ко дню семидесятилетия. Сборник статей. М., 1952. С. 42–48.
40. Рыбаков Б.А. Древние русы // СА. Т. XVII. 1953. С. 23–104; Он же. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 67–90.
41. См., например: Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996.
42. Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 128–131.
43. Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985. С. 188.
44. Dvornik F. The Making of Central and Eastern Europe. London, 1949. P. 307–309; Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск, 1995. С. 42–48.
45. Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 68–94.
46. Там же. С. 7–39.
47. Подробнее о волынцевской культуре см.: Горюнов Е.А. Ранние этапы истории славян Днепровского левобережья. Л., 1981; Юренко С.П. Население Днепровского Левобережья в VII–VIII вв. н.э. (волынцевская культура) // Труды V Международного Конгресса археологов-славистов. Т. 4. Киев, 1988. С. 116–125; Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев, 1990. С. 279–200; Сухобоков О.В. Дніпровське лісостепове Лівобережжя у VIII–XIII ст. Київ, 1992; Седов В.В. Славяне в раннем средневековье... С. 186–200.
48. Старостин П.Н. Памятники именковской культуры. САИ. Вып. Д1–32. М., 1967.
49. О сопоставительном анализе материалов именковской и волынцевской культур см.: Седов В.В. Славяне в раннем средневековье... С. 193–195. С утверждением об эволюции волынцевских древностей из именковских ныне согласны В.Д. Баран, О.М. Приходнюк, В.П. Приймак и др. Возражает против такого решения вопроса О.В. Сухобоков, не приводя каких-либо контраргументов (Сухобоков О.В. К хронологии славянских памятников Днепровского левобережья последней четверти I тыс. // Історія Русі–України. (історико-археологічний збірник). Київ, 1998. С. 50–51).
50. Старостин П.Н. Памятники именковской культуры... С. 31–32; Тухтина Н.В. Раскопки 1957 г. близ с. Криуши Ульяновской обл. // МИА. № 80. 1960. С. 150; Смирнов А.П. Некоторые спорные вопросы истории волжских болгар // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 167–168; Он же. Древняя Русь и Волжская Болгария // Славяне и Русь. М., 1968. С. 168;

- Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М., 1984. С. 57, 116, 129, 143–145.
51. Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1965. С. 121–148; Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу // Русские летописи. Т. 2. Рязань, 1998. С. 451–496.
  52. Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 395–408.
  53. Napolskich V.V. Die Vorslaven im unteren Kamagebiet in der Mitte des I Jahrtausend unsere Zeitrechnung: Permische Sprachmaterial // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. Bd. 18/19. Hamburg, 1996. S. 97–106.
  54. Яжджевский К. О значении возделывания ржи в культурах раннего железного века в бассейнах Одры и Вислы // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 98–99.
  55. Седов В.В. Славяне в древности. М., 1994. С. 309–315.
  56. Москаленко А.Н. Городище Титчиха. Из истории древнерусских поселений на Дону. Воронеж, 1965. С. 100–107. Рис. 326, 33:6 и др.; Винников А.З. Славянское городище на Белой Горе под г. Воронежем // Из истории Воронежского края. Вып. 6. Воронеж, 1977. С. 113–137; Он же. Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж, 1984. С. 141–145; Зинковская И.В. К вопросу о формировании культуры VIII–X вв. на р. Воронеж (по материалам II Белогорского могильника) // Археология и история Юго-Востока Древней Руси (материалы научной конференции). Воронеж, 1993. С. 50–52.
  57. Никольская Т.Н. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н.э. МИА. 72. М., 1959. С. 65–67, 78, 87–89; Она же. Земля вятичей. К истории населения верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М., 1981. С. 22, 28, 30.
  58. Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С. 47–48; Он же. Восточные славяне... С. 41–44.
  59. Славяне Юго-Восточной Европы... С. 305–306.

Обстоятельные сопоставительные анализы волынцевской керамики с глиняной посудой роменских памятников, демонстрирующие полную преемственность этих культур, выполнены рядом исследователей (Щеглова О.А. Ранние элементы в керамическом комплексе памятников волынцевского типа // КСИА. Вып. 187. 1986. С. 21–22; Юренко С.П. Население Днепровского Левобережья... С. 9, 10, 15, 16; Узянов А.А. Роменская керамика как источник хронологического членения культуры // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Киев, 1991. С. 103–104; Петрашенко В.О. Слов'янська кераміка VIII–IX ст. правобережжя Середнього Подніпров'я. Київ, 1992. С. 80–102).

Жилища-полуземлянки, характерные для волынцевской культуры, составляют этнографическую особенность роменского, боршевского и верхнеокского населения. Завершая краткий обзор волынцевских древностей, украинские археологи отмечают: «Таким образом, сопоставление материалов волынцевской и роменской культур показывает не только их культурную и генетическую близость, проявляющуюся в сходстве основных черт материальной культуры, но и иллюстрирует последовательность социально-экономического развития населения Днепровского Левобережья во второй половине I тыс. н.э.» (Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. Киев, 1985. С. 125).

60. Характеристику этих культур см.: Седов В.В. Восточные славяне ... С. 133–150; Он же. Славяне в раннем средневековье... С. 198–205.
61. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 93–97.
62. Монгайт А.Л. Рязанская земля. М., 1961. С. 124, 271–273.
63. Интерпретируя косвенные свидетельства летописей, А.А.Шахматов утверждал, что славянское население появилось в Рязанской земле в X в. из Верхнедонского региона, который был оставлен в связи с участвовавшими набегами печенегов (Шахматов А.А. Южные поселения вятичей // Известия АН. Серия VI. № 16. СПб., 1907. С. 720–723; Он же. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919. С. 35).
64. Монгайт А.Л. Рязанская земля... С. 271.
65. Юшко А.А. Ранние славяне в Подмоскowie // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998. С. 323–335.
66. Трубачёв О.Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. М., 1997. С. 201–207.
67. Небольшое число рассматриваемых гидронимов есть еще в междуречье Дона и среднего течения Волги. Сказать, отражают ли они инфильтрацию волинцевско-боршевского населения в этот регион или же это следы продвижения через него носителей именинковой культуры, из-за слабой археологической изученности этого края пока невозможно.
68. Трубачёв О.Н. Названия рек Правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. М., 1968. С. 222–229; Отин Е.С. Ареалы славянских гидронимических терминов в топонимии Подонья // Проблемы восточнославянской топонимии. М., 1978. С. 9–10; Чумакова Ю.П. Расселение славян в Среднем (Рязанском) Поочье по лингвистическим и историческим данным. Уфа, 1992. С. 100–101.
69. Трубачёв О.Н. В поисках единства... С. 207.
70. Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. М., 1993. С. 15, 41, 42.
71. Назаренко А.В. Русь и Германия в IX–XI вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1991. М., 1994. С. 35–61.
72. Назаренко А.В. Об имени «Русь» в немецких источниках IX–XI вв. // Вопросы языкознания. 1980. № 5. С. 40–57; Он же. Имя «Русь» и его производные в немецких средневековых актах (IX–XIV вв.): Бавария – Австрия // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1982. М., 1984. С. 86–129.
73. Херрманн Й. Ruzzi. Forsderer Liudi. Fresiti: К вопросу об исторических и этнографических основах «Баварского географа» (первая половина IX в.) // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 166–168.
74. Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники... С. 14.
75. Относительно «Forsderer liudi» в научной литературе высказаны и иные мнения (Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники... С. 43).
76. Херрманн Й. Ruzzi. Forsderer Liudi... С. 166–168.
77. Rudnicki M. Geograf Bawarski w oświetleniu językoznawczym // Z polskich studiów slawistycznych. Warszawa, 1958. S. 190.
78. Шафарик П.И. Славянские древности. Т. 2. СПб. 1838. С. 152; Wędzki A. Seravici // Słownik starożytności słowiańskich. T. 5. Warszawa et al., 1977. S. 134–135.
79. Rospond S. Struktura pierwotnych etnonimów słowiańskich. II // Rocznik sla-

- wistyczny. T. 29. Kraków, 1968. S. 15–16; Lehr-Splawiński T. Lucolane // Słownik starożytności słowiańskich. T. 3. Warszawa et al., 1970. S. 102.
80. Москаленко А.Н. Славяно-венгерские отношения IX в. и древнерусские поселения среднего и верхнего Дона // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 189–196.
  81. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 236–239.
  82. Там же.
  83. Константин Багрянородный. Об управлении империей... С. 47; Kristo Gy. Levedi torzsszovetsegetol Szent Istvan allamaig. Budapest, 1980. S. 35–39.
  84. Артамонов М.И. История хазар... С. 340–344.
  85. Ханенко Б.И. и В.Н. Древности Приднепровья. Вып. V. Киев, 1902. Табл. XIX.
  86. Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники... С. 14–15.
  87. Łowmiański H. O pochodzeniu Geografa Bawarskiego // Roczniki Historyczne. R. XX. Poznań, 1955. S. 25 Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники... С. 11.
  88. Wędzki A. Zuireani // Słownik starożytności słowiańskich. T. 7. 1982. S. 171;
  89. Седов В.В. Восточные славяне... С. 130–132.
  90. Łowmiański H. Lędzianie // Slavica Antiqua. T. IV. Poznań, 1953. S. 96–114; Исаевич Я.Д. Висляне и лендзяне в IX–X вв. // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 156–170.
  91. Константин Багрянородный. Об управлении империей... С. 45, 157.
  92. Niederle L. Slovanské starožitnosti. T. IV. Praha, 1924. S. 149; См.: Трубачёв О.Н. Indoarica в Скифии и Дакии // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья: Лигвистика, история, археология. М., 1984. С. 150–151; Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники... С. 29–31.
  93. Седов В.В. Восточные славяне... С. 90–113.
  94. Там же. С. 123–132.
  95. Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 384.
  96. Там же. С. 385–386.
  97. Назаренко А.В. Южнонемецкие земли в европейских связях IX–XI вв. // Средние века. Т. 53. М., 1990. С. 121–136.
  98. Назаренко А.В. О языке восточноевропейских варягов IX–X вв. (*Rod(s) (?) – Русь – Rōe – Ruzzi) // Восточная Европа в древности и средневековье. X Чтения к 80-летию члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. М., 1998. С. 75–79 (цитата – с. 78).
  99. Тихомиров М.Н. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» // Советская этнография. Т. VI–VII. М., 1947. С. 60–80. То же в кн.: Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 74–100.
  100. Гедеонов С.А. Варяги и Русь. Ч. 2. СПб., 1876. С. 430–442.
  101. Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 28–68.
  102. Рыбаков Б.Н. Киевская Русь... С. 56–66.
  103. Кучкин В.А. «Русская земля» по летописным данным XI – первой трети XIII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992–1993 годы. М., 1995. С. 74–116.
  104. ПСРЛ. Т. 2. М., 1962. Стб. 367.

105. Там же. Стб. 374.
106. Там же. Стб. 387 и 405.
107. Там же. Стб. 452, 454, 461.
108. Повесть временных лет... С. 33–34.
109. Краткий обзор их см.: Ловмянский Х. Русь и норманны... С. 163–203; Он же. Руссы и ругии // Вопросы истории. 1971. 9. С. 43–52; Горский А.А. Проблема происхождения названия Русь в современной советской историографии // История СССР. 1989. № 3. С. 131–137; Константин Багрянородный. Об управлении империей... Комментарий. С. 131–137.
110. Повесть временных лет... С. 18.
111. Там же. С. 30.
112. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. III. М., 1971. С. 522–523.
113. Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства // Вопросы истории. 1989. № 8. С. 24–38.
114. Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985. С. 78–82, 202–203. О состоянии проблемы дифференциации западнофинской этноязыковой общности см.: Sedov V. Die erste Welle slawischer Ansiedlung im Nordwesten Osteuropas und die Osrseefinnen // Cultural Heritage of the Finno-Ugrians and Slavs. Tallinn, 1992. S. 62–77; Седов В.В. Прибалтийско-финская этноязыковая общность и ее дифференциация // Финно-угроведение. 1997. 2. С. 3–16.
115. Первые проникновения древнегерманского населения в западные районы прибалтийско-финского арсала (Юго-Западная Финляндия и Эстония) относятся к концу бронзового и началу железного века. Но это были не гребцы, а земледельческое население.
116. Трубачёв О.Н. Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология. 1965. М., 1967. С. 32; Он же. Ранние славянские этнонимы – свидетели миграции славян // Вопросы языкознания. 1974. № 6. С. 48–67; Иванов В.В., Топоров В.Н. О древних славянских этнонимах: основные проблемы и перспективы // Славянские древности. Этногенез, материальная культура Древней Руси. Киев, 1980. С. 29–32; Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 8. М., 1981. С. 151; Седов В.В. Славяне в древности... С. 278; Он же. Славяне в раннем средневековье... С. 124.
117. Миллер В.Ф. Эпиграфические следы иранства на юге России // ЖМНП. Т. 247. 1886. С. 232–283.
118. Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь... С. 107, 268.
119. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 2. М., 1973. С. 435–437.
120. Трубачёв О.Н. Лингвистическая периферия древнейшего славянства: Индоарийцы в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания. 1977. № 6. С. 13–29; Он же. Indoarica в Северном Причерноморье: Источники. Интерпретация. Реконструкция // Там же. 1981. № 2. С. 3–21. Эти работы недавно опубликованы в кн.: Трубачёв О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье. М., 1999.
121. Трубачёв О.Н. К истокам Руси (наблюдения лингвиста). М., 1993; Он же. Русь. Россия. Очерки этимологии названия // Русская словесность. 1994. № 3. С. 67–70; Он же. В поисках единства... С. 223–249. Исследователь присоединяется к суждению В.А. Пархоменко и Г. Ловмянского о том, что на-

- звание *русь* первоначально обозначало область Среднего Поднепровья, а имя *Ruotsi* финны перенесли на Швецию уже тогда, когда варяги вместе с восточным славянством впитали этот южный этноним.
122. Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники... С. 62–67.
  123. Там же. С. 83–89.
  124. Седов В.В. Славяне в древности... С. 304–306; Он же. Славяне в раннем средневековье... С. 125–126.
  125. Повесть временных лет... С. 11.
  126. Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С. 124–133; Он же. Восточные славяне... С. 133–140.
  127. Vasmer M. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. 1. Die Iranier in Südrussland. Leipzig, 1923. S. 76; Топоров В.Н., Трубачёв О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962. С. 226.
  128. Арциховский А.В. Курганы вятичей. М., 1930; Седов В.В. Восточные славяне... С. 143–150.
  129. Седов В.В. Восточные славяне... С. 90–94.
  130. Новосельцев А.П. Восточные источники... С. 397.
  131. Там же. С. 406.
  132. Annales de Saint-Bertin. Paris, 1964. P. 30–31.
  133. Шахматов А.А. Древнейшие судьбы... С. 56; Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge, 1936. P. 109–110.
  134. Смірнов П.П. Вользкій шлях і стародавні руси (написи о русской истории VI–IX ст.). Київ, 1928. С. 7–9; 120–130.
  135. Pritsak O. The Origin of Rus. Vol. 1. Cambridge, 1981. P. 181; Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М.: Иерусалим, 1997. С. 90.
  136. Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы... С. 214.
  137. Stender-Petersen A. Der älteste russische Staat // Historische Zeitschrift. Bd. 191. München, 1960. S. 14–17.
  138. Vernadsky G. Ancient Russia. New Haven, 1943. P. 304; Вернадский Г.В. История России... С. 287–293.
  139. Новосельцев А.П. Восточные источники... С. 402–407; Он же. Хазарское государство... С. 207–208.
  140. Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985. С. 237–238.
  141. Рыбаков Б.А. Киевская земля... С. 68–90; 284–295.
  142. Артамонов М.И. История хазар...
  143. Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси. IX – первая половина X в. М., 1980. С. 22–46; Шаскольский И.П. Известие Бертинских анналов в свете данных современной науки // Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С. 43–54.
  144. Новосельцев А.П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // История СССР. 1982. № 4. С. 150–159.
  145. Львов А.С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975. С. 198–200.
  146. Вернадский Г.В. История России... С. 292–293.
  147. Annales de Saint-Bertin.... P. 30–31. Как и в византийских исторических произведениях, здесь этноним *русы* пишется через -о-.
  148. Присутствие скандинавов в Русском каганате в первой половине IX в. археологически не документируется. Сообщение Бертинских анналов – первое свидетельство привлечения варягов на службу кагану русов.

149. Литаврин Г.Г. Византия и Русь в IX–X вв. // История Византии. Т. II. М., 1967. С. 228.
150. Васильевский В.Г. Жития св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского // Летопись занятий Археографической комиссии. Т. 9. 1893. С. I–CCCV. В «Житии св. Стефана Сурожского» рассказывается о том, что русы под предводительством новгородского князя Бравлина, повоевав византийские владения от Херсонеса до Керчи, подступили к Сuroжу. После десятидневной осады они ворвались в город и начали грабить его. Бравлин пытался захватить сокровища церкви св. Софии, но у гробницы Стефана Сурожского был сражен внезапным недугом. Тогда он распорядился прекратить грабежи, вернуть сурожанам отнятое добро и отпустить пленных. После чего свершилось «чудо»: князь выздоровел и вскоре был крещен. Нападение русов на Сурож исследователи обычно относят к концу VIII в. – вскоре после смерти епископа Стефана (787 г.). Однако этот эпизод не принадлежит к достаточно достоверным. «Житие Стефана Сурожского» дошло до нас в двух вариантах – в греческой и более обширной русской рукописях. Рассказ о нападении русов на Сурож содержится только в русской редакции, являющейся компиляцией XV в. Однако обе рукописи, согласно В.Г.Васильевскому, сохранили традиции их раннего оригинала (Васильевский В.Г. Жития... С. CCXX, CCLVII, CCLXXVI). Некоторые исследователи склонны доверять информации этого источника (см.: Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси. IX – первая половина X в. М., 1980. С. 25–30).
151. Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. I. М., 1880. С. 46; Пархоменко В. Начало христианства на Руси. Полтава, 1913. С. 14–16; Успенский Ф.И. Первые страницы русской летописи и византийские переходные сказания // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. XXXII. 1915. С. 210; Присёлков М.Д. Русско-византийские отношения // Вестник древней истории. 1939. № 3. С. 99; Vernadsky G. The Problem of the Early Russian Campaigns in the Black Sea Area // The American Slavic and East European Review. V. 8. Urbana, 1949. P. 1–9; Вернадский Г.В. История России... С. 346; Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985. С. 196–197.
152. Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 11–12, 42–46; Он же. А.Грегуар и его работы по византиноведению // Византийский временник. Т. III. М.; Л., 1950. С. 236–240.
153. Липшиц Е.Э. О походе Руси на Византию ранее 842 г. // Исторические записки. Т. 26. М., 1948. С. 312–331.
154. Ševčenko I. Hagiography of the Iconoclast Period // Iconoclasm. Birmingham, 1977. P. 121–127.
155. А.Н.Сахаров полагает, что сначала состоялся военный поход русов на Амастриду, а затем в 838 г. русским каганом было направлено посольство в Константинополь (Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси... С. 36–46), с чем невозможно согласиться.
156. Подробно о кампании русов 860 г. см.: Bury J. A History of the Eastern Roman Empire. London, 1912. P. 419–422; Vasiliev A.A. Byzance et les Arabes. Vol. I. Bruxelles, 1937. P. 240–247; Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси... С. 48–59.
157. Mango C. The Homilies of Photius, Patriarch of Constantinople. Cambridge, 1958. P. 98.

158. Grumel V. Les Regestes des actes du Patriarcat de Constantinople. Vol. 1–2. Paris, 1936. P. 88–90.
159. Nicetae Paphlagonis. S.P.N. Ignatii archiepiscopi constantinopolitani vita sive certamen // *Patrologiae cursus completus. Series graeca*. Vol. 105. Paris, 1863. P. 515.
160. Monumenta Germaniae Historica. Epistolarum series. Vol. VI. Berlin, 1925. P. 479–480.
161. Повесть временных лет... С. 17.
162. Новосельцев А.П. Хазарское государство... С. 192.
163. Додажку о том, что владыкой славян, названным ал-Йа'куби, был киевский князь, высказал еще И.Маркварт (Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge... S. 200). Впрочем, далее он отказывался от этого, полагая, что Киев будто бы не мог в середине IX в. создать сильного государства. Высказывались предположения, что ал-Йа'куби имел в виду владыку волжских болгар или дунайской Болгарии, которые оказались несостоятельными. Более близок к истине был Т.Левицкий, который связывал славянскую державу ал-Йа'куби с ареалом вятичей и северян (Lewicki T. Świat słowiański w oczach pisarzy arabskich // *Slavia Antiqua*. T.II. Poznań. 1949/1950. S. 349). Согласно Х.Ловмянському, значительным политическим центром середины IX в. был Киев, и его правитель и назван владыкой славян в арабском источнике (Ловмянський Х. Русь и норманни ... С. 149–152).
164. Сухобоков О.В. Славяне Днепровского левобережья. Киев, 1975. С. 87–107.
165. Цалкин В.И. Фауна из раскопок боршевских и роменских городищ // СА. 1969. № 4. С. 91–101; Журавлев О.П. Животноводство у славянского населения восточноевропейской лесостепи во второй половине I тысячелетия нашей эры // *Вопросы истории славян. Археология и этнография. Сборник научных трудов*. Вып. 12. Воронеж, 1998. С. 34–43.
166. Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое (МИА, 74). Л., 1958. С. 216.
167. Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956. С. 79–117.
168. Монгайт А.Л. Рязанская земля. М., 1961. С. 91–93; Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII – первая половина IX в). Историко-археологический очерк. Л., 1968. С. 59–82; Котляр М.Ф. Грошовий обіг на території України доби феодалізму. Київ, 1971. С. 41.
169. Янин В.Л. Денежно-весовые системы... С. 93–100.
170. Назаренко А.В. Происхождение древнерусского денежно-весового счета // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 1994. М., 1996. С. 5–71.
171. Быков А.А. Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв. // *Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы*. Вып. 3. М., 1974. С. 26–71.
172. Кропоткин В.В. О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе // *Древняя Русь и славяне*. М., 1978. С. 111–117.
173. Новосельцев А.П. Хазарское государство... С. 117.
174. Толочко П.П. Древний Киев. Киев, 1983. По дендрохронологии нижние горизонты культурного слоя Киевского Подола датируются 80-ми годами IX в. (Сагайдак М.А. Хронология археологических комплексов древнего

- Киева // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т. 2. Киев, 1988. С. 136–141).
175. Каргер М.К. Древний Киев. Т. 1. М.; Л., 1958. С. 42–43; Ширинский С.С. Округа древнейших городов Среднего Поднепровья (По материалам курганов IX–X вв.) // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т. 2. Киев, 1988. С. 319–320.
176. Chropovský B. Das frühmittelalterliche Nitrava // Vor- und Frühformen der europäischen Stadt im Mittelalter. Bericht über ein Symposium in Reinhausen bei Göttingen, 1973–1974. Teil II. S. 159–176; Richter M. Archeologicky vyskum ceskych mest // Hospodarske dejiny – Economic History. № 4. Praha, 1979. S. 5–41.
177. Флоровский А.В. Чехи и восточные славяне. Прага, 1935. С. 158–181.
178. Комплекс памятников севернее Воронежа на правом берегу р. Воронеж, включающий три городища, девять открытых поселений и три могильника, является также крупной агломерацией. Воронежские исследователи отождествляют ее с известным по сообщениям арабских авторов пунктом Вантитом (Пряхин А.Д., Беседин В.И., Разуваев Ю.Д., Цыбин М.В. Вантит. Изучение микрорегиона памятников у северной окраины г. Воронежа. Вып. 1. Воронеж, 1997). Однако следов городской жизни на этих памятниках не выявлено, а их рассредоточение на протяжении 11 км пока не даст основание говорить о едином центре.
179. Пашуто В.Т. Внешняя политика... С. 59.
180. Повесть временных лет... С. 18.
181. Там же. С. 20.

ПЕРВОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА СЕВЕРЕ ВОСТОЧНО- ЕВРОПЕЙСКОЙ РАВНИНЫ

Освоение славянами лесной полосы Восточно-Европейской равнины

До середины I тыс. н.э. лесные области Восточно-Европейской равнины от побережья Финского и Рижского заливов на западе до Урала на востоке заселяли племена финской языковой группы. В раннем железном веке археологически они представлены культурой сетчатой керамики Прибалтийско-Ильменского региона, дьяковской и городецкой культурами в Волго-Окском бассейне и ананьинско-пьяноборской в Прикамье. Значительную роль в экономике этих племен играли присваивающие формы хозяйственной деятельности.

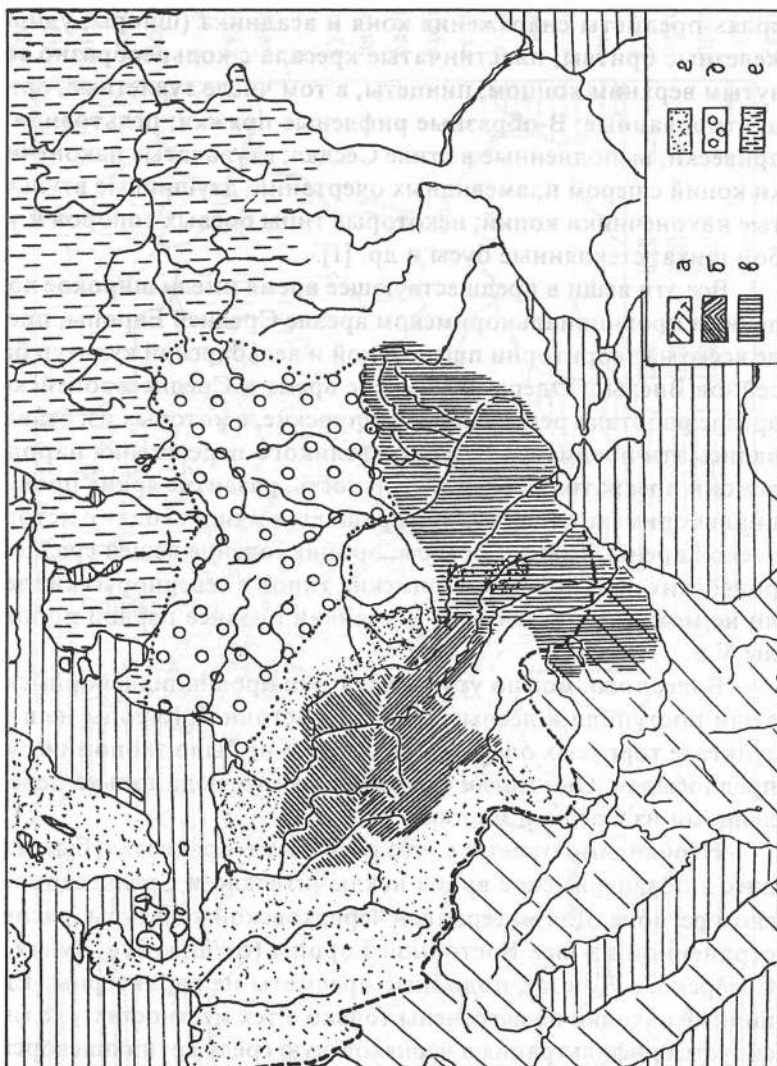
Их юго-западными соседями были балты, которым принадлежал ареал от юго-восточных берегов Балтики до верхнего течения Оки. Они представлены культурами западнобалтских курганов (предки пруссов, ятвягов и галиндов), штрихованной керамики (будущие летто-литовцы), днепро-двинской, верхнеокской, мощинской и киевской (днепровские балты).

Культурное развитие племен финского и балтского этносов протекало относительно спокойно, в замедленном темпе. Плоды римской цивилизации не достигали их земель (рис. 6).

Распространенное до недавнего времени представление о сравнительно позднем появлении славян в севернорусских землях и о постепенном их продвижении с юга на север по Днепру не находит подтверждения в современных археологических ма-

Рис. 6. Сред-
няя и Восточ-
ная Европа в
позднеримское
время.

а – территория
Римской
империи;
б – ареал
 пшеворской
культуры;
в – чернявс-
кой культуры;
г – область
расселения
германских
племен;
д – ареал
балтов;
е – финно-
угров

териалах. В конце IV — V в. в севернорусских землях наблюдаются коренные культурные трансформации. Появляется целая серия предметов провинциально-римского происхождения, явно привнесенных сюда со стороны. К настоящему времени выявляется свыше 100 памятников середины I тыс. н.э. с находками таких изделий (рис 7). Среди них неизвестные до той поры в этих краях предметы снаряжения коня и всадника (шпоры, удила); железные бритвы; пластинчатые кресала с кольцеобразно загнутым верхним концом; пинцеты, в том числе туалетные, орнаментированные; В-образные рифленые пряжки; пельтивидные привески, выполненные в стиле Сёсдал; втульчатые наконечники копий с пером пламевидных очертаний; двушипные втульчатые наконечники копий; некоторые типы боевых топоров и умбон-цита; стеклянные бусы и др. [1].

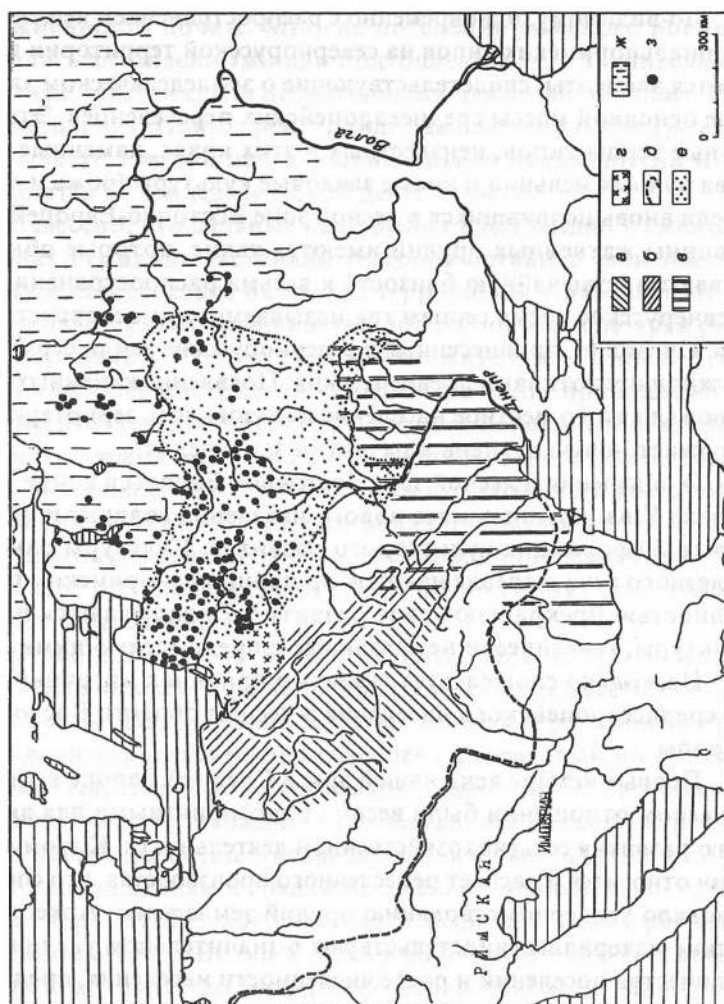
Все эти вещи в предшествующее время имели широкое хождение в провинциально-римском ареале Средней Европы, прежде всего на территории пшеворской и вельбарской культур бассейнов Вислы и Одера. В римское время в Среднеевропейском ареале работали ремесленные мастерские, в которых изготавливались эти предметы. В период великого переселения народов все они прекратили свою деятельность, развитие ярких провинциально-римских культур прекращается и они сходят с исторической арены. Таким образом, проникновение вещей средне-европейских провинциально-римских типов в севернорусские земли не может быть отнесено к времени позднее первой половины V в.

Более того, можно утверждать, что провинциально-римские вещи поступили в лесные области Восточной Европы не в результате торговых операций, для этого не было экономических предпосылок. Они могли быть привнесены сюда только переселенцами из Средней Европы.

Необходимо отметить, что речь идет о предметах, бытовавших в позднеримское время исключительно в Среднеевропейском регионе. Для материалов черняховской культуры, распространенной на юге Восточной Европы (от нижнего Дуная до Северского Донца), подобные предметы не характерны. Единичные находки их встречены только в тех местностях, где фиксируется инфильтрация в черняховскую среду групп пшеворско-

Рис. 7. Распространение провинциально-римских среднеевропейских вещей в Восточной Европе.

а – ареал пшеворской культуры; **б** – вельбарской культуры; **в** – черняховской культуры; **г** – область западных балтов, затронутая провинциально-римской культурой; **д** – северная граница Римской империи; **е** – ареал балтов; **ж** – финно-угров; **з** – памятники с находками вещей провинциально-римских среднеевропейских типов

го или вельбарского населения. Названные предметы провинциально-римских типов, появившиеся на севернорусской территории в период великого переселения народов, не отражают общего культурного облика переселенцев. Они представляют интерес прежде всего для определения ареала, из которого шла миграция населения в лесные земли Восточно-Европейской равнины, и выяснения путей продвижения среднеевропейских переселенцев.

По-видимому, одновременно с распространением вещей провинциально-римских типов на севернорусской территории появляются элементы, свидетельствующие о земледельческом характере основной массы среднеевропейских переселенцев. Это железные серпы типов, неизвестных в этих краях, каменные жернова ручных мельниц и новые злаковые культуры (рожь и овес). Среди вновь появившихся в лесной зоне Восточно-Европейской равнины жатвенных орудий имеются такие, которые обнаруживают чрезвычайную близость к весьма распространенным в древнерусское время серпам так называемого «московского типа». Очевидно, привнесенные в севернорусские земли серпы послужили прототипами древнерусских. Появление каменных жерновов (до этого местное население пользовалось зернотерками) отражает новую ступень в развитии земледелия.

О появлении в лесной зоне Восточной Европы в конце IV — начале V вв. крупных масс нового населения говорит и коренная трансформация культурного развития. Культуры раннего железного века в ареале находок провинциально-римских типов полностью прекращают свое развитие. Складываются новые культуры, генетически не связанные с предшествующими.

Несколько слов следует сказать о причинах миграции массы среднеевропейского населения в лесные области Восточной Европы.

Первые четыре века нашей эры в Средней Европе в климатическом отношении были весьма благоприятными для активного развития сельскохозяйственной деятельности. К этому времени относится и расцвет ремесленного производства, что способствовало усовершенствованию орудий земледелия. Археологические материалы свидетельствуют о значительном увеличении количества поселений и росте численности населения, представ-

ленного среднеевропейскими провинциально-римскими культурами.

С конца IV в. в Средней Европе наступает резкое похолодание, особенно холодным было V столетие. В это время наблюдаются наиболее низкие температуры за последние 2000 лет. В связи с увеличением выпадения осадков и трансгрессией Балтийского моря заметно повышаются уровни рек и озер, поднимаются грунтовые воды, разрастаются болота, повышается увлажненность почвы. Многие поселения римского времени оказались затопленными или подтопленными, а значительные пахотные участки стали непригодными для хозяйственного землепользования. Поймы рек, прежде дававшие обильные урожаи, покрываются водой или аллювиальными отложениями и исключаются из земледельческой деятельности.

Известно, что сильные наводнения в Ютландии и смежных районах Германии заставили тевтонов оставить свои земли и целиком переселиться на другие территории. Археологами устанавливается, что большинство поселений Мекленбурга римского времени в V в. было оставлено жителями. К числу регионов, наиболее пострадавших от наводнений, принадлежит и Среднее Повисленье, характеризующееся низменным рельефом. В римское время оно было очень плотно освоено земледельческим населением. Археологами здесь выявлено несколько сотен поселений, и оказывается, что большинство их к началу V в. было покинуто земледельцами, а в первой половине этого столетия этот регион запустел и в течение почти двух столетий оставался незаселенным.

Основная часть населения Среднего Повисленья и, может быть, смежных земель и направилась в лесные области Восточной Европы. Невозможно сказать, был ли миграционный процесс среднеевропейских переселенцев одноразовым или многоактным. Картографирование находок провинциально-римских типов позволяет утверждать, что передвижение среднеевропейского населения осуществлялась сравнительно широкой полосой по возвышениям и грядам последнего, валдайского, оледенения, через Мазурское поозерье, Средненеманский регион с бассейном Нериса-Вилии и далее в восточном и северо-восточном направлениях до Валдайской возвышенности. На первых

порах переселенцы на новых местах обитания селились в наиболее возвышенных местностях, не подверженным наводнениям [2].

Независимо от археологии подобный маршрут миграции славян в севернорусские земли реконструируется на основании топонимических материалов немецким лингвистом Ю. Удольфом [3].

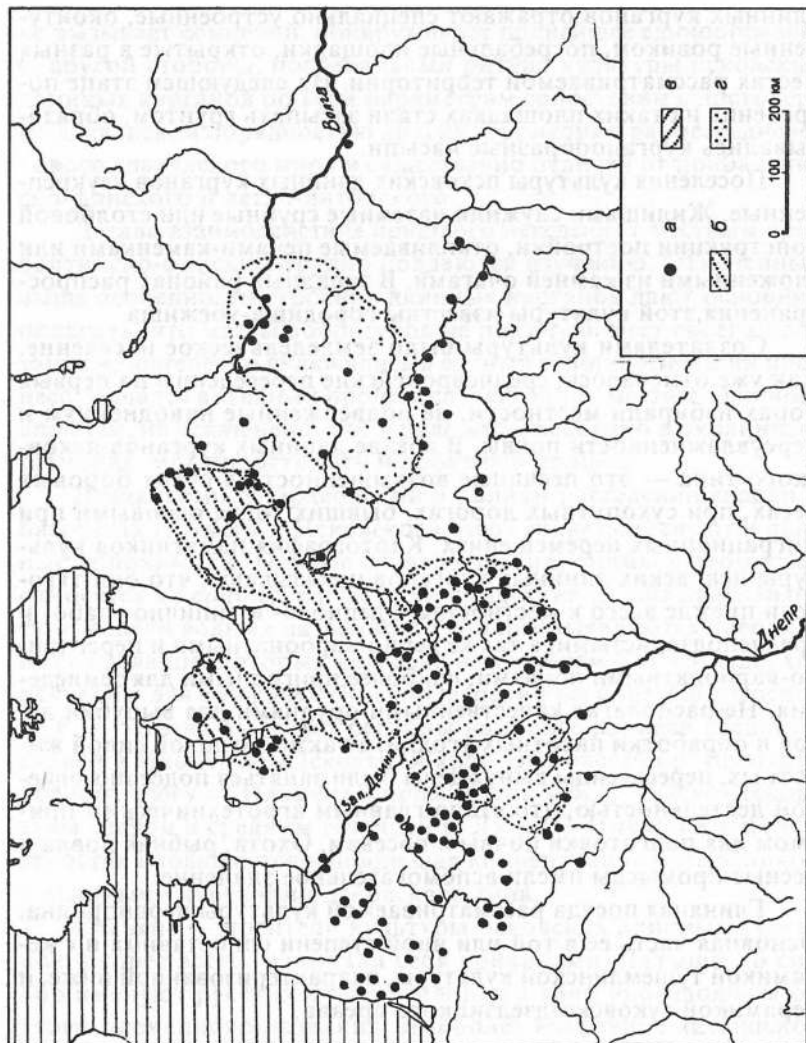
Предметы провинциально-римских типов, привнесенные миграционными потоками из Среднеевропейского ареала, не являются этническими индикаторами. Поскольку население провинциально-римских культур безусловно было полиэтническим, следует полагать, что новые жители лесных земель Восточной Европы были несколько разнородны в этническом отношении. Среди них могли быть и славяне, поскольку они составляли основные массы земледельцев провинциально-римского ареала Средней Европы, и балты, как западные, так и предки летто-литовцев, земли которых были затронуты мощной миграционной волной, и германцы, проживавшие в Средней Европе.

Поскольку через несколько столетий вся территория Восточной Европы, затронутая миграцией среднеевропейского населения, стала славянской, допустима мысль о доминировании в составе переселенцев славянского этнического компонента.

Начиная с V в. на всей территории распространения предметов среднеевропейских провинциально-римских типов формируются новые культуры (рис. 8).

В бассейнах озер Ильменя и Псковского в части ареала культуры текстильной керамики, принадлежащей прибалтийско-финскому этносу, в середине I тыс. н.э. складывается культура псковских длинных курганов [4]. Генетическая связь этой культуры с предшествующей явно отсутствует. Характерными памятниками её являются длинные курганы — невысокие валообразные земляные насыпи, располагающиеся, как правило, в могильниках совместно с круглыми (полусферическими) курганами. Длинные курганы были коллективными усыпальницами и содержат по несколько захоронений по обряду кремации умерших, совершенных на стороне. Наследием обрядности местного населения является ритуал очищения огнем оснований кур-

Рис. 8. Археологические культуры, сформировавшиеся в лесной полосе Восточной Европы в результате миграции средневропейского населения. **а** – памятники с находками вещей провинциально-римских средне-европейских типов; **Ареалы:** **б** – культуры псковских длинных курганов; **в** – тушемлинской культуры; **г** – мерянской культуры

ганных насыпей (подошвенные зольно-угольные прослойки толщиной 2—3 см) и различные выкладки из камней.

Обычай сооружения длинных курганов зародился в Псковско-Ильменском крае. Этим курганам предшествовали грунтовые могильники с захоронениями по обряду трупосожжения, на которых в первое время и хоронили умерших переселенцы из Среднеевропейского ареала. Начальный этап становления длинных курганов отражают специально устроенные, ооконтуренные ровиком, погребальные площадки, открытые в разных местах рассматриваемой территории. На следующем этапе погребения на таких площадках стали засыпать грунтом, образовывались курганообразные насыпи.

Поселения культуры псковских длинных курганов неукрепленные. Жилищами служили наземные срубные или столбовой конструкции постройки, отапливаемые печами-каменками или сложенными из камней очагами. В западных районах распространения этой культуры известны городища-убежища.

Создателями культуры было земледельческое население. Как уже отмечалось, средневропейские переселенцы на первых порах избирали местности, не подверженные наводнениям и переувлажненности почвы. В ареале длинных курганов псковского типа — это песчаные возвышенности в сухих борových лесах, при сухопутных дорогах, бывших тогда основными при миграционных перемещениях. Картография памятников культуры псковских длинных курганов показывают, что они тяготели прежде всего к местностям с дерново- и типично слабо- и среднеподзолистыми, а также дерно-карбонатными и перегнойно-карбонатными почвами, наиболее пригодными для земледелия. Не располагая качественными орудиями для вырубki лесов и обработки пахотных угодий, а также тягловой силой животных, переселенцы вынуждены были заняться подсечно-огневой деятельностью, что стало главным агротехническим приемом для подготовки почвы к посевам. Охота, рыбная ловля и лесные промыслы имели вспомогательное значение.

Глиняная посуда рассматриваемой культуры неоднородна. Основная часть ее в той или иной степени сопоставима и с керамикой тушемлинской культуры, охарактеризованной ниже, и керамикой суковско-дзедзицкого ареала.

Культуру псковских длинных курганов следует рассматривать как славянскую, не отрицая при этом, что в составе ее носителей были также местные финны, и влившиеся в миграционные потоки балты. Сопоставительный анализ особенностей строения длинных курганов и деталей погребальной обрядности с соответствующими показателями курганных древностей IX—X вв. Северо-Запада, принадлежность которых славянам не вызывает сомнений, обнаруживает полнейшее единообразие. С другой стороны, погребальный ритуал культуры псковских длинных курганов по всем параметрам сопоставим с достоверно славянской обрядностью других территорий раннесредневекового славянского мира и существенно отличен от прибалтийско-финского и летто-литовского.

Детали взаимодействия пришлого населения с местным прибалтийско-финским трудно поддаются изучению. Отмеченные выше особенности строения длинных курганов дают основные полагать, что массы аборигенов не покинули мест своего обитания и постепенно включались в единый этногенетический процесс. Начался активный процесс славянизации местных финнов, впрочем, не исключено, что в ряде мест, особенно в окраинных регионах, мог происходить и обратный процесс.

Независимо от археологии о раннем расселении славян в бассейнах Ильменя и Псковского озера свидетельствуют и данные топонимики. Первые славянские гидронимы в этом крае относятся к периоду, когда были продуктивны еще праславянские модели водных названий. Среди них выявляются «первичные» названия, которые, согласно изысканиям С. Роспонда, характерны для зоны «А» (Висло-Одерский регион). На их основе Р. А. Агеева выделяет регионы наиболее раннего оседания славян в Ильменско-Псковском крае. Это бассейн р. Великой, области к югу от Ильменя и промежутки между Чудско-Псковским озером и средним течением р. Луги [5]. Именно в этих местностях наблюдается наибольшая концентрация могильников с длинными курганами псковского типа.

Славяне — носители культуры псковских длинных курганов, скорее всего, называли себя кривичами. Латыши до сих пор именуют русских *krievs*, этнонимом явно производным от этого племенного названия. Наиболее восточное латышское

племя — латгалы — в течение длительного времени соприкасались с населением культуры длинных курганов — кривичами, и их этническое имя распространено на все русское население Восточной Европы.

Из летописной легенды о призвании на княжение трех братьев-варягов очевидно, что Изборск стоял в кривичской земле [6], а в Архангелогородском летописце имеется прямое известие об Изборске как кривичском городе: «...Трувор седе во Изборску, а то ныне пригородок Псковский, а тогда был в кривичех болший город» [7]. Изборск находился в одном из регионов концентрации длинных курганов, а в VIII—IX вв., по-видимому, был административно-племенным центром одной из кривичских групп [8].

Кривичи — носители культуры псковских длинных курганов, как можно судить по археологическим данным, были одним из этноплеменных образований позднего этапа развития праславянского языка и этноса.

Другая крупная группа средневропейских переселенцев осела в Белорусском Подвинье и Смоленском Поднепровье, на территории, где проживали балты двух племенных образований. Одно из них в раннем железном веке представлено культурой штрихованной керамики, другое — днепро-двинской. Несмотря на различие субстратных основ, в области оседания средневропейских племен формируется новая единая культура — тушемлинская, которая датируется от конца IV до VII в. включительно [9].

Основными памятниками ее являются селища, устраиваемые на песчаных останцах, холмах и склонах коренных берегов рек и озер. Это были сравнительно крупные поселения земледельческого населения с наземными постройками срубной и столбовой конструкции, отапливаемые печами-каменками или очагами.

В VI в. на территории тушемлинской культуры появляются городища-убежища, одним из которых является Тушемля на Смоленщине, давшее имя культуре. На этом городище открыто языческое святилище в виде округлой утрамбованной площадки диаметром 6 м, вокруг которой были поставлены столбы-идолы. В центре возвышался более массивный истукан [10].

Погребальными памятниками рассматриваемой культуры являются грунтовые могильники с ямными захоронениями по обряду трупосожжения на стороне, сопоставимые с полями погребений провинциально-римских культур Средней Европы.

Керамика, как и в других регионах лесной полосы Восточной Европы, изготавливалась домашним способом. Доминировали горшкообразные сосуды тюльпановидной, биконической и усеченноконической форм, лишенные орнаментации. Кроме того, встречаются миски и мископодобные горшки. Они имеют лощеную или подлощенную поверхность.

Ведущая роль в хозяйстве тушемлинских племен принадлежала земледелию, причем, судя по споро-пыльцевым анализам, господствовала подсечно-огневая система, но функционировала и пашенная обработка угодий. Произрастали ячмень, мягкая пшеница, рожь, просо, овес, горох, бобы. Орудия труда представлены железными серпами, топорами, зернотерками и жерновами.

Достаточно очевидно, что тушемлинская культура не была эволюционным продолжением местных древнейших предшествующей поры. Кроме существенных изменений, наблюдаемых в быту, культуре и экономике, становление тушемлинской культуры сопровождалось перестройкой поселенческой структуры.

Участие местного балтского населения в генезисе тушемлинской культуры представляется несомненным. Этнические процессы, происходящие в ареале этой культуры, познать пока затруднительно. Оснований для утверждения, что местные балты целиком растворились в среде среднеевропейских переселенцев, у нас нет. Балтский этнический компонент среди славянского здесь сохранялся до XI—XII вв. включительно. О наличии же славянского компонента в составе населения тушемлинской культуры говорят браслетообразные височные кольца, являющиеся этническим индикатором этого этноса. Летто-литовским и финским племенам раннего средневековья такие украшения не были свойственны. Появившиеся в тушемлинской культуре браслетообразные височные кольца без каких-либо прерывов бытовали в этом регионе до X—XIII вв. включительно, параллельно с завязанными височными кольцами смоленско-полоцких кривичей [11].

На рубеже VII и VIII столетий из ареала псковских длинных курганов в области Белорусского Подвинья и Смоленского Поднепровья проникают кривичи и почти одновременно оседают разрозненные группы славян из Дунайского региона. Тушемлинская культура прекращает свое развитие, формируется культура смоленско-полоцких длинных курганов. Последние заметно отличаются от культуры псковских длинных курганов. Погребальные насыпи в Смоленской и Полоцкой землях имеют менее вытянутые очертания, длина их не превышает 20—30 м, отсутствуют зольно-угольные прослойки в основаниях насыпей и каменные конструкции. В вещевом инвентаре культуры смоленско-полоцких кривичей появляются лунничные височные кольца и трапецевидные привески с пунктирным узором, привнесенные дунайским населением.

Встречаются также металлические остатки женских головных уборов типа летто-литовской вайнаги, костяные привески-уточки, связанные с балтами, очевидно включившимися в этногенез смоленско-полоцких кривичей. Украшения летто-литовских типов известны и в древностях тушемлинской культуры, но в культуре смоленско-полоцких длинных курганов они проступают более отчетливо, свидетельствуя, по-видимому, о некоторой активизации процесса славянизации балтских аборигенов. Предметы балтских типов в Смоленско-Полоцком регионе обнаруживаются и позднее в круглых курганах IX—XII вв. Процент их постепенно уменьшается, отражая завершающую стадию ассимиляционного процесса.

На основе уже бытовавших в Смоленско-Полоцком крае браслетообразных височных колец и привнесенных с Дуная лунничных украшений формируются гибридные — проволочные кольца (диаметрами 5—10 см) с пластинчатыми расширениями на заходящих концах. Один конец их, как и у дунайских лунничных колец, завершался крючкообразно. Плоские участки этих украшений орнаментировались нарезными зигзагообразными узорами, что также было позаимствовано от лунничных украшений Подунавья. Параллельно продолжали бытовать и проволочные браслетообразные.

Повесть временных лет знает кривичей только в верхних течениях Днепра, Западной Двины и Волги. По археологиче-

ским данным — это смоленско-полоцкая группа кривичей, сложившаяся в условиях славяно-балтского симбиоза.

С конца VII — начала VIII в. в восточной части ареала культуры псковских длинных курганов получает быстрое развитие культура сопок, связываемая с словенскими ильменскими или новгородскими [12]. Сооружение длинных курганов здесь прекращается. Очевидно, носители культуры псковских длинных курганов вливаются в состав формирующихся словен ильменских. Получает распространение новый вид погребальных сооружений, именуемых сопками. Их ареал составляет бассейн Ильменя со смежными районами верховьев р. Луги и бассейна Мологи. Сопки — высокие крутобокие насыпи с несколько уплощенной вершиной, ооконтуренные в основаниях кольцом из валунов. В основаниях и насыпях некоторых сопок зафиксированы разнообразные кладки из камней, иногда коррелируемые с погребениями. Умерших хоронили по обряду трупосожжения. Кремация совершалась на стороне. Собранные с погребальных костров кальцинированные кости обнаруживаются в разных частях сопок, а в ряде случаев и на поверхности насыпей. В очень немногих погребениях встречены вещи, в том числе стеклянные и пастовые бусы, бронзовые спиральки, бубенчики, перстни, бляхи, ножи и др.

На поселениях культуры сопок (Золотое Колено на р. Мсте, Бережок в Удомельском Поозерье и др.) выявлены следы наземных срубных домов с печами-каменками.

Керамика культуры сопок лепная и представлена двумя основными типам. Самыми распространенными являются слабопрофилированные приземистые горшки, сопоставимые с посудой, характерной для славянских курганов Новгородчины IX—X вв. Второй тип составляют широкие биконические сосуды с отчетливым переломом в плечиках. Такая посуда широко представлена в нижнем культурном слое Старой Ладogi и называется керамикой ладожского типа.

Расположение памятников культуры сопок свидетельствует, что для проживания выбирались местности, наиболее благоприятные для пашенного земледелия (преимущественно с дерново-карбонатными почвами, которые являются самыми плодородными в северо-западной части Восточно-Европейской рав-

нины, или участки речных и озерных долин с аллювиальными отложениями). Это — свидетельство развитого земледельческого уклада носителей рассматриваемой культуры.

Группа населения, которая в X—XII вв. была известна как словене ильменские, как можно судить по имеющим в нашем распоряжении материалам, появилась на северо-западе Восточно-Европейской равнины в составе миграционного потока средневропейского населения конца IV — V вв. На первых порах будущие словене ильменские островками проживали в восточной части ареала культуры псковских длинных курганов. Одним из таких регионов является Удомельское Поозерье, где И. В. Ислановой исследованы поселение и грунтовой могильник Юрьевская Горка, датируемые V—VII вв. [13].

На поселение открыты остатки наземных жилищ с печами-каменками в углах. Под жилищами прослежены удлиненные ямы, иногда сдвоенные, одна из которых была подпечной, другая — хозяйственной. Аналогичные ямы весьма характерны для жилых построек суковско-дзедичской культуры, восходящей к той же подоснове позднеримского населения, что и переселенцы в лесные земли Восточной Европы.

В могильнике Юрьевская Горка раскопано восемь захоронений. Остатки трупосожжений были ссыпаны в неглубокие ямки. В двух случаях кальцинированные кости перекрывались обожженной глиной. При захоронениях найдены фрагменты глиняной посуды, пряслице, а также сопоставимые со средневропейскими браслет с утолщенными концами, боевой нож, наконечники копья или дротика.

Памятники Юрьевской Горки выделяются своеобразной керамикой, включающей как сосуды стройных пропорций с наибольшим расширением в верхней трети, округлым туловом, пологим плечиком, небольшой шейкой, сопоставимые с пространенными в раннесредневековом славянском мире, так и горшки с ребром в месте перехода от плечика в конусовидное тулово, которые могли стать прототипами типичной для ильменских словен керамики ладожского типа VIII—X вв.

Потепление климата и понижение уровней водоемов и грунтовых вод в VII—VIII вв. позволило носителям древностей типа Юрьевской Горки перенести свои поселения на приозерные

участки и к поймам рек. Население стало обживать местности, наиболее целесообразные для пашенного земледелия. При этом коренных изменений в ландшафтной и почвенной приуроченности не произошло, традиции культуры и быта предшествующего времени остались прежними. Очевидно, культура сопкок стала непосредственным продолжением удомельских и им подобных древностей. К этногенезу словен ильменских подключились и местные носители культуры псковских длинных курганов, постепенно перешедшие от подсечного земледелия к пашенному, и финноязычные аборигены. Об участии последних в сложении культуры сопкок говорят каменные кладки в сопках, имеющие аналогии среди погребальных древностей прибалтийско-финских племен [14].

Культура сопкок постепенно трансформируется в древнерусскую культуру Новгородской земли. Эволюция проявляется в керамическом материале, домостроительстве, в топографии поселений, в хозяйственном укладе. Многие могильники, включающие сопки, без перерыва продолжали функционировать и в X—XIII вв. Это древности словен ильменских, о которых летописец сообщает: «Словени же седоша около езера Ильмеря и прозвашася своимъ имянемъ» [15].

Миграционная волна периода великого переселения народов, исходившая из провинциально-римского ареала Средней Европы, достигла также междуречья Волги и Клязьмы. Об этом говорят и появление здесь в середине I тыс. н.э. находок среднеевропейских типов, и распространение браслетообразных височных колец.

Характерная для раннего железного века дьяковская культура в междуречье Волги и Клязьмы прекращает существование. Работами А. Е. Леонтьева установлено, что прямая преемственность между дьяковской и сложившейся в этой области культурой второй половины I тыс. н.э. отсутствует [16]. Препятствием для этого являются небольшие поселения, приуроченные к пойменным лугам, в основной своей части забрасываются. Получают бытование поселения более крупных размеров, которые тяготеют к участкам с наиболее плодородными почвами. Коренная перестройка системы расселения могла быть обусловлена только миграционными потоками нового населения. Ведущее место в экономи-

ке заняло теперь пашенное земледелие при возможной специализации отдельных селений на животноводстве, охоте и рыбной ловле. Существенно увеличивается численность населения.

Предшествующая древнерусской культура междуречья Волги и Клязьмы второй половины I тыс. н.э. именуется мерянской, поскольку летописи локализуют здесь мерю. Поселения располагались преимущественно на склонах возвышенных коренных берегов рек и озер. Их площади колеблются от 1 до 6 га. Жилищами служили в основном наземные срубные постройки с печами-каменками. В VII в. возникает жизнь на Сарском городище на берегу оз. Неро. Защищенный валами участок занимал площадь около 8000 кв.м, к которому прирастали неукрепленные селения. Общая площадь, занятая постройками, к X в. достигла 2,7 га. Раскопками поселения зафиксированы следы ремесленной деятельности и торгового обмена. По-видимому, это был административно-племенной центр мери. Около поселения исследован грунтовой могильник с захоронениями по обряду кремации и ингумации, наиболее ранние из которых относятся к VI—VII вв.

Керамика мерянской культуры изготавливалась без гончарного круга. Среди нее довольно много горшкообразных сосудов с максимальным расширением в верхней части, напоминающих синхронную славянскую посуду других регионов. Нередки и приземистые «кубовастые» сосуды, связываемые с древностями местных финнов. Привнесенными в эти края являются лощение поверхности сосудов и глиняные сковородки.

Разнохарактерность керамического и вещевого материалов мерянской культуры указывает на некоторую неоднородность этнической структуры ее носителей. Присутствие местного финского компонента представляется бесспорным. Но основными создателями этой культуры все же, как можно судить по оформлению новой поселенческой структуры и нового типа хозяйствования, были среднеевропейские переселенцы. При этом оказывается, что основы древнерусской культуры Волго-Клязьминского междуречья были заложены в мерянской культуре — тип расселения, как и характер экономики, быта и домостроительства, оставались в древнерусское время неизменными. Появившиеся в мерянской культуре браслетообразные височные коль-

ца с незавязанными концами постепенно получают все большее и большее распространение и становятся этноопределяющими для славянского племенного образования, составившего основу населения Ростово-Суздальской земли.

Судьба местного финноязычного населения была двоякой. В местах оседания среднеевропейских переселенцев аборигены вступили с ними в тесные контакты. Финская мера постепенно смешалась с пришлым населением — формируются единые поселения и могильники, создается единая культурная область. Аборигены были втянуты в общий этногенетический процесс. Славяно-мерянский симбиоз был продолжительным, еще в курганах XI—XII вв. фиксируются отдельные мерянские элементы. В этих условиях этноним местного поволжско-финского племени, очевидно, распространился на все население Волго-Клязьминского междуречья. В период становления Древнерусского государства мерей уже называли всех жителей Ростово-Суздальской земли.

Какая-то, по-видимому, меньшая часть финской меры оказалась не затронутой воздействием культуры пришлого населения и продолжала обитать в небольших селениях, преимущественно в окраинных местностях, сохраняя прежний жизненный уклад. Археологически такие поселения трудноуловимы. Они имели тот же облик, что и позднейшие «мерские станы», известные по историческим данным.

Летописец, сообщая, что «перъвии насельници...на Ростовскомъ озере меря...» [17], имел в виду не финноязычных жителей этого края, а славян, заселивших земли мери. Б. М. Ляпунов и Ф. П. Филин, разрабатывая вопросы диалектного членения восточного славянства, высказали мысль о том, что в древности Ростово-Суздальская земля была заселена особым восточнославянским племенем, имя которого не дошло до нас, и владими́ро-суздальские говоры ведут свое начало от диалекта этого племени [18]. В настоящее время эта догадка находит надежные подтверждения в акцентологических изысканиях. «Диалекты этой группы, — отмечают лингвисты, характеризуя четвертую акцентологическую группу говоров, территориально соответствующую ареалу мерянской культуры, — не могут быть объяснены как результат вторичного развития какой-либо из

известных акцентологических систем, а должны рассматриваться как наиболее раннее ответвление от праславянского; этнос носителей этого диалекта представляет, по-видимому, наиболее ранний восточный колонизационный поток славян» [19]. Таким образом, можно утверждать, что славяне, заселившие земли финской мери, составляли отдельную диалектно-племенную группу. Интересно, что территория четвертой акцентологической группы в значительной степени соответствует ареалу браслетообразных независимых височных колец, которые являются этноопределяющими украшениям славянской племенной группировки, составившей ядро населения Ростово-Суздальской земли.

Некоторое время славяне мерянского ареала проживали оторванно от остального славянского мира. Изоляция, отмечают В. А. Дыбо и его соавторы, препятствовала распространению «долготной» и «краткостной» оттяжек, свойственных другим первоначальным диалектным группам праславянского языка.

Славянский этнический компонент, привнесенный в междуречье Волги и Клязьмы в составе средневропейских миграционных потоков, был, по-видимому, многочисленным и достаточно активным. Уже в VII в. носители браслетообразных независимых колец проникают на Оку в область расселения другого финского племени, мурома, и в окраинные регионы территории мари. Летописная мурома, по всей вероятности, была уже не чисто финноязычным племенем, а славяно-финским населением Муромской земли. В земле мари славяне, скорее всего, растворились в местной финноязычной среде.

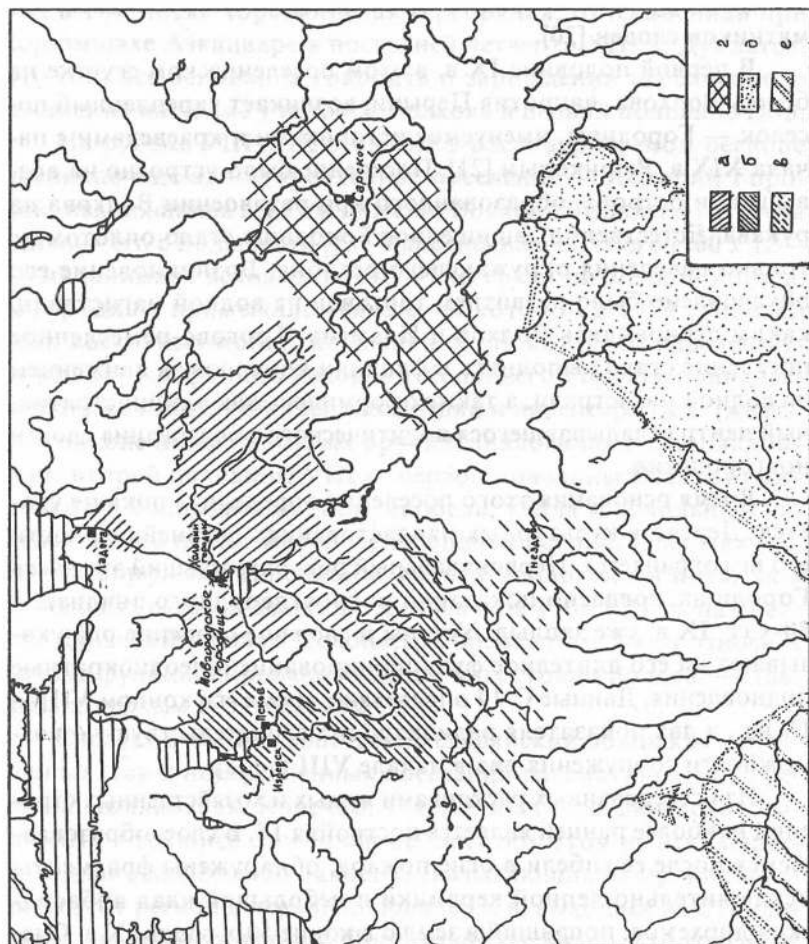
Этнокультурная ситуация VIII—IX вв. в северной части Восточно-Европейской равнины передана на рис. 9.

Формирование предпосылок сложения государственности

В VII—VIII вв. в ареалах словен ильменских, кривичей и мери среди массы земледельческих поселений, обитатели которых обходились для своих хозяйственных и бытовых потребностей изделиями домашнего изготовления, появляются первые неаграрные укрепленные поселки, в которых жили и работали

Рис. 9. Этнокультурная ситуация на севере Восточной Европы в первой половине IX в.

Области: *а* – словен ильменских;
б – кривичей псковских; *в* – кривичей смоленско-полоцких;
г – мери; *д* – русов;
е – юго-западной (дулебской) группы восточного славянства

ремесленники и развивалась торговля. Такие селения возникали прежде всего в регионах концентрации земледельческого населения.

Одним из таковых была область истоков Волхова, в центре которой в X в. отстроился Новгород. Здесь в VIII—IX вв. по берегам Волхова, северного побережья Ильменя и при впадающей в него р. Веряжи известны многочисленные земледельческие селения словен ильменских, а у истоков Волхова в урочище Перынь — их племенное языческое святилище. В этом регионе фиксируется и большое число сопок — погребальных памятников словен [20].

В первой половине IX в. в этом поселенческом ступке на берегу Волхова, напротив Перыни, возникает укрепленный поселок — Городище, именуемое историками и краеведами с начала XIX в. Рюриковым [21]. Поселение было устроено на возвышении острова, образованного при раздвоении Волхова на рукава. Естественно защищенное Городище стало оплотом не только населения окружающего региона. Возникновение его обусловлено было развитием торговли на водной магистрали, каким становились Волхов и Ильмень. Торгово-ремесленное поселение стало выполнять и функции контроля за движением на водной магистрали, а также оформилось как административный центр складывавшегося политического образования словен новгородских.

Время основания этого поселения определить пока не удается. Дерево в культурных напластованиях древнейшей части его не сохраняется. Первоначальный ров, окружавший эту часть Городища, согласно показаний радиоуглеродного анализа, в 80-х гг. IX в. уже заплыл. Уступы и сложное строение рва указывают на его длительное функционирование и неоднократные подновления. Данные C-14 определяют время его концом VIII—IX вв., а два показателя радиокарбона свидетельствуют о возможности сооружения рва в начале VIII в. [22].

Из исследованных раскопками жилых и хозяйственных сооружений наиболее ранней является постройка 17. В слое, образовавшемся после ее гибели в огне пожара, обнаружены фрагменты исключительно лепной керамики и небольшой клад аббасидских дирхемов, попавший в землю в конце 50-х годов IX в. Сле-

довательно, сама постройка должна относиться к более раннему времени. При расчистке этого комплекса среди вещевых находок обнаружена шляпка лодейной заклепки, говорящая о функционировании водного пути Волхов — Ильмень по крайней мере в середине IX в. К раннему времени принадлежит еще постройка 16, в заполнении которой найдена также исключительно лепная керамика.

Помимо названного клада, на Городище встречено несколько восточных монет и их фрагментов, относящихся к VIII—IX вв., в том числе хорезмийская серебряная, отчеканенная при хорезмшахе Азказваре в последней четверти VIII в. Думается, что есть все основания говорить о зарождении укрепленного поселения на холме у истоков Волхова в первой половине IX в.

На рубеже VIII и IX столетий в рассматриваемом регионе возникло еще одно укрепленное поселение — Холопий Городок, находящийся в 14 км ниже по Волхову, недалеко от места слияния его с Волховцом [23]. Укрепленная часть его (100 x 12—20 м) занимала всхолмление (5—7 м) среди низменной поймы. К городищу примыкало селище, на котором в 1979 г. найден клад восточных монет, младшая монета которого определяется 810/811 г. К ранним находкам Холопьяго Городка принадлежит также клад хозяйственных орудий и инвентаря IX в. (железные наконечники пахотных орудий, аналогичные старолadoжским второй половины VIII — первой половины IX в., мотыжки, косы, топор, пешня, нож, скобель, удила и точильный камень). Удила имеют железные эсвидные псалии, завершающиеся зооморфными головками. Точные аналогии им имеются в коллекциях славяно-аварских могильников VII—VIII вв. на Среднем Дунае. Материалы Холопьяго Городка позволяют относить начало функционирования водной магистрали Волхов — Ильмень к первым десятилетиям IX в.

Следует отметить собственно славянский облик как укрепленных, так и неукрепленных поселений рассматриваемого региона Поильменя. Конечно, участие местного финского компонента в генезисе словен ильменских при этом не исключается. Однако каких-либо находок, указывающих на проникновение в этот регион в первой половине IX в. выходцев из Скандинавии, не обнаруживается. Достаточно очевидно, что торговые

операции в это время совершались местным населением. Им же осуществлено и строительство укрепленных торгово-ремесленных поселений, осуществлявших контроль за важным участком водной магистрали.

Вне основной территории словен ильменских в низовьях Волхова в середине VIII в. возникает Ладога. По данным дендрохронологии, время ее основания определяется 750-ми годами, чему не противоречат и вещевые материалы из раскопок [24]. На первом этапе это было небольшое селение площадью до 0,5 га, защищенное естественными рубежами (может быть, имелись и искусственные оборонительные сооружения, но они пока не выявлены). Фиксируется две домостроительные традиции, представленные срубными домами с печами-каменками в одном из углов и многокамерными постройками каркасно-столбовой конструкции с отопительными устройствами в центре. Первые связаны со славянским домостроительством, вторые — с северноевропейскими традициями.

О разнотничности населения ранней Ладоги свидетельствуют и вещевые находки. В нижнем культурном слое (горизонт Е-3, датируемый 750—830 годами) встречены и восточно-европейские (височные кольца — проволочное со спиральным завитком и проволочно-пластинчатое, колпачковидная и трапещевидные подвески, характерные для культуры смоленско-полоцких длинных курганов), и скандинавские (овальная скорлупообразная фибула, языковидное кресало, колесообразные бляшки, фризские костяные гребни, бронзовое навершие с изображением Одина) предметы. Очевидно, что первыми поселенцами Ладоги были норманны, славяне и местные финны [25].

В предматериковом слое поселения Е. А. Рябининым были исследованы остатки кузнечно-ювелирной мастерской с домницей, горном и набором инструментария ремесленника-универсала [26]. Мастерская имела полифункциональный характер, на что указывают отходы производства, заготовки, а также находки ножей, выполненных в технике трехслойного пакета, наколочников стрел, гвоздей, корабельных заклепок и литых украшений. Северноевропейское происхождение инструментария представляется несомненным. По мнению Х. Фирка, набор инструментов мог быть привезен из Готланда, мастер (или масте-

ра), работавшие в мастерской, были профессионалами высокого класса [27]. Понятно, что она не могла успешно функционировать, не используя труд местных подмастерьев, освоивших производственно-технологические приемы пришельцев [28]. По наблюдениям Е. А. Рябина, начиная с 780-х годов в Ладоге было налажено массовое производство стеклянных бус.

Основание Ладоги и появление норманнов в Южном Приладожье никак нельзя рассматривать как формирование международного водного пути из Балтики в Арабский халифат. В течение первого столетия своего существования (до середины IX в.) Ладога была поселком, среди жителей которого было немало скандинавов. Ладога этого времени сопоставима со скандинавской колонией в Гробини в земле куршей или Труссо в земле пруссов, ставшими оплотами военно-данических отношений в этих регионах. Однако Ладога не была собственно скандинавской колонией, хотя в некоторые промежутки времени норманны там могли занимать доминирующее положение. Насколько можно судить по фрагментарным материалам, областью интересов Ладоги были земли приладожских финнов. Находки элементов неволинских поясов VII—VIII вв. в сопке 140 в урочище Победище свидетельствуют о контактах Ладоги с Верхнем Прикамьем.

Наиболее ранний клад восточных монет в Ладоге датируется 786 годом, из ее окрестностей (Княжчино) происходит клад 808 г. В Петергофе на южном берегу Финского залива найден клад 805 г. [29]. Эти находки свидетельствуют, что Ладога вместе со славянскими землями других регионов Восточной Европы включилась в сферу обращения восточного серебра. Однако каких-либо данных, указывающих на то, что проводниками торговли с Востоком в первый период обращения дирхема в Восточной Европе были скандинавы, в распоряжении науки нет. Под контролем норманнов мог находиться участок водного пути, связывавший северо-западные земли Восточной Европы с Балтикой.

Как можно судить по распространению длинных курганов, крупным регионом концентрации кривичей псковских было южное побережье Псковского озера. В VIII—IX вв. здесь также возникают укрепленные неаграрные поселения. Одним из

таковых является упомянутый выше Изборск [30]. Устроено раннее поселение здесь на высоком мысу (48 м) с довольно крутыми склонами при впадении безымянного ручья в озеро Городищенское, связанное системой вод с Псковским озером, а через него с Балтикой.

Площадь первоначального поселения около 6 тысяч кв.м. С момента основания на рубеже VII и VIII вв. оно было защищено двумя валами — дугообразным, сложенным из плотной глины и камня, с напольной стороны, и небольшим в мысовой части. В срединной части поселения его основателями была устроена площадь, округлая в плане, диаметром около 25 м. При этом был использован плитняковый выступ материка, который был подправлен так, что горизонтальная площадка оказалась приподнятой на 40—50 см. Предназначалась площадь, нужно думать, для племенных собраний (вече), культовых языческих празднеств и гаданий.

Жилые постройки Изборского городища располагались кучно и бессистемно, что характерно для славянских селений второй половины I тыс. н.э., на пространстве между площадью и дугообразным валом. Это были преимущественно наземные срубные дома с деревянными полами и глиняными печами. Небольшая часть жилищ имела глинобитные полы и отапливалась очагом. Подобные постройки характерны для культуры типа Рыуге в Юго-Восточной Эстонии; присутствие таких жилищ в Изборске указывает на проживание здесь выходцев из финской среды. Об этом же говорят и керамические материалы — около 12% глиняной посуды нижнего культурного слоя памятника принадлежит к керамике рыугеского типа.

С момента основания поселения здесь развивалось бронзолитейное и косторезное ремесла, а также железообработка и камнерезное дело. Среди находок имеются вещи, говорящие о развитии торговых сношений, — бронзовые булавки с треугольными навершиями, завершающимися грибовидными головками, обычные для земли эстов в VII—VIII вв.; равноплечная фибула VIII в., аналогии которой известны в древностях Финляндии; четыре каменных блоковидных кресала, получивших в первой половине и середине I тыс. н.э. распространение в регионах, прилегающих к Балтийскому морю. В Восточной Прибал-

тике, как показал Х. А. Моора, они относятся в основном к VI—VII вв.

Из нижнего слоя Изборского городища происходит несколько монетных находок. Самыми ранними являются два дирхема африканской чеканки 792/3 г., которые, согласно изысканиям нумизматов, в Восточной Европе были в составе монетного обращения с 800 по 825 гг., после чего практически полностью вышли из обращения. По-видимому, эти дирхемы попали в культурный слой Изборска не позднее 20-х годов IX в. Кроме того, в Изборске найдено еще три дирхема, один из которых чеканен в 805 г., два других — в 811/2 — 818/9 гг. Время попадания их в слой нумизматами определяется соответственно 810—820-ми и 840—870-ми годами. Таким образом, можно утверждать, что уже в первые десятилетия IX в. Изборск включился в сферу восточноевропейско-арабской торговли. Никаких следов появления здесь скандинавов не выявляется.

Другим укрепленным поселением в том же регионе является Псковское городище, занимавшее скалистый мыс при впадении р. Псковы в р. Великую. Его площадка, возвышавшаяся на 15—17 м, ограничивалась крутыми склонами. Раскопками установлено, что возникло поселение в середине I тыс. н.э. Первоначально это было открытое селение, оборонительные укрепления были сооружены в VIII в. Характер домостроительства и керамические материалы свидетельствуют, что первыми жителями его были славяне и местные финны. В слоях VIII—IX вв. зафиксированы остатки железоплавильных горнов, следы бронзолитейного и ювелирного ремесел, а также косторезного и камнерезного производств [31]. Первые варяги появились в городе только в X в.

Еще одним ремесленным центром на южном побережье Псковского оз. было городище Камно. Его население составляли славяне и местные финны [32].

В области расселения смоленско-полоцких кривичей подобным поселением является Полоцкое городище, основанное в IX в. Его слабая изученность не позволяет говорить о деталях жизни и быта населения. Вблизи городища выявлено селище со славянской лепной керамикой VIII—IX вв. Следы ремесленной и торговой деятельности в Полоцке фиксируется лишь с X в. [33].

Каких-либо археологических следов проникновения скандинавов в IX в. в ареал полоцких кривичей нет. Клады куфических монет первого периода обращения дирхема в Восточной Европе, обнаруженные в Белорусском Подвинье, могут принадлежать лишь местным жителям.

Днепровский водный путь в земле смоленских кривичей до середины IX в. не имел международного значения, лишь его отдельные участки могли использоваться местным населением. Городищ — неаграрных поселений, подобных описанным выше, в этом регионе в VIII—IX вв. еще не существовало. Ремесленная деятельность зарождалась на крупных селищах, одним из которых было Гнёздовское [34].

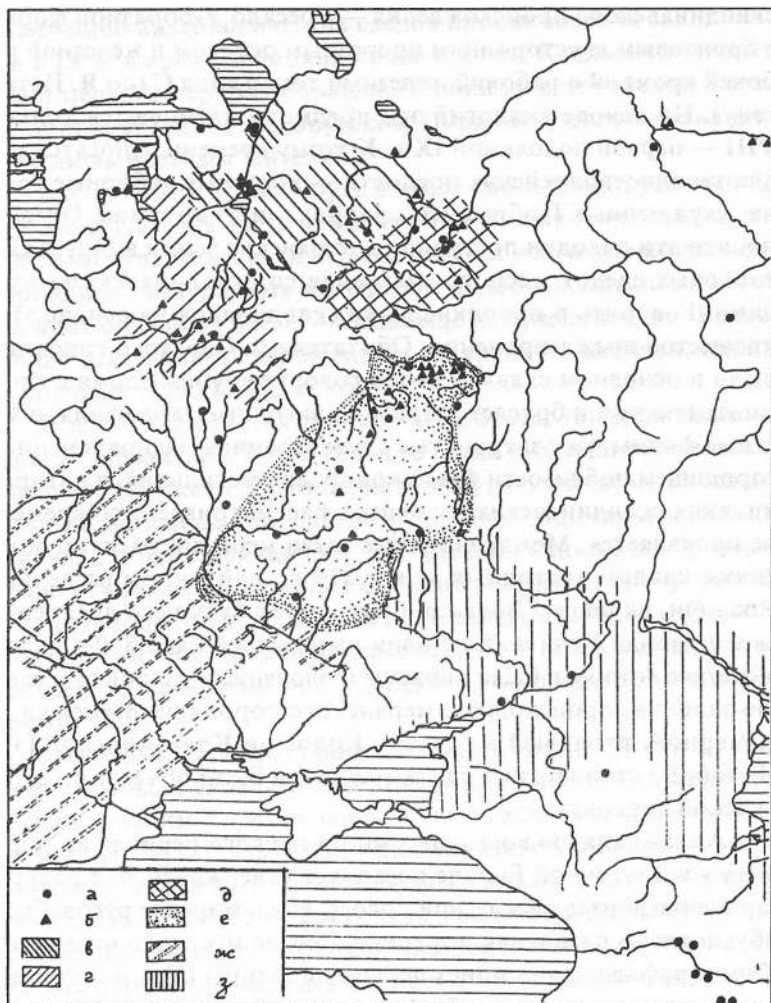
В земле мери густая сеть крупных поселений сложилась на берегах озера Неро. Ведущее место среди них занимало названное выше Сарское городище, которому, в отличие от рядовых, были свойственны три особые функции — административная, торговая и ремесленная [35]. Это был племенной центр мери, ставший в первой половине IX в. центром развития внутренней и международной торговли всего Верхнего Поволжья. Это обстоятельство обусловило интерес первых русских князей к этой местности, и поблизости от Сарского городища возник город Ростов.

Основано Сарское городище было в конце VII в. и с самого начала было укрепленным. Древнейшая часть его площадью 8320 кв.м занимала возвышенную часть всхолмления в нижнем течении р. Сары (славянское название этого участка реки — Гда [36]), впадающей в оз. Неро, и была защищена земляными валами. В слоях VIII—IX вв. раскопками выявлены следы кузнечного и бронзолитейного ремесел, обработки кости и камня. На первых порах торговая деятельность, по-видимому, ограничивалась внутренними мерянскими землями, а в первой половине IX в. обитатели городища включились также в сферу международной торговли.

О последнем свидетельствуют находки на Сарском городище двух кладов куфических монет с младшими монетами 814 и 820-х годов. Кроме того, в слое поселения встречены отдельные дирхемы 711/712 (привеска с ушком), 764/765, 765/766 и 828/829 годов, слитки бронзы и олова и немногочисленные предметы

скандинавского происхождения — кресало V-образной формы с бронзовым двусторонним прорезным остовом и железной рабочей кромкой и рабочий железный топор типа С (по Я. Петерсену). На основе аналогий эти предметы датируются концом VIII — первой половиной IX в. К этому времени относятся еще два западноевропейских предмета — костяные наборные гребни, украшенные Т-образным орнаментом из кружков. Очевидно, что эти находки поступили в мерянские земли в результате торговых сделок местного населения со скандинавскими купцами. Говорить о проникновении скандинавов на основе этих предметов преждевременно. Обитателями Сарского городища были в основном славяне, о чем говорят срубные дома с печами-каменками и браслетообразные височные украшения, и местные финны, уже затронутые славянизацией. Одновременно с городищем поблизости функционировал могильник, в котором никаких скандинавских элементов рассматриваемого времени не проявляется. Международные связи мери документируются также кладом восточных монет 813 г., найденном на селище Угодичи, на берегу Волги поблизости от будущего древнерусского города Углича. Еще один интересный клад 840-х годов, в составе которого были дирхемы и оловянисто-свинцовые слитки-палочки, происходит с мерянского городища Выжегша на р. Черной, входящей в бассейн Колокши Клязьминской [37]. Подобные стандартные слитки-палочки были объектами европейской торговли.

Анализ кладов восточных монет первого периода их обращения в Восточной Европе позволяет утверждать, что распространение дирхемов в лесной полосе, как и в ареале русов, было обусловлено развитием торговли в среде местного населения. Картография кладов монет первой половины IX в. показывает распространение их в глубинных регионах территорий трех основных племенных образований славян — словен ильменских, кривичей и мери (рис. 10). При этом достаточно очевидно, что какая-либо связь находок монетных кладов с международными водными путями, сформировавшимися позднее, отсутствует. В первой половине IX в. начал складываться лишь водный путь по Волхову в Балтику. Основные же пути поступления куфических монет в этот период пролегли через Кавказ или Восточ-

Рис. 10. Распространение кладов арабских монет в Восточной Европе IX в. (до 880 г.).

а – места находок кладов куфических монет первого периода их обращения (до 833 г.); **б** – места находок кладов восточных монет, зарытых в 834–880 годах. Области: **в** – словен ильменских; **г** – кривичей; **д** – мери; **е** – русов; **ж** – юго-западных групп восточно-го славянства; **з** – территория Хазарского государства

ное Причерноморье в Днепро-Донское междуречье, заселенное русами, и далее по малым рекам и сухопутными дорогами восточное серебро расходилось вглубь лесных территорий, где проживали меря, кривичи и словене ильменские. Волжский путь ниже устья Оки в это время еще не функционировал. Клады арабских дирхемов и отдельные монетные находки указывают на то, что и меря, и словене ильменские, и кривичи псковские в той или иной степени втягивались в торговые связи со странами Востока, по-видимому, через посредничество русов. Скандинавы в этих операциях еще не принимали активного участия. В первой половине IX в. начал складываться водный путь по Волхову, что создало возможности для включения мерянских земель и в сферу балтийской торговли.

Возникновение укрепленных неаграрных центров в землях словен ильменских, кривичей и мери, развитие ремесленной деятельности и внутренней торговли, распространение монетного серебра, а также включение населения в орбиту международных контактов свидетельствуют о подготовленности общества к сложению раннегосударственных образований в рассматриваемом ареале.

Конфедерация трех племен

Новгородская Первая летопись сообщает: «Въ времена же Кыева и Щека и Хорива новгородстии людие, рекомии Словени, и Кривици и Меря: Словене свою волость имели, а Кривици свою, а Меря свою; каждо своимъ родомъ владаше; а Чюдь своимъ родом...» [38]. В этой связи нужно полагать, что в первой половине IX в. в лесной зоне Восточно-Европейской равнины существовало три славянских политических образования — словен ильменских, кривичей и мери, а их территории соответствовали археологическим ареалам — области новгородских сопок, ареалу длинных курганов и региону мерянской культуры. Административными центрами этих образований, нужно думать, были Новгородское (Рюриково) городище (об этом есть прямое указание летописи в сообщении о племенных княжениях: «словени свое в Новегороде») с общеплеменным святилищем в

Перыни, Изборск (один из приглашенных на княжение трех братьев-варягов был посажен здесь) или Псков, а также Городище на Саре, как явный племенной центр мери.

Труднее решить вопрос о волости чуди. Этим этнонимом летописи называют разные прибалтийско-финские этносы, в том числе эстов и заволочскую чудь. Однако вряд ли в данном случае речь идет о политическом образовании этих племен. Скорее всего, в цитированной фразе летописи имеется в виду приладожская чудь, то есть финноязычное население Юго-Восточного Приладожья — часть летописной веси, очень рано оказавшаяся в сфере влияния Ладоги. Само это поселение возникло в земле приладожской чуди. Область расселения последней в X—XIII вв. достаточно хорошо известна по курганным древностям Юго-Восточного Приладожья, которые фиксируют славянскую и скандинавскую этническую примесь [39]. Этот регион издревле тяготел к Ладоге. Согласно А. Н. Насонову, Юго-Восточное Приладожье было естественным продолжением поволховской (ладожской) территории, которая вошла в состав новгородских владений в XI в. [40]. Вместе с Обонежьем эти земли впоследствии составили особый исторический округ Новгородской земли, жители которого именовались ладожанами — термином, вытеснившим прежнее этническое название [41].

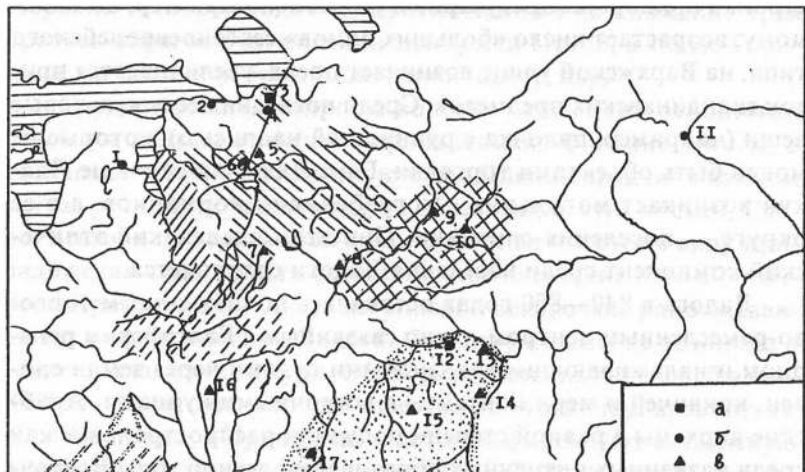
Во второй половине VIII — первых десятилетиях IX в. скандинавы в Ладоге находились, по всей вероятности, в мирных и тесных отношениях с местным населением и с политическими образованиями словен, кривичей и мери. Набеги норманнов вглубь лесных земель славянских племен, грабежи и сборы дани представляются нереальными. Распространение кладов куфических монет (рис. 11—13) свидетельствует, что их зарытие было обусловлено прежде всего внутренней жизнью словен, кривичей и мери. Так, монетные клады 20—50-х годов IX в. в земле смоленско-полоцких кривичей (ранее они здесь не известны) отражают распространение с севера на эти области власти словен и кривичей псковских.

Активизация скандинавов в Ладоге начинается в 840—850-х годах (археологически — горизонт Е-2), которая, нужно полагать, была обусловлена притоками новых переселенцев. После пожара около 840 г. городище плотно застраивается, за-

стройка приобретает регулярный усадебный характер, по-видимому, возрастает число «больших домов» северноевропейского типа, на Варяжской улице возникает посад, увеличивается приток скандинавских предметов. Среди последних есть культовые вещи (например, палочка с рунической надписью), которые не могли быть объектами торговли. Близ Ладоги в урочище Плакун возникает могильник с погребениями норманнов, а в ее округе — поселения-спутники. При этом славянский этнический компонент среди населения Ладоги сохраняется.

Ладога в 840—850 годах оставалась полиэтническим торгово-ремесленным центром, тесно связанным с Балтийским регионом и налаживающим транзитными путями через земли словен, кривичей и мери контакты с восточными купцами. Арабские дирхемы в равной степени получили распространение как среди названных племенных образований лесной зоны Восточно-Европейской равнины, так и в Ладоге. Как можно судить покладам восточных монет, зарытым в землях словен, кривичей и мери в 840—850 годы, отношения местного населения с пришлыми норманнами были в основном мирными. К 40-м годам IX в. в этом регионе относятся четыре клада (Выжегша 841/842 г. в земле мери, Добраино 842 г. и Симоны 846 г. в бассейне Западной Двины и Ладога 847 г.), к 50-м годам — два (Ахремцы 852/853 г. и Поречье 853/854 г. — оба в бассейне Западной Двины), которые (за исключением Ладожского) никак нельзя связать с военной или торговой деятельностью скандинавов. Как и в прежние десятилетия, в землях словен, кривичей и мери продолжалось развитие и местной, и дальней торговли. Международный торговый путь по Двине, как показал Э. С. Мугуревич на археолого-нумизматических материалах Прибалтики, до X в. не функционировал. Активно не действовал и Волжский путь. Правда, в Среднем Поволжье был обнаружен один клад 821 г. (Элмед), но единственная находка никак не может быть основанием для утверждения о функционировании торговой магистрали во Волге. Торговые операции с Востоком, очевидно, совершались в основном через посредство русов. Более широкое развитие получает торговля с Северной Европой. С рассматриваемым периодом связано массовое поступление дирхем в страны Балтийского региона [42]. Среди вещевых матери-

Рис. 11. Клады арабских монет на севере Восточной Европы первых десятилетий IX в.

а – клады конца VIII в.; **б** – клады первого десятилетия IX в.;

г – клады второго десятилетия IX в.

Значение штриховки см. на рис. 10

- 1 – Тарту, 809/10; 2 – Петергоф, 804/5; 3 – Ладога (1892 г.), 786;
- 4 – Княжино, 808/9; 5 – Холопий городок, 811; 6 – Вылеги, 807/8;
- 7 – Набатово, 815/6; 8 – Семенов Городок, 810/1; 9 – Угодичи, 812/3;
- 10 – Сарское городище, 814/5; 11 – Лелеки, 803/4; 12 – Баскач, 807/8;
- 13 – Борки (1874 г.), 817; 14 – Скопинский уезд, 818/9; 15 – Лопотково, 816/7; 16 – Могилев, 814/5; 17 – Нижние Новоселы. 811/2

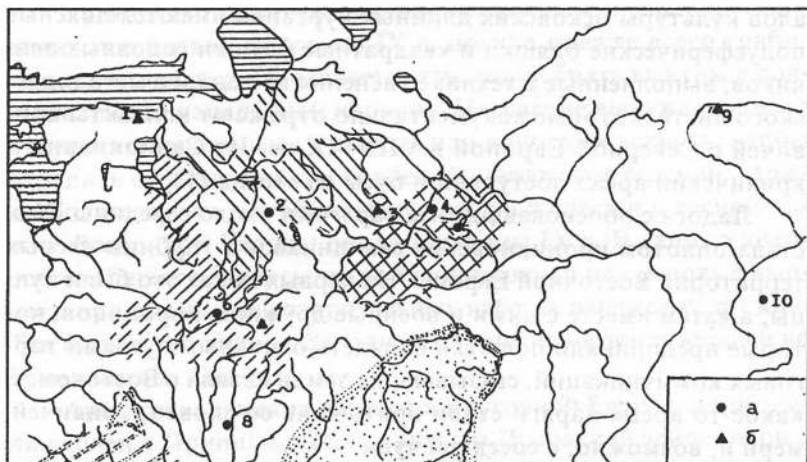

Рис. 13. Клады арабских монет на севере Восточной Европы 40–50-х годов IX в.

а – клады 40-х годов; **б** – клады 50-х годов.

Значение штриховки см. на рис. 10.

- 1 – Ладога (1938 г.), 846/7; 2 – Ахремцы, 852/3; 3 – Поречье, 853/4;
- 4 – Симоны, 845/6; 5 – Добрино, 841/2; 6 – Протасово, 841/2;
- 7 – Выжегша, 841/2; 8 – Ягошуры, 843; 9 – Лесогуры, 841/2

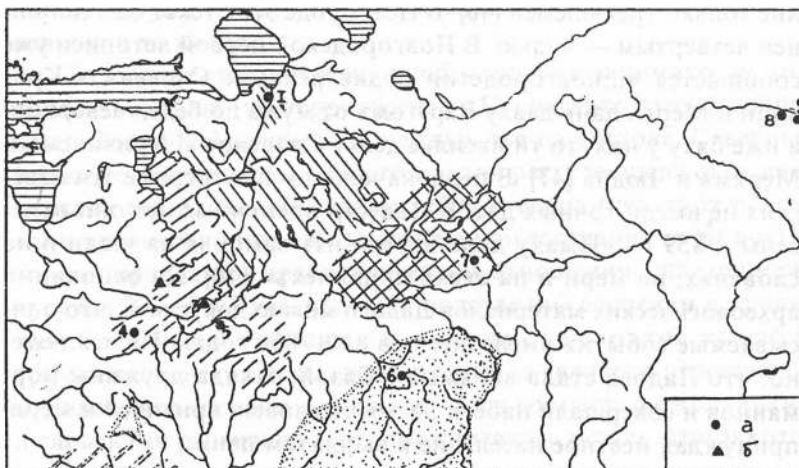

Рис. 12. Клады арабских монет на севере Восточной Европы 20–30-х годов IX в.

а – клады 20-х годов; *б* – клады 30-х годов.

Значение штриховки см. на рис. 10.

1 – Кохтла-Ярве, 838; 2 – Демьяна, 824/5; 3 – Загородье, 831/2;
4 – Углич, 829/30; 5 – Сарское городище (1854 г.), 20-е годы; 6 –
Витебский район, 822/3; 7 – Кислая, 30-е годы; 8 – Литвиновичи,
823/4; 9 – Вятка, 835; 10 – Элмед, 821

алов культуры псковских длинных курганов имеются поясные полусферические бляшки и квадратные бляшки головных венчиков, выполненные в технике тиснения из тонкого металлического листа, которые документально отражают контакты кривичей с Северной Европой в VIII—IX вв. Из Скандинавии в кривичский ареал поступали и бусы из стекла [43].

Ладога с обосновавшимися варягами около середины IX в. стала оплотом проникновения скандинавов в глубины лесных территорий Восточной Европы. На первых порах это были купцы, а затем вместе с ними и военные дружины норманнов, которые предприняли попытки овладеть основными узлами торговых коммуникаций, связывавших земли славян с Востоком. В какое-то время варяги стали брать дань со словен, кривичей, мери и, возможно, с соседней чуди.

Археологически эти события не фиксируются, но отражены в летописях. В протографе, реконструированном А. А. Шахматовым, который опирался на текст Новгородской первой летописи (более архаичной, чем Повесть временных лет), написанном, по его мнению, в 1039 г. при Ярославе Мудром в Киеве и дополненном в Новгороде в 1050 г. [44], значилось: «Въ си же времена Словене и Кривичи и Меря дань даяху Варягомъ отъ мужа по белеи веверици; а иже бяху у нихъ, то насиліе даяху Словеномъ и Кривичемъ и Мери» [45]. А. А. Шахматов утверждал, что первоначальный киевский текст содержал упоминание только трех племен [46]. В Новгороде этот текст был дополнен четвертым — чудью. В Новгородской первой летописи уже сообщается: «...новгородстии людие, рекомии Словени, и Кривици и Меря...дань даяху Варягомъ от мужа по белеи веверици; а иже бяху у них, то ти насилъе даяху Словеномъ, Кривичемъ и Мерямъ и Чюди» [47]. В первоначальном протографе эти известия не имели точных дат. В Повести временных лет они отнесены к 859 г.: «Имаху дань варязи изъ заморья на чюди и на словенах, на мери и на всехъ кривичехъ» [48]. На основании археологических материалов Ладоги можно допустить, что описываемые события имели место в 840—850 годах. Не исключено, что Ладога стала варяжской базой, откуда дружины норманнов и совершали набеги на земли словен, кривичей и мери, принуждая местное население к выплатам дани.

Судя по западноевропейским материалам, экспансия скандинавов в первой половине IX в. носила прежде всего грабительский характер. Проявляется тенденция брать выкупы с подвергавшихся нападению народов. Население вынуждено было откупаться денежными суммами или дорогими вещами, чтобы оградить себя от убийств, грабежей и поджогов селений. Можно полагать, что подобная ситуация сложилась и в лесной полосе Восточной Европы около середины IX в. В дани, о которой сообщает летопись, можно видеть откуп или разовые выплаты при отдельных разорительных набегах варяжских дружин. Так было в это время в Западной Европе или в земле куршей во время похода Олафа.

Ареалом варяжских набегов в Восточной Европе стали земли словен в Приильменье, кривичей в Псковской земле, мери в междуречье Волги и Клязьмы и проживавшей по соседству чуди. «И вѣсташа Словене и Кривичи и Меря и Чюдѣ на Варягы и изгнаша я за море, и начаша владети сами собе и города ставити» — сообщает Новгородская первая летопись [49].

Жители лесных земель Восточно-Европейской равнины, очевидно, сумели дать отпор варяжским дружинам, отказались платить дань и изгнали их за пределы славянских земель. Это могло быть осуществлено только сложившейся военно-политической конфедерацией, объединившей словен, псковских кривичей и мерю и создавшей общее войско, способное победить и изгнать дружины норманнов, в военном отношении доминировавших в то время.

Это раннегосударственное образование занимало, нужно полагать, обширную территорию от Псковского озера на западе до Волго-Клязьминского междуречья на востоке. Северные и южные пределы его соответствовали расселению словен ильменских (ареал сопок) и кривичей псковских (культура псковских длинных курганов). Участие в конфедерации мери достаточно оправдано в археологическом отношении: славяне междуречья Волги и Клязьмы были родственны словенам и кривичам. Славянский компонент мери происходил из той же массы средневропейских переселенцев периода великого переселения народов, что словене и кривичи. Меря совместно с кривичами и словенами развивала торговые контакты, результатами кото-

рых стало хождение в их землях восточной монеты и в X в. установилась единая северная денежно-весовая система, отличная от южнорусской [50]. В распространении арабских монет на территории словен ильменских, кривичей и мери следует видеть не только причины экономического характера, но и определенную политическую ситуацию. В ареале этих племенных областей возникло единое экономическое и, очевидно, социальное пространство.

Через некоторое время в конфедерации словен, кривичей и мери началась вражда, по-видимому, в ней участвовало верхушечное сословие этих племенных образований, что вело к междоусобным войнам. Чтобы прекратить межплеменную вражду, «Словене, Кривичи, Меря», объединяемые понятием «новгородцы», решили пригласить князя со стороны. Летописец начала XIII в. излагает эту ситуацию таким образом: «И вѣсташа сами на ся воевать, и бысть межи ими рать велика и усобица, и вѣсташа град на град, и не беше в нихъ правды. И реша к себе: «князя поищемъ, иже бы владеть нами и рядил ны по праву». Идоша за море к Варягомъ и ркоша: «земля наша велика и обилна, а наряда у нас нету; а поидете к намъ княжить и владеть нами». Избращася 3 брата с роды своими, и пояше со собою дружину многу и предивну, и приидоша к Новугороду. И седе старейишии в Новегороде, бе имя ему Рюрикъ; а другыи седе на Белозере, Синеусъ; а третей въ Изборьске, имя ему Труворъ» [51]. В Повести временных лет это событие отнесено к 862 г. и нередко этот год объявляется временем основания Русского государства. В Никоновской летописи, составленной, правда, довольно поздно, в XVI в., появление варягов и изгнание их конфедерацией словен, кривичей и мери определяется 867 г., а время появления Рюрика в Новгороде — 870 г., что для некоторых исследователей представляется более оправданным. По мнению Б. А. Рыбакова, эти записи Никоновской летописи не были домыслами московского летописца, а попали в нее из какого-то раннего, несохранившегося источника [52].

Рюрик, приглашенный возглавить Конфедерацию словен, кривичей и мери, по всей вероятности, является историческим лицом. Среди древнерусских князей позднее встречаются лица с таким именем. Очевидно, память об основателе княжеской

династии жила не одно столетие. В научной литературе бытует мнение о том, что новгородский Рюрик был ютландским и фризским викингом Рёриком, известным по западноевропейским источникам [53].

Что касается «братьев» Рюрика, то они явно легендарны. И судьба их представляется подозрительной. Оба умерли через два года по пришествии в Восточнославянские земли. «Сказание о призвании варягов», из которого рассказ о призвании Рюрика, Синеуса и Трувора попал в летописи, является литературным произведением фольклорно-легендарного характера. А. А. Шахматов полагал, что легенда о призвании варягов, вошедшая в Повесть временных лет, была создана в славянской среде и синтезировала местные новгородские, изборские и белоозерские предания [54]. Согласно А. Стендер-Петерсену, эта легенда возникла в начале XI в. среди варягов, которые пытались обосновать свое право на власть на Руси [55]. Историки не раз отмечали, что в средневековых сказаниях легенды о трех братьях, основывающих государство или город, были распространенным мотивом; существовало подобное повествование и о Киеве. Такая легенда и попала в летопись. В западных хрониках нет антропонимов Синеус и Трувор. Н. Т. Беляев в этой связи полагал, что в русских летописях названы не личные имена братьев Рюрика, а его эпитеты — *Signjotr* по-скандинавски означает «победоносный», а *Thruwar* — «заслуживающий доверия» [56]. Согласно Б. А. Рыбакову, «в летопись попал пересказ какого-то скандинавского сказания о деятельности Рюрика, а новгородец, плохо знавший шведский, принял традиционное окружение конунга (со своими родственниками — *sine use*, с верной дружиной — *tru war*) за имена его братьев» [57].

Города, куда направились Синеус и Трувор, вызывают сомнения. Согласно археологическим исследованиям, поселения Белоозера в IX в. еще не существовало, оно было основано только в X в. [58] и, следовательно, не могло быть резиденцией Синеуса. Нет оснований рассматривать в качестве такой резиденции и расположенное на р. Шексне в 15 км от Белоозера городище Крутик. Поселение функционировало со второй половины IX в. и имело торгово-ремесленный характер [59]. Его основателями были славяне и местные финны. Только в X в. на го-

родище появляются единичные вещи скандинавского происхождения, свидетельствующие в большей степени не о появлении здесь норманнского этнического компонента, а о включении Белозерского края в международную торговлю.

Масштабные раскопки Изборска показали полное отсутствие в его культурных напластованиях характерных скандинавских изделий IX—X вв. Очевидно, этот город в то время не принимал норманнов, его торговля развивалась вполне независимо от них [60].

Триада «словене, кривичи, меря» (дополненная чудью), объединяемая понятием «новгородцы», фиксируется неоднократно в Повести временных лет. Вместо мери в этом древнейшем памятнике русского летописания называется, правда, племя весь. По всей вероятности, это обусловлено тем, что весь в начале XII в. обитала на новгородских землях, а земля мери составила особую территориальную единицу Древней Руси. Как бы то ни было, несомненно, что еще в начале XII в. новгородцы воспринимались как разноэтничное образование, в состав которого входили словене ильменские, кривичи и меря или весь.

Совместное призвание ими князя — явное свидетельство сложения к середине IX в. значительного политического союза в форме межплеменной конфедерации. Допустимо предположение о становлении этого раннегосударственного образования еще в первой половине IX в., когда словене ильменские, кривичи псковские и меря через посредство каганата русов наладили торговые контакты с Востоком и в их землях получили хождение арабские монеты.

Основным товаром, поставляемым из лесной зоны Восточно-Европейской равнины, безусловно была пушнина. Судя по восточным источникам, поставлялись также люди, становившиеся в Арабском халифате рабами.

Конфедерация славянских племен в середине IX в. консолидировалась для отпора варягам, сумела пережить возникшую усобицу между ее членами, прибегнув к приглашению третьей власти. Это не давало преимущества ни одному из ее племенных составляющих, уравнивая их друг с другом. Междоусобица, по-видимому, была вызвана стремлением одного из членов Конфедерации верховодить над остальными.

Как явствует из летописной информации, приглашение князя имело место в то время, когда каждый участник Конфедерации владел своей волостью, то есть сам распоряжался собственной землей. У каждого члена этого межплеменного образования должен быть свой пункт, где племенными старейшинами решались внутренние дела. В земле словен таковым, нужно полагать, было Новгородское городище с Перынью, у кривичей — Изборск, центром мери — Сарское городище. Центром же всей Конфедерации, где для обсуждения межплеменных вопросов собиралось вече племенных старейшин и где в условиях возникшей междоусобицы было принято решение о призвании князя со стороны, как можно догадываться по косвенным свидетельствам письменных источников, было Новгородское городище.

В поздних русских летописях называется новгородский предводитель Гостомысл. В. Н. Татищев, использовавший информацию не дошедшей до нас Иоакимовской летописи, рассказывает, что Гостомысл княжил в Великом городе. При нем «варяги были избиты, изганы и дань не стала выплачиваться. Он учинил с варягами мир и наступила тишина на всей земле». Далее сообщается, что Гостомысл имел четырех сыновей, которые погибли в войнах. Не имея наследников, он на совете старейшин рекомендовал пригласить князя из варягов. После смерти Гостомысла Рюрик и прибыл в Новгород [61]. Уже Н. М. Карамзин отмечал, что предания о Гостомысле весьма сомнительны, С. М. Соловьёв даже не счел возможным упомянуть его в своей истории России.

Рассматриваемые исторические события, имевшие место в словенско-кривичско-мерянском ареале, находят отражение в археолого-нумизматических материалах.

Около 860 г. в Ладоге произошел тотальный пожар (стык горизонтов Е-2 и Е-1 культурного слоя поселения). Он предположительно сопоставляется с изгнанием варягов «за море» северной конфедерацией племен. В последних десятилетиях IX в. город остраивается заново, сооружаются новые жилища, в том числе «большие дома» северноевропейского облика, воздвигаются новые деревянные, а концу столетия и каменные укрепления. Территория поселения расширяется, активно функционирует норманнский могильник в урочище Плакун [62]. Этот пе-

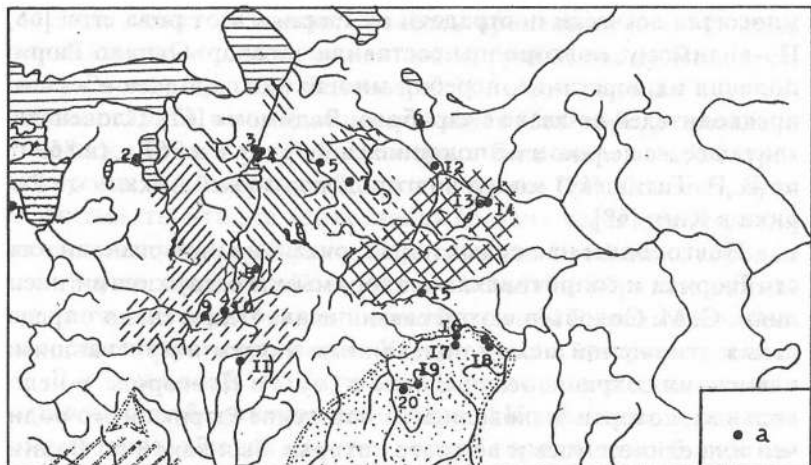

риод относится уже ко времени после призвания князей-варягов.

В 60-х годах IX в. активизируется жизнь и на Новгородском городище [63]. К началу 60-х годов относится упомянутый выше небольшой клад восточных монет, зарытый в слое заброшенной постройки 17, погибшей во время пожара. Предположительно это время набегов варягов для получения выкупа. Не исключено, что зарытие этого клада связано с междоусобной враждой внутри конфедерации северных восточнославянских племен, предшествовавшей приглашению варяжского князя. Второй клад арабских монет на Городище, датируемый младшей монетой 867 г., происходит из постройки 1 (также погибшей в пожаре), хозяином которой на основании вещевых находок (весовые гирьки, славянское височное кольцо с завитком на конце и др.) был представитель местного купеческого сословия. Этот клад, скорее всего, связан с появлением в Приильменье варяжских дружин Рюрика.

В 60-х годах IX в. беспокойная ситуация сложилась на всей территории расселения словен, кривичей и мери. Об этом ярко свидетельствуют клады восточных монет этого времени (рис. 14). Если на каждое предшествующее десятилетие IX в. в этих землях приходится по два-четыре монетных клада, то в 60-х годах их было зарыто около полутора десятков. Зарытие и невостребованность такого количества кладов — достаточно определенный показатель междоусобной вражды племен, составивших конфедерацию, и последовавшего за ней вторжения норманнских дружин в земли словен, мери и кривичей.

Складывается достаточно определенное впечатление, что проникновение варягов в глубины севернославянских земель не было мирным. Новгородская IV летопись сообщает, что Рюрик, обосновавшись в Новгороде в окружении большой дружины («пояша с собою дружину многу»), «начаша воевати всюды» [64]. Здесь явная несогласованность между сообщениями о призвании конфедерацией северных племен Рюрика «володеть, рядить и судить в правду» и его прибытии с большой дружиной варягов и начатых им войнах, по-видимому, с целью покорения населения севера Восточно-Европейской равнины. У исследователей нет оснований не доверять информации Новгородской IV

Рис. 14. Клады арабских монет на севере Восточной Европы 60-х годов IX в.

a – клады 60-х годов.

Значение штриховки см. на рис. 10.

1 – Либагу, 863/4; 2 – Псковское озеро, близ устья Эмайыги, 862; 3 – Кириллов монастырь близ Новгорода, 864; 4 – Новгородское городище, конец 60-х годов; 5 – Потерпилицы (Потерпельцы), 865/6; 6 – Панкино, 863/4; 7 – Иловец, 864; 8 – Заликовье, 867; 9 – Богомолец, 866; 10 – Лучесы, 862/3; 11 – Соболево (Баево), 862/3; 12 – Кузнецкое, 869/70; 13 – Большое Тимерево, 865; 14 – р. Сечка близ Ярославля, 865; 15 – Москва, 866 (?); 16 – Гритчино (Гручина), 860/1; 17 – Ростовец, 863/4; 18 – Борки, 867 и 869; 19 – Супруты, 866; 20 – Мишнево, 868/9

летописи, поскольку ее составитель, как показали исследователи, использовал сведения из не дошедших до нас летописных сводов [65]. Согласно Никоновской летописи, Рюрик, водворившись в Новгороде (очевидно, эти события имели место в его предшественнике — Новгородском городище, в скандинавских сагах, вероятно, именуемом Холмградом), возбудил против себя недовольство местной знати. В летописи сообщается: «Оскорбишася Новгородци, глаголюще: «яко быти нам рабом, и

много зла всячески пострадати от Рюрика и от рода его» [66]. По-видимому, новгородцы составили заговор. Однако Рюрик подавил их восстание, перебил многих новгородцев и казнил предводителей во главе с «храбрым Вадимом» [67]. Словенская элита все же целиком не покорилась Рюрику и в 867 г. (в 869 г., по В. Н. Татищеву) много новгородских мужей бежало от Рюрика в Киев [68].

Новгородцы на первых порах, очевидно, не признали власти Рюрика и сопротивлялись творимым его дружинами насилиям. С. М. Соловьёв в этой связи писал: «Касательно определения отношений между призванным князем и призвавшими племенами сохранилось предание о смуте в Новгороде, о недовольных, которые жаловались на поведение Рюрика и его родичей или единоземцев и во главе которых был какой-то Вадим; этот Вадим был убит Рюриком вместе с новгородцами, его советниками» [69].

Летописи ничего не говорят о социальном статусе Вадима. Прозвище «Храбрый» определяет прежде всего, что это был военачальник. В. Н. Татищев называл его князем: «В сии времена словяне бежали от Рюрика из Новгорода в Киев, зане убил Вадима храброго князя словенского» [70]. Рюрик, расправившись с Вадимом, становится полновластным князем. Приобретение власти посредством убийства предшествующего властителя характерно для раннесредневековой истории.

Рассмотренные исторические сведения позволяют полагать, что в сформировавшейся Конфедерации племен на севере Восточно-Европейской равнины трения между словенскими и соседними племенными образованиями стали поводом для приглашения на княжение чужеземца. Ведущую роль в «призвании» варяжского конунга с дружиной, думается, сыграли словене новгородские, стремившиеся занять господствующее положение в Конфедерации. Прибыв в Новгород к словенцам для оказания им военной поддержки, Рюрик, расправившись с местной знатью и ее предводителем, захватил власть в Конфедерации. И последующая информация летописей свидетельствует уже об единоличном властвовании Рюрика. В Новгородской первой летописи это отражено следующим образом: «и прия власть един Рюрик... и нача владети един» [71].

Этот сюжет развивает Повесть временных лет: «И прия власть Рюрик, и раздая мужем своим грады, овому Полотеск, овому Ростов, другому Белоозеро. И по тем городам суть находници варязи, а перьвии насельници в Новегороде словене, в Полотьски кривичи, в Ростове меря, в Беле-озере весь, в Муроме мурома; и теми всеми обладаше Рюрик» [72]. Конечно, нужно учитывать, что эта запись была сделана через два столетия после деятельности Рюрика. Некоторых из названных городов еще не существовало в IX в. Однако нельзя не обратить внимания на то, что нарисованный ареал владений Рюрика несомненно соответствует территории Конфедерации северных племен.

В изложении В. Н. Татищева Иоакимовская летопись так рассказывает об организации Северной Конфедерации под властью Рюрика: «Рюрик насадил во всех городах князей либо варяжского, либо славянского происхождения, а сам был известен как князь великий» [73].

Археологические материалы в полной мере подтверждают это. Начиная с 60-х годов IX в. на территории расселения словен, кривичей, мери и веси распространяются вещи скандинавского происхождения и возникают торгово-ремесленные поселки, среди обитателей которых были и выходцы из Скандинавии. Так, несомненным является присутствие варягов на Новгородском городище. Ко второй половине IX в. здесь принадлежат две равноплечные фибулы, скорлупообразная фибула типа 37, железная шейная гривна с привесками-молоточками Тора и, возможно, другие вещевые находки [74].

В округе Ладоги ко второй половине IX в. принадлежит основная часть погребений в названном выше скандинавском курганном могильнике в урочище Плакун. В семи из восьми раскопанных здесь курганов открыты захоронения по обряду трупосожжения в ладье, типичному для викингов того времени. Одно захоронение находилось в подкурганной деревянной камере. Такой обычай стал характерным для зарождающейся раннефеодальной знати и хорошо известен по материалам Бирки и Хедебю. Вещевые находки курганов Плакуна (предметы вооружения, ладейные заклепки, костяные гребни североевропейских типов, бусы) характеризуют быт дружины варягов времени Рюрика.

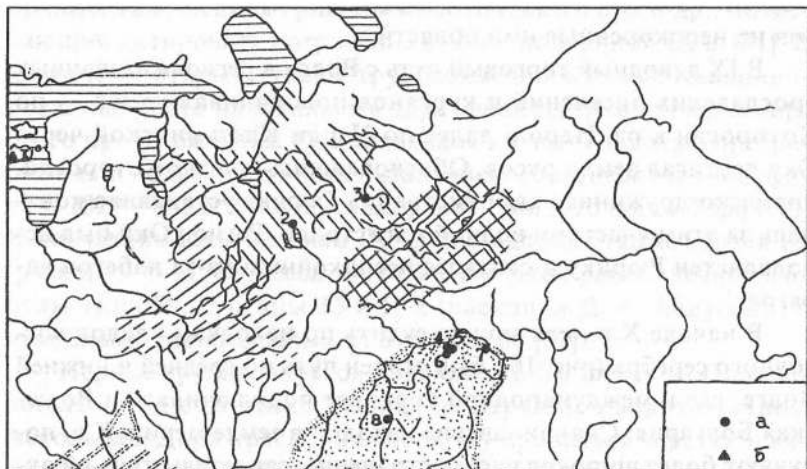
Этому обособленному кладбищу варяжской дружины и купцов противостоит семь групп сопок, основная часть погребений которых оставлена славянским населением.

Из Ладоги скандинавы распространили свое влияние на Юго-Восточное Приладожье. Этот край привлекал норманнов богатством пушнины, речной системой он был связан с более восточными лесными землями. Местное финское население наладило отношения с купцами и ремесленниками Ладоги, и во второй половине IX в. в этом регионе расселяются первые скандинавы и славяне — посредники в пушной торговле с племенами лесного Севером. Складывается археологическая культура приладожских курганов, датируемая X—XII вв., в которой синтезировались финские, славянские и скандинавские элементы [75].

В земле мери основным средоточием варягов на первых порах стали Тимерёвское, Михайловское и Петровское поселения, возникшие во второй половине IX в. (по-видимому, не ранее 60-х годов) близ Волги, при впадении в нее р. Которосль, то есть по пути к Сарскому городищу. Около этих поселений формировались крупные курганные могильники, свидетельствующие о полиэтничном составе их населения (славяне, местные финны и скандинавы).

Среди поселений наиболее изученным является Тимерёвское селище, занимавшее площадь до 10 га. В постройках и слое поселения второй половины IX — первой половины X в. найдены разнообразные вещи, в том числе скандинавского, восточного и болгарского происхождения, а также клад арабских дирхемов, зарытый не позднее 870-х годов. В непосредственном соседстве с поселением располагался большой могильник, среди курганов которого ко второй половине IX в. принадлежат курганы 75 с находкой равноплечной фибулы типа 58 по Я. Петерсену и 123 со скорлупообразной фибулой типа 37з. Такие находки в Скандинавии датируются от второй четверти до конца IX в. [76]. Со временем число скандинавских погребений в Тимерёвском могильнике возрастает, наибольшее количество их приходится на первую половину X в.

Скорлупообразная фибула типа 37з в комплексе с глиняной лапой встречена еще в погребении кургана 73 Петровского мо-

Рис. 15. Клады арабских монет последних десятилетий IX в.

а – клады 70-х годов; *б* – клады 90-х годов.

Значение штриховки см. на рис. 10.

1 – Вальяла; 2 – Шумилово, 870/71; 3 – Кузнецкое; 4 – Хитровка, 872/3; 5 – Железница, 877/8; 6 – Остроги, 870; 7 – Борки, 875; 8 – Бобыли, 876

гильника. В Михайловском могильнике только один курган, определяемый IX — началом X в., содержит погребение скандинава, остальные варяжские захоронения относятся уже к первой половине X в. [77].

Эти поселения Ярославского Поволжья никак нельзя считать скандинавскими колониям. Это были полиэтничные селения, среди жителей которых были и варяги. Не исключено, что последние в какой-то отрезок времени играли доминирующую роль в жизни этого куста селений.

Топография кладов дирхемов свидетельствует, что в 70—90-х годах IX в. жизнь в славянских землях лесной полосы Восточной Европы была относительно спокойной. На эти годы приходится всего два монетных клада (рис. 15). Зато начиная с 60-х годов IX в. их много на северной окраине Русской земли,

в ареале вятичей, что, может быть, отражает набеги скандинавов на непокоренные ими области.

В IX в. водный торговый путь с Волги в регионе названных ярославских поселений и курганов поворачивал на юг — по Которосли к оз. Неро и далее по Нерли Клязьминской через Оку достигал земли русов. Обосновавшись в устье Которосли, княжеско-дружинная администрация Рюрика установила контроль за этим участком водной магистрали. Регион Оки был неподвластен Рюрику и оказался беспокойным из-за набегов варягов.

В начале X в., как можно судить по находкам кладов восточного серебра (рис. 16), был освоен путь по средней и нижней Волге, где к международной торговле подключилась и Волжская Болгария. Скандинавские находки в земле мери в X в. получают более широкое распространение, свидетельствуя об активизации варягов. Этим столетием датируются и первые находки скандинавских предметов в округе Муром [78]. Тогда же скандинавские вещи проникают и в Волжскую Болгарию.

Региона Псковского озера, где находились Изборск и Псков, скандинавы в IX в. не достигали. Скандинавские находки в Пскове появляются только в X в. [79]. Нет никаких археологических следов пребывания варягов в IX в. и в округе Полоцка.

Основным направлением скандинавского проникновения стало южное, они стремились к Днепру. Скандинавская равноплечная фибула типа 58 обнаружена в кургане 23 кривичского могильника, расположенного к западу от Малого городища в Торопце [80], маркируя это направление. Ко второй половине IX в. принадлежат и первые курганные захоронения варягов в Гнёздовском могильнике на Днепре близ будущего Смоленска. Первоначальное поселение в Гнёздове (VIII—IX вв.) было основано славянами — носителями культуры смоленско-полоцких длинных курганов. К этому времени принадлежат типично славянские полусферические курганы с трупосожжениями в верхних частях насыпей Гнёздовского могильного комплекса.

В Гнёздове наиболее ранними варяжскими являются захоронения в курганах 15 (раскопки М. Ф. Кусцинского 1874 г.) и 47 (раскопки Д. А. Авдусина 1950 г.). Первый курган содержал набор скандинавских вещей (меч типа Е, копье с «готическим»

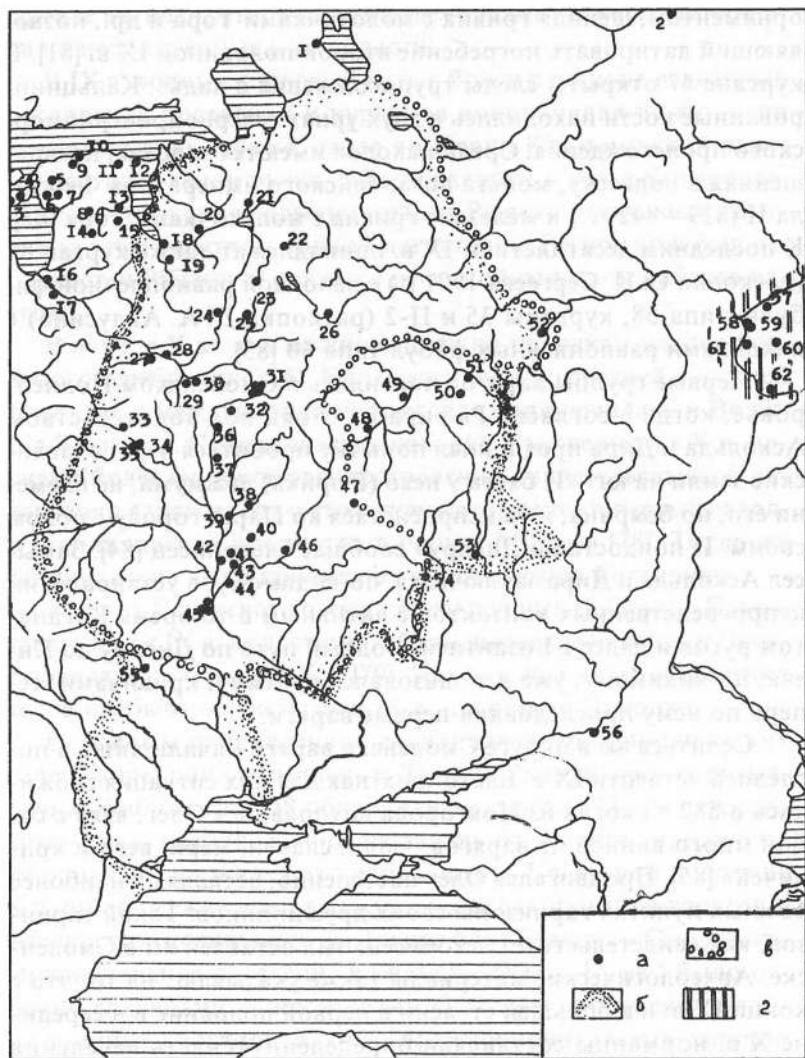
орнаментом, шейная гривна с молоточками Тора и др., позволяющий датировать погребение второй половиной IX в. [81]. В кургане 47 открыты следы трупосожжения в ладье. Кальцинированные кости находились в двух урнах севернопричерноморского происхождения. Среди находок имеются золотая, превращенная в подвеску, монета византийского императора Феофила II (829—842 гг.) и железная гривна с молоточками Тора [82]. К последним десятилетиям IX в. принадлежат также курган 85 (раскопки С. И. Сергеева 1901 г.) с находкой равноплечной фибулы типа 58, курганы 35 и Ц-2 (раскопки Д. А. Авдусина) с находками равноплечных фибул типа 60 [83].

Первые группы варягов появились в Смоленском Поднепровье, когда с согласия Рюрика их отряд под водительством Аскольда и Дира предпринял попытку пробиться через славянские земли на юг. «И бяста у него (Рюрика) два мужа, не племена его, но боярина, и та испросистася ко Царю-городу с родом своим. И поидоста по Днепру» сообщает летописец [84]. Замысел Аскольда и Дира заключался, по-видимому, в установлении непосредственных контактов с активным в то время Каганатом русов и далее с Византией. Водный путь по Днепру до Киева, по-видимому, уже использовался русами и кривичами, теперь по нему проследовали первые варяги.

Селиться же в округе Смоленска варяги начали лишь в последней четверти IX в. Благоприятная для них ситуация сложилась в 882 г., когда из Новгорода «отправился Олег, взяв с собой много воинов из варягов, чюди, славян, мери, веси и кривичей» [85]. Продвигался Олег постепенно, оставляя в наиболее важных пунктах гарнизоны своих дружинников. Такой гарнизон, как свидетельствует летописец, был оставлен им в Смоленске. Археологические материалы также указывают на то, что с конца IX в. и в большей степени в первой половине и в середине X в. норманны составляли определенную часть населения Гнёздова и его округи. Погребения скандинавов в последней четверти IX в. появляются также в кривичском могильнике VIII—X вв. в Новосёлках под Смоленском [86] и севернее на притоке Западной Двине р. Каспле [87].

Следствием вторжения скандинавов в земли словен, кривичей и мери стало сокращение хождения арабских монет и рез-

Рис. 16. Клады арабских монет X века (до 970 г.)

а – места находок кладов; **б** – граница Древнерусского государства около 970 г.; **в** – граница Древнерусского государства в начале X в. (при Олеге); **г** – территория Волжской Болгарии.

кое уменьшение здесь кладов арабских дирхемов. Приток восточного серебра в Скандинавию в 50-е годы IX в. был весьма незначительным. Начиная с 60-х годов число арабских монет здесь резко возрастает [88], что может быть объяснено только реальным появлением скандинавских воинов и купцов в лесной полосе Восточно-Европейской равнины и захватом ими важнейших пунктов на путях, связывавших Скандинавию со странами Востока.

Резюмируя сказанное, можно утверждать, что Рюрик, приглашенный Конфедерацией словен, кривичей и мери, вооруженной рукой подавил сопротивление племенной верхушки словен новгородских и с помощью варяжской дружины превратился в единоличного властителя. Не исключено, что вслед за дружинами, прибывшими в Новгородскую землю вместе с Рюриком, в северных восточнославянских землях появились из Скандинавии купцы в сопровождении своих воинов, неоднократно пополнялись варяжские дружины.

Рюрик, следовательно, не был основателем государства на севере Восточно-Европейской равнины, он лишь узурпировал

-
- 1 – Петрозаводск; 2 – Чудской городок; 3 – Саремаа; 4 – Зауе;
5 – Лихула; 6 – Паривере; 7 – Койги; 8 – Газелау; 9 – Вянямыйза;
10 – Вяниквере (Таллин); 11 – Кавасту; 12 – Эрра-Лиива;
13 – Тарту; 14 – Торма; 15 – Мякса; 16 – Рига; 17 – Даугмале;
18 – Псков; 19 – Боровиково; 20 – Булаево; 21 – Новгород;
22 – Валдайский уезд; 23 – Пальцево; 24 – Великолукский уезд;
25 – Торопец; 26 – Ржев; 27 – Дисненский уезд; 28 – Козьянки;
29 – Гарица; 30 – Струни; 31 – Гнёздово (три клада); 32 – Дубровинка;
33 – Погорельщина; 34 – Минск; 35 – Лещиковщина; 36 – Багриново;
37 – Веть; 38 – Большой Кривец; 39 – Гомель; 40 – Городнинский уезд;
41 – Струпово; 42 – Любеч; 43 – Черниговский уезд;
44 – Савин; 45 – Киев (три клада); 46 – Сосницкий уезд; 47 – Береза;
48 – Козельск; 49 – Тарусский уезд; 50 – Борозденюк; 51 – Белый Омут;
52 – Муром; 53 – Малое Борисовское городище; 54 – Безлюдовка;
55 – Копиевка; 56 – Саркел; 57 – Кокряты; 58 – Болгары;
59 – Казанская губ.; 60 – Биляр; 61 – Бельмер; 62 – Ставрополь

власть в сложившейся здесь еще в первой половине или, по крайней мере, к середине IX в., межэтнической конфедерации словен, кривичей и мери.

Согласно В. Л. Янину, призвание князя из среды варягов связано с древней вечевой традицией Новгорода, восходящей к нормам родового права. Одним из важнейших актов собрания племенных старейшин новгородской конфедерации было призвание князя. Он призывался для выполнения определенных задач. Условия приглашения князя действовали до тех пор, пока призванный князь продолжал выполнять принятые на себя обязанности согласно договору с конфедерацией. Эти положения опираются на выявленную исследователем экстерриториальность князя и его дружины по отношению к Новгороду. Экстерриториальность князя, по В. Л. Янину, — свидетельство вторичности его власти по отношению к местным политическим институтам. Когда новгородцы приглашали к себе князя, он не становился полноправным властителем, государственная власть оставалась за вечевым собранием и избранными им посадниками [89]. Думается, что это положение вполне приемлемо.

Суть конкретного договора 862 г. между конфедерацией словен, кривичей и мери и приглашенным варяжским предводителем не совсем ясна.

В. Т. Пашуто считал, что в условиях межплеменной усобицы, охватившей обширные земли конфедерации трех племен, ядром которой были области новгородских словен и кривичей, племенная знать стремилась к «сильной власти» для обеспечения собственных интересов по эксплуатации населения и ограничения внешней опасности. Призвание князя было следствием внутреннего общественного развития страны, чьей знатью он и ставился на службу племенной знати. Подобно тому, как это было в Новгородской республике, исследователь допускал, что во второй половине IX в. власть приглашенного князя также ограничивалась договором с местной знатью, в ряде случаев условием «судить по праву». «Раздачу городов» Рюриком следует рассматривать как передачу права на сборы даней своим подчиненным. Летописным перечнем городов, по мнению В. Т. Пашуто, в то время определялись пределы распространения власти приглашенного князя. Историк не исключал, что

«Древнейшая правда» хранит в себе следы подобных договоренностей, обеспечивавших взаимные права славянской знати и их защиту от произвола князя и иноземной дружины. Допустимо предположение, что Рюрик с дружиной был призван племенными старейшинами конфедерации в качестве своего законного слуги [90].

Подобную мысль проводят также Е. А. Мельникова и В. Я. Петрухин. Договор — «ряд» легенды о призвании варягов, заключенный конфедерацией словен, кривичей и мери, с Рюриком и его дружиной, передавал, считают исследователи, предводителю отряда норманнов княжескую власть с целью защиты от внешней угрозы и обеспечения интересов местной знати на условиях соблюдения местных правовых норм. В ряде, возможно, были оговорены конкретные области, на которые распространялась власть приглашенного князя и выделены места для сбора дани [91].

Мысль о призвании князя с боевой дружиной с целью защиты конфедерации от внешней военной опасности представляется наиболее вероятной. Конфедерация только что изгнала за пределы своих земель варяжские дружины, осуществлявшие поборы и грабежи населения. Предводители конфедерации, по-видимому, реально оценивали свои силы и понимали, что справиться с новым нашествием хорошо вооруженных и организованных дружин скандинавов в условиях племенных конфликтов будет невозможно. Они осознавали грядущую опасность. Возможно, они слышали о погромных походах викингов, которые обрушились в 840—850-х годах на германско-французские и британские земли. О том, что новое нападение норманнов на конфедерацию трех славянских племен последует, у племенных старейшин сомнений, видимо, не было. Единственным выходом из сложившейся ситуации было приглашение для защиты страны наемного иноземного войска с предводителем.

Однако старейшины, возглавлявшие конфедерацию трех племен, просчитались. Приглашенный на княжение Рюрик не стал считаться с договором, нарушил его и узурпировал власть в конфедерации.

Несколько слов нужно сказать об экономической основе северного раннегосударственного образования — конфедера-

ции трех племен. Думается, что движущей силой в становлении государственности стало развитие торговли с выходом на черноморские и каспийские рынки. Возникшие в разных местах расселения словен, кривичей и мери торгово-ремесленные поселения стали местами сбора продукции местной торговли и пунктами отправки товаров в дальние страны. Широкое хождение восточного серебра по территории конфедерации трех племен — свидетельство немалого развития внешней торговли. Основными товарами торговли были пушнина, воск и другие продукты лесных промыслов. Торговое направление экономики способствовало становлению в севернославянском обществе купеческо-дружинного сословия. Оно и занималось торговыми операциями, и выполняло функции сборщиков дани и охраны торговых путей. Дальнейшее развитие такой экономической ситуации потребовало оформления единых властных структур на всей территории славянского расселения в лесной полосе Восточно-Европейской равнины. Назрела необходимость в создании политического объединения племен, и оно было создано в форме конфедерации. Угроза со стороны норманнов стала дополнительным импульсом политического объединения словен, кривичей и мери.

Положение о двух славянских раннегосударственных образованиях, сложившихся на Восточно-Европейской равнине до становления Древнерусского государства и до призвания на княжение Рюрика, находит подтверждение в исторических материалах.

Г. В. Глазырина обратила внимание на то, что в некоторых исландских викингских сагах наряду с традиционным для древнескандинавского мира обозначения Древней Руси термином *Гардарики* встречается топоним *Русь*. В Саге об «Эгиле одноруком и Асмуде, убийце берсерков» Русь (Russia) и Гардарики противопоставляются, указывая на то, что это были совсем не равнозначные понятия. Согласно саге, Русь — большая и плотно населенная страна, расположенная между Гардариками и Хуналандом. В «Саге о Хальвдане Эйстейнссоне» Ладога, определенно находящаяся в стране Гардарики, опять-таки противопоставляется Руси. В ней рассказывается о том, что к конунгу Эйстейну (он завоевал Альдейгьюборг-Ладогу и находил-

ся там) обратились (очевидно за помощью) потерпевшие кораблекрушение купцы из России. С другой стороны, в «Саге о Сигурде Молчуне» эти термины оказываются идентичными: «Русь, которую мы называем Гардарики».

Отсюда исследовательница делает вполне правомерное заключение: на каком-то раннем этапе термины *Гардарики* и *Русь* обозначали разные земли восточного славянства. Гардарики — это Северная Русь, Россия — Южная Русь. Позднее оба термина стали взаимозаменяемыми [92]. В свете рассмотренного, нужно полагать, что истоки такого членения восточнославянских земель восходят к IX в. Появившиеся в 60-х годах IX в. скандинавы застали в Восточной Европе два раннегосударственных образования — конфедерацию трех северных славянских племен, которая в Северной Европе получила название Гардарики, и каганат русов (Русь, Россию), занимавший территорию, позднее называемую Русской землей. Образование единого Древнерусского государства привело к взаимозаменяемости рассматриваемых топонимов.

В восточных источниках X—XII вв. содержатся сведения о трех группах русов. Они восходят к недошедшему до нас географическому сочинению ученого-книжника ал-Балхи «Карта климатов», написанном в первых десятилетиях X в., но отражающем, по мнению А. П. Новосельцева, историческую ситуацию второй половины IX в. Около 950 г. этот труд был частично переработан ал-Истахри и его редакция широко использовалась в ряде произведений восточных авторов второй половины X — XII вв. [93].

Термин *русы*, как это очевидно из сочинения Константина Багрянородного, в X в. имел уже двоякое значение [94]. Историческая ситуация в Восточной Европе к этому времени изменилась существеннейшим образом. С образованием единого Древнерусского государства, охватившего почти все восточнославянские земли, этноним *русы* из ядра этой державы — земли племенного образования русов — постепенно распространялся на все его население. Русами в X в. называли всех жителей Древней Руси. С другой стороны, византийцы именовали русами варягов, которые начиная с 80-х годов IX в. стали на Восточно-Европейской равнине наиболее активным элементом в воен-

ной и купеческой деятельности, оттеснив на второй план русов Днепро-Донского междуречья, доминировавших в Причерноморско-Каспийском регионе в это время. Для византийцев эта смена прошла незаметно и, очевидно, этноним *русы* был перенесен на варягов.

Характеризуя торговлю русов с Волжской Болгарией и странами Востока, ал-Истахри сообщает: «Русы. Их три группы. Одна группа их ближайшая к Булгару, и царь их сидит в городе, называемом Куйаба, и он (город) больше Булгара. И самая отдаленная из них группа, называемая ас-Славийя, и (третья) группа их, называемая ал-Арсанийя, и царь их сидит в Арсе. И люди для торговли прибывают в Куйабу. Что касается Арсы, то неизвестно, чтобы кто-нибудь из чужеземцев достигал ее, так как там они (жители) убивают всякого чужеземца, приходящего в их землю. Лишь сами они спускаются по воде и торгуют, но не сообщают никому ничего о делах своих и своих товарах и не позволяют никому сопровождать их и входить в их страну. И вывозятся из Арсы черные соболя и олово (свинец?).»

И русы — народ, сжигающий своих мертвых... и одежда их короткие куртки... и эти русы торгуют с Хазарами, Румом (Византией) и Булгаром Великим, и они граничат с северными пределами Рума, их так много и они столь сильны, что наложили дань на пограничные им районы Рума...» [95].

Комментируя это сообщение и его варианты, изложенные другими средневековыми авторами, А. П. Новосельцев отмечает, что речь здесь идет о трех больших образованиях восточных славян и других народностей, во главе которых стояли единые властители, именуемые царями.

Центром первого образования русов, ближайшего к Волжской Болгарии, был город Куйаба, более крупный, чем город Булгар. Ряд источников не оставляют сомнений в идентичности Куйабы и Киева. Земля Куйабы, очевидно, это Южная Русь. Внутренняя Русь Константина Багрянородного, основным населением которой были русы, ранее составившие Русский каганат.

Вторая группа русов называется ас-Славийя, то есть Славия — земля славян. Ее обычно связывают со славянами Новгородской земли — словенами ильменскими. Однако в свете

рассмотренных выше археолого-нумизматических материалов более вероятным представляется отождествление ас-Славийи с Конфедерацией трех северных племен. Главенствующую роль в ее создании играли словене ильменские, отсюда, по всей вероятности, и ее название Славия.

Таким образом, восточные источники знали о существовании этих двух раннегосударственных образований восточного славянства, предшествовавших формированию единого Древнерусского государства.

Третья группа русов не поддается точному географическому определению. Ал-Арсанийя весьма предположительно локализуется исследователями в самых различных местностях Восточной Европы (Волго-Окское междуречье, Тмутаракань, Крым, Пермский край, Рязанская земля, Северо-Западный Урал, Мордовия, регион расселения антов), и ни одна из этих локализаций не может считаться оправданной. Ал-Арсанийя — регион, куда не проникали арабские купцы и путешественники, поэтому для восточных авторов она оставалась неизвестной страной. Неопределенна она и для современных исследователей. Ее координатами являются обилие пушного зверя и добыча олова или свинца, поэтому эта страна вряд ли находилась на территории, занятой позднее Древнерусским государством. Наиболее вероятным представляется локализация ал-Арсанийи в северном лесном Приуралье.

1. Подробно находки средневропейских провинциально-римских типов на севернорусской территории рассмотрены в книге автора: «Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование» (М., 1999). См. также: Белорусское Подвинье и Смоленское Поднепровье в период великого переселения народов // СА. 1998. № 2. С. 54–66.
2. Седов В.В. Первый этап славянского расселения в бассейнах озер Ильменя и Псковского // Новгородские археологические чтения. Материалы научной конференции, посвященной 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А.В.Арциховского. Новгород, 1994. С. 127–137.
3. Udolph J. Die Landnahme der Ostslaven in Lichte der Namenforschung // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Bd. 29. Wiesbaden, 1981. S. 321–336; Idem. Kritisches und Antikritisches zur Bedeutung slavischer Gewässernamen für die Ethnogenese der Slaven // *Zeitschrift für slavische Philologie*. Bd. XLV. H. 1. Heidelberg, 1985. S. 33–57.

4. Седов В.В. Длинные курганы кривичей (САИ. Вып. Е1-8). М., 1974; Он же. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 46–57; Он же. Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 211–217.
5. Агеева Р.А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 1974. С. 138–185.
6. Повесть временных лет. Ч. 1. М., 1950. С. 18.
7. ПСРЛ. Т. XXXVII. Л., 1982. С. 56.
8. Седов В.В. Восточные славяне... С. 56–57; Он же. Изборск в 8–10 веках // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Таллин, 1985. С. 119–128; Он же. Изборск в эпоху Древней Руси // Изборск и его окрестности – заповедный край России. Псков, 1993. С. 9–18.
9. Седов В.В. Восточные славяне... С. 34–41.
10. Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. Древние городища Смоленщины. М.; Л., 1963. С. 3–129.
11. Седов В.В. Из этнической истории населения средней полосы Восточной Европы во второй половине I тысячелетия н.э. // РА. 1994. № 2. С. 56–68.
12. Седов В.В. Новгородские сопки (САИ. Вып. Е1-8). М., 1970; Он же. Восточные славяне... С. 58–66; Он же. Славяне в раннем средневековье... С. 238–246; Петренко В.П. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв. Сопки Северного Поволжья. СПб., 1994.
13. Исланова И.В. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М., 1997. С. 22–56.
14. Остается нерешенным вопрос об условиях изменения обрядности: на смену характерным для удомельских древностей грунтовыми могильникам приходят курганообразные насыпи – сопки. По всей вероятности, процесс смены обрядности был постепенным и эволюционным, но проследить его в деталях в связи с распространенностью безурновых и безынвентарных захоронений в тех и других погребальных памятниках не представляется возможным. Вместе с тем есть основания полагать, что обряд захоронения в грунтовых могильниках полностью не был вытеснен сопками, бытовал параллельно с захоронениями в сопках и дожил до древнерусского времени.
15. Повесть временных лет... С. 11.
16. Леонтьев А.Е. Археология мери. К предистории Северо-Восточной Руси. М., 1996.
17. Повесть временных лет... С. 13.
18. Филин Ф.П. Очерк истории русского языка до XIV столетия (Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института имени А.И. Герцена. Т. XXVII). Л., 1940. С. 86; Он же. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. М., 1972. С. 58–60.
19. Дыбо В.А., Замятина Г.И., Николаев С.Л. Основы славянской акцентологии. М., 1990. С. 157–158.
20. Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990. С. 170–179. Рис. 1.
21. Там же.
22. Попов С.Г., Зайцева Г.И. Ранние этапы заселения Новгородской округи и нижние ярусы Новгорода по данным радиоуглеродного анализа // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб., 1994. С. 171.
23. Носов Е.Н., Плохов А.В. Холопий Городок на Волхове // Древности Поволжья. СПб., 1997. С. 129–152.
24. Кирпичников А.Н. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических

- исследований) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 3–28; Он же. Ладога VIII–X вв. и ее международные связи // Славяно-русские древности. Вып. 2: Древняя Русь. Новые исследования. Л., 1995. С. 28–53; Кузьмин С.Л. Первые десятилетия истории Ладожского поселения // *Stratum + Петербургский археологический вестник*. СПб.; Кишинев, 1997. С. 228–235.
25. Согласно построениям С.Л.Кузьмина и его коллег, Ладога была основана норманнами. Первоначально поселение составляло единую усадьбу одной общины и только в 760-х годах сюда подселились восточноевропейские жители, принешие свое домостроительство и вещевые комплексы.
  26. Рябинин Е.А. У истоков ремесленного производства в Ладоге (к истории общебалтийских связей в предвикингскую эпоху) // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб., 1994. С. 5–29.
  27. Vierck H. Ein Schmiedepplatz aus Alt-Ladoga und der praurbane Handel zur Ostsee vor der Wikingerzeit // *Münsterische Beiträge zur antiken Handelsgeschichte*. Bd. II. H. 2. Münster, 1983. S. 3–64.
  28. Рябинин Е.А. У истоков ремесленного производства... С. 54–55. В слое дилака, связанном с ремесленной мастерской, найден дирхем 699/700 г., который мог попасть в низовья Волхова из Халифата не через восточноевропейские земли, а иными путями.
  29. О распространении восточного серебра см.: Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956.
  30. Седов В.В. Изборск в 8–10 веках... С. 119–131; Он же. Изборск в эпоху Древней Руси // Изборск и его окрестности... С. 9–18.
  31. Sedov V. Die Entstehung von Pskov // *Słowiańszczyzna w Europie średniowiecznej*. Bd. 2. Wrocław, 1996. S. 61–66; Седов В.В. Первые страницы истории Пскова // *Історія Русі-України (історико-археологічний збірник)*. Київ, 1998. С. 42–48.
  32. Плоткин К.М. К вопросу о хронологии городища Камно Псковской обл. // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 139. М., 1974. С. 13–16.
  33. Штыхов Г.В. Древний Полоцк IX–XIII вв. Минск, 1975. С. 21–27.
  34. Нижняя дата этого поселения и ранних курганов Гнёздовского комплекса определена И.И.Ляпушкиным началом IX в. (Ляпушкин И.И. Славяне лесной зоны Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства // *Культура Древней Руси*. М., 1966. С. 127–134. Однако другие исследователи склонны определять начало Гнёздовского селища не ранее, чем второй половиной IX в. (Шмидт Е.А. К вопросу о древних поселениях в Гнездове // *Материалы по истории Смоленской области*. Вып. VII. Смоленск, 1974. С. 150–164.
  35. Леонтьев А.Е. Археология мери... С. 68–192.
  36. Гидроним, по-видимому, славянского происхождения. Географические названия Гданьск, Гдыня, Гдов (от р. Гда) обычно выводят из прусского *gudde* "куст(арник)", "лес" (Топоров В.Н. Прусский язык. Словарь. Е–Н. М., 1979. С. 323–327). Однако подобные топообразования известны далеко от древнего балтского ареала – Gdow на юго-востоке Польши, реки Gdyszyna, Gdola, Gdela Duzy, Gdela Maly в бассейне верхнего течения Вислы и др. С.Роспанд полагает, что они восходят к праславянской лексеме *гъд* "влажный, мокрый" (Роспанд С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // *Восточнославянская ономастика*. М., 1972. С. 42–43).

37. Леонтьев А.Е. Городище Выжегша и происхождение Выжегшского клада // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси. М., 1988. С. 94–102; Он же. Археология мери... С. 196–209; Фомин А.В. Выжегшский клад куфических монет первой половины IX в. // Проблемы изучения древнерусской культуры... С. 103–131.
38. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950. С. 106.
39. Бранденбург Н.Е. Курганы Южного Приладожья (МАР. 18). СПб., 1895; Raudonikas W.J. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm, 1930; Равдоникас В.И. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и Юго-Восточном Приладожье (Известия ГАИМК. Вып. 94). Л., 1934; Кочкуркина С.И. Юго-Восточное Приладожье в X–XIII вв. Л., 1973.
40. Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 74.
41. Куза А.В. Новгородская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 152–159.
42. Потин В.М. Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным (IX–XII вв.) // Исторические связи Скандинавии и России. IX–XX вв. Л., 1970. С. 68–69.
43. Михайлова Е.Р. Древности североευропейского круга в псковско-новгородских длинных курганах // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. М.; Петрозаводск, 1997. С. 193–196.
44. Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. Д.С.Лихачев приписывал древнейший летописный свод Никону. Согласно изысканиям Б.А.Рыбакова, новгородский свод 1050 г. является летописью посадника Остромира (Рыбаков Б.А. Остромирова летопись // Вопросы истории. 1956. № 10. С. 46–59).
45. Шахматов А.А. Сказание о призвании варягов // Известия Общества русского языка и словесности. Т. 9. Вып. 4. СПб., 1904. С. 325; Он же. Разыскания... С. 541
46. Шахматов А.А. Разыскания... С. 294, 307.
47. Новгородская Первая летопись... С. 106.
48. Повесть временных лет... С. 18.
49. Новгородская Первая летопись... С. 106.
50. Янин В.Л. Денежно-весовые системы... С. 150–152.
51. Новгородская Первая летопись... С. 106.
52. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 305–306.
53. Отождествление летописного Рюрика и Рёрика Ютландского впервые было предложено еще Ф.Крузе в 30-х годах прошлого столетия (Крузе Ф. О происхождении Рюрика // ЖМНП Ч. 9. 1836. 1. С. 43–73). Позднее этому вопросу посвятили свои работы целый ряд исследователей (Беляев Н.Т. Рорик Ютландский и Рюрик начальной летописи // *Seminarium Kondakovianum*. Т. III. Praha, 1929. S. 215–270; Ловмянский Г. Рорик Фрисландский и Рюрик Новгородский // Скандинавский сборник. Т. VII. Таллин, 1963. С. Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь. Тверь; М., 1966.

- С. 342, 367; Кирпичников А.Н. «Сказание о призвании варягов». Анализ и возможности источника // Первые скандинавские чтения. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 1997. С. 7–18).
54. Шахматов А.А. Разыскания... С. 311–314.
  55. Stender-Petersen A. Die Varägersage als Quelle der altrussische Chronik // Aarhus. 1934. S. 66.
  56. Беляев Н.Т. Рорик Ютландский... С. 244–245.
  57. Рыбаков Б.А. Киевская Русь... С. 298.
  58. Голубева Л.А. Вещь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М., 1973.
  59. Голубева Л.А., Кочуркина С.И. Белозерская вещь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.). Петрозаводск, 1981.
  60. Седов В.В. Роль скандинавов в начальной истории древнейших городов // XII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы. М., 1993. С. 106.
  61. Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. I. М., 1994. С. 108–110.
  62. Кирпичников А.Н. Раннесредневековая Ладога... С. 3–26.
  63. Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище...
  64. ПСРЛ. Т. IV. С. 11; Т. XXVI. 1959. С. 15; Т. XXVII. 1962. С. 18.
  65. Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 101.
  66. ПСРЛ. Т. IX. С. 9.
  67. Там же.
  68. Там же.
  69. Соловьёв С.М. Сочинения. В 18 книгах. Кн. I. М., 1988. С. 128.
  70. Татищев В.Н. История Российская. Т. I. М., 1962. С. 34.
  71. Новгородская Первая летопись... С. 107.
  72. Повесть временных лет... С. 18.
  73. Татищев В.Н. История Российская... С. 34.
  74. Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище... С. 155–163.
  75. Бранденбург Н.Е. Курганы Южного Приладожья. СПб., 1895; Кочуркина С.И. Юго-Восточное Приладожье в X–XIII в. Л., 1973.
  76. Ярославское Поволжье X–XI вв. М., 1963. С. 101, 104; Дедюхина В.С. Фибулы скандинавского типа // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. (Труды ГИМ. Вып. 43). М., 1967. С. 191–207.
  77. Ярославское Поволжье в X–XI вв. М., 1963; Дубов И.В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. 124–198.
  78. Пушкина Т.А. Скандинавские находки из окрестностей Муромы // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). М., 1988. С. 162–169.
  79. Sedov V. Skandinavische Elemente im frühmittelalterlichen Pskow // Die Kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien im frühen Mittelalter (Studia Baltica Stockholmensia. 9). Stockholm, 1992. S. 143–154.
  80. Корзухина Г.Ф. Новые находки скандинавских вещей близ Торопца // Скандинавский сборник. Вып. VIII. Таллин. 1964. С. 301–302. Табл. 2:5.
  81. Кусцинский М.Ф. Отчет о раскопках в Смоленской губернии в 1874 г. // Древности. Труды Московского археологического общества. Т. IX. Вып. I. М., 1881. С. 1–5; Булкин В.А., Назаренко В.А. О нижней дате Гнездовского могильника // КСИА. Вып. 125. 1971. С. 16.
  82. Авдусин Д.А. Отчет о раскопках Гнездовских курганов // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. 2. Смоленск, 1957. С. 120–125.

83. Сизов В.И. Курганы Смоленской губернии (МАР. 28). СПб., 1902. Табл. VIII:2; Спицын А.А. Гнездовские курганы в раскопках С.И.Сергеева // Известия Археологической комиссии. Вып. 15. СПб., 1905. С. 6–70.
84. ПСРЛ. Т. 2. 1962. Стб. 15.
85. Там же. Стб. 16.
86. Шмидт Е.А. Новоселки – некрополь варягов последней четверти IX – середины X вв. в районе Смоленска // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. М.; Петрозаводск, 1997. С. 196–197.
87. Курган 76, раскопки И.С.Абрамова в Демидовском р-не, см.: Дедюхина В.С. Фибулы скандинавского типа // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. (Труды ГИМ. Вып. 43). М., 1967. С. 202.
88. Потин В.М. Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным. IX–XIII вв. // Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970. С. 69.
89. Янин В.Л. Проблемы социальной организации Новгородской республики // История СССР. 1970. № 1. С. 46–47; Он же. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977. С. 221–222; Он же. Основные исторические итоги археологического изучения Новгорода // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 19–22.
90. Пашуто В.Т. Особенности структуры Древнерусского государства // Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шапов Я.Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 34–38.
91. Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // Древнейшие государства на территории СССР. 1990. М., 1991. С. 219–229.
92. Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о Северной Руси. М., 1996. С. 103.
93. Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Шапов Я.Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 408–411.
94. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. См. также: комментарии, с. 307.
95. Новосельцев А.П. Восточные источники... С. 411–412.

Список сокращений

ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры

ГИМ – Государственный исторический музей

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения

КСИА – Краткие сообщения Института археологии

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

МАР – Материалы по археологии России

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

РА – Российская археология

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

Оглавление

Введение	3
Историческая ситуация на юге Восточной Европы в первой половине IX века и становление государства русов	8
Хазарский каганат	8
Русы	27
Государство русов	54
Первое государственное образование на севере Восточно- Европейской равнины	82
Освоение славянами лесной полосы Восточно- Европейской равнины	82
Формирование предпосылок сложения государственности	100
Конфедерация трех племен	111
Список сокращений	143

В книге известного археолога-слависта обобщаются его изыскания последних лет, касающиеся предпосылок и процессов формирования двух древнейших государств у восточных славян. Выстроена во многом обновленная концепция, в которой особое место отводится археологическим культурам дописьменного периода, летописным славянским племенам, хазарам, варягам, другим соседним народам и государствам. Книга адресована не только специалистам-историкам, но и всем, кто интересуется древней историей Руси.

9 785884 172098 >